

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
LVI международной научно-практической конференции*

№ 12 (51)
Декабрь 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна – канд. юрид. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права филиала РГГУ, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Дядюн Кристина Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии;

Жамудинов Виктор Николаевич – канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического института, Республика Казахстан.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам LVI междунар. науч.-практ. конф. № 12 (51). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. 156 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Административное право и процесс	6
СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН	6
Вагапова Лена Хайдаровна Баскакова Гульнара Зиннуровна	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	10
Кулишова Рена Тогидовна	
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	16
К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ	16
Аманжолова Ботагоз Атымтаевна Полозова Дарья Олеговна	
Секция 3. Гражданский и арбитражный процесс	24
К РАССУЖДЕНИЮ О ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОСТАНОВЛЕНИИ № 15-П ОТ 16.07.2004 Г. ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ 5 СТАТЬИ 59 АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	24
Романов Андрей Александрович	
Секция 4. Гражданское, жилищное и семейное право	31
ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	31
Андреева Любовь Александровна	
О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ О ЗАКОННЫХ ПРОЦЕНТАХ	42
Киракосян Сусана Арсеновна	
РЕФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	46
Костюк Ирина Викторовна	

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФАКТИЧЕСКИ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ	54
Морозова Оксана Александровна Шпигунова Юлия Алексеевна	
Секция 5. Земельное и экологическое право	60
ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ АРЕНДЫ С ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	60
Кустова Екатерина Дмитриевна	
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОЕКТА ЗАКОНА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГРАЖДАНАМ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ	71
Майборода Виктор Александрович Стрепетов Вячеслав Валентинович Лайпанова Елизавета Шамильевна	
Секция 6. Конституционное право	77
ТЕНДЕНЦИИ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	77
Алексеева Елена Сергеевна Андреев Олег Андреевич	
Секция 7. Правоохранительные органы	85
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	85
Коневская Ольга Юрьевна	
Секция 8. Страхование, медицинское, образовательное право и нотариат	94
ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ, КАК ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦ И ИНЕРТНОСТЬ ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ	94
Пономарёва Наталья Витальевна Стеценко Дарья Алексеевна	

Секция 9. Уголовное право	100
УГОЛОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА МОРСКИХ СУДАХ Нечаев Алексей Дмитриевич Григоренко Дарья Сергеевна	100
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ Нечаев Алексей Дмитриевич Олейников Игорь Дмитриевич	108
ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА: ПОНЯТИЕ В КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНОМ ПРАВЕ Салохутдинова Ольга Сергеевна Андреева Любовь Александровна	116
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ Серватинский Ярослав Вячеславович	121
Секция 10. Финансовое право и финансовая политика	126
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ Дюжов Алексей Владимирович	126
Секция 11. Юридическая психология	132
МЕДИАЦИЯ: ЛОГИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Андреева Любовь Александровна Виснап Нина Егоровна Трухина Ирина Николаевна	132
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВЕДЕНИЯ ДОПРОСА: ПРЕДЕЛЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ Хомякова Алевтина Владимировна Бабаян Валентина Гарегиновна	144
НЕВЕРБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ Хомякова Алевтина Владимировна Хантимирян Оксана Олеговна	149

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

Ваганова Лена Хайдаровна

*студент 1 курса направления «Юриспруденция»
юридического факультета Сибайского института
(филиала) Башкирского Государственного университета
РФ, г. Сибай*

Баскакова Гульнара Зиннуровна

*старший преподаватель Кафедры теории государства и права
юридического факультета Сибайского института (филиала)
Башкирского Государственного университета,
РФ, г. Сибай*

METHODS OF CITIZENS' RIGHTS PROTECTION

Lena Vagarova

*1-year student of "Legal Studies" of Law Department,
Sibay Institute (branch) of Bashkir State University,
Russia, Sibay*

Gulnara Baskakova

*senior Lecturer of State and Law Chair of Law Department,
Sibay Institute (branch) of Bashkir State University,
Russia, Sibay*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена способам защиты прав граждан. Показано, что существуют методы защиты прав личности (судебная защита, самозащита), также раскрываются направления защиты прав личности.

Указан пример общественного движения, призванного защищать права граждан от правонарушителей.

ABSTRACT

The article is devoted to methods of citizens' rights protection. It is shown that there are methods to protect individual rights (judicial protection, self-defense); the directions of individual rights protection are also revealed. An example of a social movement aimed to protect the rights of citizens against offenders is shown.

Ключевые слова: направления юридической защиты прав личности; общественное движение; неприкосновенность частной жизни.

Keywords: directions of individual rights protection; social movement; privacy right.

Право на защиту жизни, здоровья, свободы слова, мысли, вероисповедания, благоприятную окружающую среду – важнейшие права человека, они дарованы ему природой. Государство покрывает его правовой оболочкой, тем самым формулирует, уточняет сферу действия, закрепляет процедуры реализации. В то же время устанавливает обязанности государственных и муниципальных органов в определенные сроки рассматривать и принимать меры при обращениях. Таким образом, естественное право становится позитивным правом (юридическим) [1, с. 165].

Если в нормативно-правовом документе закреплено какое-либо естественное право граждан, но не обеспечено юридической защитой, то такие нормы принято называть декларативными, потому как реальной силой не обладают. Создание универсальной системы гарантий личных прав граждан – необходимое условие на пути к правовому государству.

В целом, можно рассматривать два главных направления юридической защиты прав личности:

1. от правонарушений, исходящих от других граждан, юридических лиц;
2. от правонарушений со стороны субъектов власти [1, с. 157].

Существуют два основных метода защиты прав человека: самозащита и судебная защита. Самозащита предполагает познания человеком в конкретной области, например трудового кодекса для защиты своих нарушенных прав перед работодателем. Судебная защита подразумевает восстановление ранее нарушенных прав в судебном порядке.

Не менее важные направления защиты прав граждан это-создание и деятельность уполномоченных государственных органов (суд, прокуратура, полиция, важнейшей задачей которых является защита правопорядка); существование и деятельность институтов гражданского общества призванных оказывать помощь гражданам – адвокатура, общество прав потребителей.

В жизни все способы тесно связаны и используются одновременно. Опыт развития российского общества свидетельствует о том, что акты субъектов власти могут быть ошибочными, причинами которых могут быть некомпетентность, пристрастность, злоупотребление правом. Поэтому в интересах дела право одной стороны решать, использовать власть должно быть уравновешено правом другой стороны обжаловать акт, требовать его пересмотра.

Возникает проблема защиты граждан от неправильных действий государственной, муниципальной и частной администрации, которое призвано решить административное право.

Авторы приводят общественное движение «Лев против». Участники движения пытаются всеми способами защитить права граждан от нарушителей Федерального закона от 23.02.13 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [7]. Данное общественное движение выступает против курения и распития алкоголя в общественных местах. Они выходят на рейды в парки, на вокзалы, детские площадки и просят тех, кто курит и пьет, потушить сигарету, утилизировать алкоголь. Если человек не тушит сигарету, то они сами тушат ее пульверизатором. Некоторые граждане сопротивляются, выходят на конфликт с участниками организации, иногда даже толпы «слегка пьяных» разъяренных молодых людей провоцируют драку с активистами. Иногда рейды совершаются совместно с полицией, в большинстве случаев полиция на их стороне, но иногда полиция пресекает активистов. Случается и такое, что сотрудники полиции сами нарушают закон о курении, и даже игнорируют активистов. Самое главное, то, что активисты снимают граждан на камеру и видеоматериал транслируется на канале «You Tube», чем вызывают массу недовольства со стороны последних [4]. Актуальность исследования в том, что участники общественного движения «Лев против», которые снимают правонарушение на камеру нарушают или нет права граждан.

Итак, сначала приведем аргументы в пользу защиты граждан их частной жизни. Начнем с самого главного правового акта, то есть международного – Всеобщей декларации прав человека. В статье 3

Всеобщей декларации прав человека указано, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность [2]. Следующий по юридической силе правовой акт – Конституция РФ также в статье 24 указывает о том, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается [6]. Далее следуют кодексы – гражданский и административный, которые также защищают права граждан. В административном кодексе указывается, что распространение информации о персональных данных влечет за собой денежный штраф [3; 5]. В гражданском кодексе, указывается то, что обнародование изображения гражданина допускается только с согласия этого гражданина [3]. Следовательно, на нормы данных нормативных актов может ссылаться гражданин, которого сняли на видео без его разрешения. Суть вопроса состоит не в том, что человека просто сняли на видео, его засняли, когда он совершил правонарушение, а именно распитие спиртных напитков и курение табачных изделий в общественном месте.

Действия общественного движения «Льва против» можно оправдать федеральным законом от 23.02.13 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака». В соответствии со статьей 9 федерального закона от 23.02.13 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» участники движения осуществляют общественный контроль по реализации мероприятий, направленных на предотвращение воздействия окружающего табачного дыма и сокращение потребления табака [7].

Таким образом, участники движения осуществляют общественный контроль по соблюдению федерального закона и стараются защитить права некурящих людей. Если же рассматривать нарушенные права правонарушителей по поводу видеосъемки, то несообразно рассматривать моральный вред, так как данная общественная организация сообщает (транслирует) правоохранительным органам в лице полиции и остальным людям о конкретных правонарушителях и дает последним советы не курить, то есть повышает правосознание граждан.

Список литературы:

1. Административное право Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н М.: Норма, 2008. – 816 с.

2. Всеобщая декларация прав человека//Справочная правовая система «Консультант. плюс» (дата обращения 28.11.15)
3. Гражданский кодекс РФ. Издательство «Омега-Л», 2015 – 571 с.
4. Интернет-сайт «You Tube» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.youtube.com/?hl=ru&gl=RU> (дата обращения 28.11.15).
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях // Справочная система «Гарант.ру» (дата обращения 28.11.15).
6. Конституция РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.constitution.ru/>(дата обращения 28.11.15).
7. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»//Справочная правовая система «Гарант.ру» (дата обращения 28.11.15).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кулишова Рена Тогидовна

*стажер кафедры административного и финансового права
Юридического института*

*Российского университета дружбы народов,
РФ, г. Москва*

E-mail: Yastrebov.2014@mail.ru

SOME ASPECTS OF PUBLIC REGULATION OF NOTARIAL ACTIVITIES IN MODERN TIMES

Rena Kulishova

*trainee of Administrative and Financial Law Chair,
Law Institute, Russian Peoples' Friendship University,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются подходы к определению правового статуса российского нотариата в современный период, обращается

внимание на двойственность административно-правового статуса, выделяются наиболее актуальные вопросы информационно-правового и административно-правового регулирования ведения электронных реестров нотариальных действий и другие направления правовой регламентации цифровой инфраструктуры нотариата.

ABSTRACT

In the article approaches to the definition of the legal status of the Russian notary in the modern period are analyzed; attention to the duality of the administrative and legal status is drawn. The most topical issues of information-legal and administrative-legal regulation of electronic registries maintenance of notarial acts and other areas of legal regulation of notaries digital infrastructure are highlighted.

Ключевые слова: нотариат; нотариальная деятельность; административно-правовое регулирование; информационно-правовое регулирование; электронный реестр; Федеральная нотариальная палата; Минюст России.

Keywords: notarial system; notarial activities; administrative and legal status; information-legal status; electronic register; the Federal Notarial Chamber; Ministry of Justice of the Russian Federation.

Теоретическое осмысление роли и места нотариата в системе публичной власти нашло свое отражение в законотворческой практике. Например, согласно положениям проектов Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности», разработанных как специалистами Федеральной нотариальной палаты, так и Минюста России, нотариатом в России было признано профессиональное сообщество нотариусов, выполняющее публично-правовые функции и не входящее в систему государственных и местных органов власти [1].

Нотариат, как звено системы государственного управления и вид государственной деятельности, имеет различные, чрезвычайно важные для исследования специфики его административно-правовых основ, составляющие, наиболее значимыми из которых являются направления, формы и методы взаимоотношений органов государственной власти и нотариата, требующие всестороннего анализа [2].

Совокупность нотариальных органов представляет собой относительно обособленную систему: государственные нотариальные конторы и государственные нотариусы; частные нотариальные конторы и нотариусы, занимающиеся частной практикой; нотариальные палаты во главе с Федеральной нотариальной палатой. В данном отношении следует согласиться с выводом Г.В. Фадеевой о том, что правовой

статус современного российского нотариуса определяется с учетом наличия в составе института отечественного нотариата двух категорий нотариусов: работающих в государственных нотариальных конторах и нотариусов, которые занимаются частной практикой.

Нотариат в силу своего публично-правового характера, обладает жесткой процедурной урегулированностью порядка совершения нотариальных действий, равно как и необходимостью исследования достаточно широкого круга доказательств.... [3].

Г.В. Фадеева совершенно точно конкретизировала правовую сущность нотариата: нотариусы всегда обладают публичными, властными полномочиями и осуществляют нотариальную деятельности от имени Российской Федерации, несмотря на то, что институт нотариата организационно не входит в систему органов государственной власти и представляет собой институт гражданского общества, при этом государство повышает степень своего регулятивного воздействия в данной сфере [7].

Тем не менее, вывод Г.В. Фадеевой о том, что административно-правовое регулирование нотариальной деятельности представляет собой определенный фиксированный уровень развития правового положения, достижение которого влечет его существенные позитивные изменения, направленные на обеспечение правомерной, эффективной деятельности в сфере реализации нотариальной деятельности, нуждается в конкретизации, особенно в условиях внедрения электронного документооборота в исследуемую деятельность. Задача изучения специфики публично-правовых основ нотариальной деятельности в России на современном этапе, предполагает рассмотрение правовых основ ее информатизации, равно как и выявление правовой природы электронных регистров в системе нотариата.

Необходимо также обратить внимание на то, что определяющим правовую природу нотариата признаком следует считать юрисдикционную, правоохранительную функцию, в определенной степени трактуемую как экстраполяция соответствующей функции Министерства юстиции Российской Федерации по организации юридических услуг и правовой помощи.

Следует также отметить, что согласно действующему законодательству о нотариате [5] контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, осуществляют Министерство юстиции Российской Федерации и органы юстиции субъектов Российской Федерации, а нотариусами, занимающимися частной практикой, –

Федеральная нотариальная палата и нотариальные палаты субъектов Российской Федерации.

Итак, нотариат в России представляет собой систему государственных органов, а также должностных лиц, которым в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате предоставлено право совершать нотариальные действия. В эту систему входят Министерство юстиции Российской Федерации, министерства юстиции республик, входящих в состав Российской Федерации, управления юстиции субъектов Российской Федерации, государственные нотариальные конторы, нотариусы, занимающиеся частной практикой, должностные лица органов исполнительной власти и консульских учреждений, а также другие должностные лица, которые действующим законодательством наделены правом в исключительных случаях совершать нотариальные действия.

Вышеизложенное еще раз подчеркивает, что нотариат по своему характеру и выполняемым функциям относится к числу органов государственного управления, так как совершение нотариальных действий возможно только органом, обладающим определенными властными полномочиями.

Министерство юстиции Российской Федерации вырабатывает стратегию развития нотариата, разрабатывают методические указания и инструкции по специальным вопросам и осуществляют контроль за нотариальной деятельностью. Следовательно, можно утверждать, что нотариальные органы в России имеют двойственный административно-правовой статус, сочетающий принципы возложения на нотариусов государственных функций и государственного контроля их деятельности с саморегуляцией [4].

Основы законодательства о нотариате устанавливают единую, четко структурированную, организованную по территориальному принципу систему, состоящую из нотариальных палат субъектов Российской Федерации, объединенных в Федеральную нотариальную палату.

При Федеральной нотариальной палате постоянно действует ряд комиссий, особую роль среди которых в силу тенденции информатизации современного общества, отведена Комиссии по использованию информационных технологий, исследующей вопросы использования информационных технологий в нотариальной практике и организационной деятельности нотариального сообщества.

Одним из значимых проектов, реализуемых данной Комиссией является эксперимент по ведению электронного реестра нотариальных действий, организованный по решению Правления Федеральной

нотариальной палаты от 12 ноября 2012 года и проводимый с марта 2013 года [6].

В электронный реестр включаются следующие сведения о действиях нотариусов: номер по реестру нотариальных действий; дата документа; вид нотариального действия; номер бланка единого образца; описание лиц, включая фамилию, имя отчество, в отношении которых совершено нотариальное действие; содержание нотариального действия, включающее полный текст нотариального документа; тарифы.

Очевидно, что для ведения электронного реестра нотариальных действий должны быть разработаны организационно-технические нормативы, закреплены правовые основы.

Специфика деятельности российского нотариата в эпоху информатизации обусловила необходимость правовой регламентации его цифровой инфраструктуры, таких вопросов как алгоритм доступа к электронному ресурсу нотариуса, классификация информации, хранящейся в реестре по категориям доступа, формирование правовых основ электронного взаимодействия нотариата и органов государственной власти Российской Федерации, определение наиболее значимых направлений развития цифровой инфраструктуры российского нотариата; формирования и развития инфраструктуры внутриорганизационного электронного взаимодействия нотариального сообщества и ряд других направлений, актуализирующих научные исследования в сфере административно-правового и информационно-правового регулирования нотариальной деятельности в России.

Список литературы:

1. Бурова А.С. Налогово-правовой статус нотариуса в России и странах латинского нотариата (сравнительно-правовое исследование): дисс. ...к.ю.н.- Москва, 2015. – 221 с.
2. Козуб Т.Р. Взаимодействие органов государственной власти и нотариата в Российской Федерации : дисс ...к.ю.н. – М., 1996. – 148 с.
3. Куленко Н.И. Конституционно-правовые основы российского нотариата: Дис. ... к.ю.н., Челябинск, 2005 – 228 с.
4. Кулишова Р.Т. Двойственность административно-правового статуса нотариальных органов// Современные проблемы публичного права в России и зарубежных странах: сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и соискателей кафедры административного и финансового права юридического факультета Российского университета дружбы народов / отв. ред. О.А. Ястребов. – М.: РУДН, 2013. – С. 171–180.

5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1) //Российская газета, № 49, 13.03.1993.
6. Сайт Федеральной нотариальной палаты // [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://notariat.ru/> (дата обращения: 18.12.2015).
7. Фадеева Г.В. Административно-правовое регулирование организации нотариальной деятельности в России : автореф. дисс. ...к.ю.н. – Саратов, 2012. – 24 с.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Аманжолова Ботагоз Атымтаевна

*канд. юрид. наук, доцент Карагандинского государственного
университета им. академика Е.А. Букетова,
Республика Казахстан, г. Караганда*

Полозова Дарья Олеговна

*магистрант Карагандинского государственного
университета им. академика Е.А. Букетова,
РФ, г. Караганда*

TO THE QUESTION OF TYPOLOGY OF PERSONS WITH MENTAL ABNORMALITIES

Botagoz Amanzholova

*associate Professor
of the Karaganda state University academician E.A. Buketov,
Republic of Kazakhstan, Karaganda*

Daria Polozova

*graduate student
of the Karaganda state University academician E.A. Buketov,
Republic of Kazakhstan, Karaganda*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются теоретические вопросы различных видов классификации лиц с психическими отклонениями. При этом предложены типы насильственных преступников с психическими

аномалиями с точки зрения различных авторов по криминологии и юридической психологии.

ABSTRACT

The article considers theoretical issues of different types of classification of persons with mental disabilities. The proposed types of violent offenders with mental abnormalities from the point of view of various authors in criminology and legal psychology.

Ключевые слова: профилактика преступности лиц с психическими аномалиями; типология лиц с психическими аномалиями.

Keywords: prevention of crime; persons with mental abnormalities; typology of persons with mental anomalies.

К проблеме типологии и классификации преступников обращались многие авторы. Столь большой интерес к ней обусловлен ее значением для теории и практики предупреждения преступности, составной частью которой является индивидуальная профилактика преступлений. Независимо от различий в выделении тех или иных типологических и классификационных построений большинству работ криминологов присуще, прежде всего, рассмотрение личности преступника в качестве социального типа [1, с. 80], обладающего определенной общественной опасностью, реализуемой в криминогенной ситуации преступлением. Общественная опасность личности преступника выявляется в процессе ее социальной действительности, следовательно, в структуру типа личности входят и социально-психологические черты.

Диалектический подход предполагает комплектность в изучении личности преступника, как и любого другого явления. «Преступный тип всегда носит живой отпечаток той социальной среды, в которой он вырабатывается», и в тоже время «врожденные особенности мозга проявляются в типологических особенностях человека». Очевидна правота К. Е. Игошева, не рекомендующего упрощать проблему детерминации преступного поведения, сводя ее лишь к социальным факторам. Он полагает, что «учение о социальном типе исходит из принципа диалектического единства психического и социального в человеке при несомненной обусловленности психического социальным» [5, с. 87]. Данный методологический подход к типологии личности преступника позволил ученому сделать вывод о том, что личность преступника представляется таким социальным типом, специфика которого выражается не только в особенностях социальных детерминант, лежавших в основе формирования у нее признака

общественной опасности, но и в тех чертах и качествах, которые составляют особенность ее духовного мира и поведения, предопределяя специфический ракурс восприятия и оценки окружающих социальных условий.

Необходимость типологии и классификации насильственных преступников с психическими аномалиями вызвана не только значительной их долей среди преступников, но и действительно «специфическим ракурсом восприятия и оценки окружающих социальных условий», отражающимся на качестве их включенности в социальную действительность. Это необходимо также для улучшения работы по расследованию преступлений, совершенных такими лицами и их исправлению.

Прежде чем изложить разработанную типологию и классификацию преступников с психическими аномалиями, представляется необходимым остановиться на имеющихся уже в литературе типологиях и классификациях, в той или иной мере связанных с рассматриваемой проблемой.

Подход к типологии и классификации преступников во многом предопределяется целями и задачами ее практического применения. В криминологии широко известна типологическая группировка преступников А.Г. Ковалева, в основу которой положена степень криминальной зараженности правонарушителя, понимаемой как синоним степени и характера общественной опасности преступника. При этом Ю.М. Антонян и Ц.А. Голумб отмечают, что А.Г. Ковалев справедливо рассматривает в единстве социальные свойства и качества личности с ее природными особенностями. Следовательно, на степени криминальной зараженности личности правонарушителя опосредованно сказываются и нервно-психологические расстройства, в том числе и приобретенного характера [1, с. 86].

Н.С. Лейкиной впервые в отечественной криминологии в целях индивидуализации наказания были выделены преступники с психическими аномалиями. Отмечено резкое усиление антиобщественной направленности преступников при осложнении психопатий алкоголизмом, а алкоголизма психопатизацией, равно как и совершение психопатами большинства убийств и телесных повреждений из хулиганских побуждений [6, с. 96].

Очевидным прогрессом следует рассматривать предложенную П.С. Дагелем классификацию преступников по их психологическим особенностям. Автором выделяются из общей массы, прежде всего, лица с психическими аномалиями. Классификацию преступников по общим чертам характера П.С. Дагель считает более сложной,

в связи с не разработанностью проблемы типологии характера в психологии. Характерологические особенности лиц с различными психическими аномалиями достаточно полно изучены в психиатрии. В криминологической классификации и типологии они неразрывно связаны с породившими их психическими расстройствами, типичны для последних и неотрывны от них. Эти особенности при определенных воздействиях социальной среды скорее могут способствовать преступному поведению, но вне его проявления они не имеют криминогенного значения. Поэтому П.С. Дагель совершенно справедливо придает предлагаемой им классификации уголовно-правовое значение лишь в том случае, когда «психологические особенности связаны с совершенным лицом преступлением и в той или иной степени характеризуют его общественную опасность» [4, с. 75].

Р.И. Михеев предлагает группировку психических аномалий у преступников в зависимости от классификационных критериев по разным основаниям: природе возникновения, характеру психических изменений и преимущественному преобладанию психических расстройств. Затем по каждому основанию ими дается более подробное медико-психологическое разделение аномалий [7, с. 94].

С группировкой психических аномалий, предложенной Р.И. Михеевым, весьма сходна типология несовершеннолетних преступников с психическими аномалиями, разработанная Т.К. Белокобыльской. Группируя указанных преступников «по характеру психического отклонения», она условно выделяет четыре типа: 1) травматика; 2) психопаты; 3) алкоголики; 4) олигофрены. К первому типу отнесены лица, «имеющие последствия органического поражения ЦНС и остаточные явления черепно-мозговых травм», ко второму – несовершеннолетние, «имеющие психопатические черты характера и психопатии»; к третьему – правонарушители, «у которых диагностированы хронический алкоголизм или наркомания, а также патологическая склонность к злоупотреблению алкоголем или наркотиками». Четвертый тип образует «преступники с различной степенью умственной недостаточности» [8, с. 204].

Несколько упрощенно к группировке аномалий психики у преступников подходит З.А. Вышинская, сводящая практически всю проблему аномалий к хроническому алкоголизму. Причина алкоголизма ею усматривается в злоупотреблении преступниками алкоголем. Преступники с диагнозом хронический алкоголизм составляют небольшой процент, но проведенное исследование показало, что по отношению к лицам, страдающими психическими расстройствами в результате употребления наркотических средств

и находящихся в реактивном состоянии, большинство лиц с психическими аномалиями, совершивших преступление, находилось в состоянии алкогольного опьянения.

В одной из группировок З.А. Вышинская рассматривает отдельно лиц с остаточными явлениями органического заболевания центральной нервной системы и лиц с остаточными явлениями органического поражения головного мозга. Утверждается, что этиология этих аномалий качественно отлична. Это так, если иметь в виду травматическую или нейроинфекционную этиологию. Две указанные З.А. Вышинской диагностические дефиниции – одно и то же. Поэтому предлагаемая группировка несколько искусственна [3, с. 47].

Исследуя лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления в быту, Г.А. Панфилов предложил их классификацию, состоящую из четырех групп, взяв за критерий особый механизм мотивообразования. Автор полагает, что она «может быть приемлема в качестве криминологической классификации личности преступника вообще, а также как классификация личностей с отклоняющимся от правил социалистического общежития поведением для предупредительно-профилактического вмешательства». К одной из групп – четвертой Г.А. Панфилов отнес лиц, страдающих «неполноценностью психики, проявляющейся в форме алкоголизма, душевной болезни, врожденного слабоумия, черепно-мозговой травмы, гериатрических необратимых изменений в психике». Автор утверждает, что это уже не классификация, а «типология бытовых преступников (лиц, совершивших общественно опасные действия) дана с учетом характера главных движущих сил их общественно опасного поведения» [2, с. 40].

Ю.М. Антонян и Ц.А. Голумб предложили следующую криминологическую типологию личности преступника с психическими аномалиями, свойства и поведение которой образуют три основных типа: психопатизированный, алкоголизированный и интеллектуально ограниченный.

К психопатизированному типу относятся преступники, страдающие психопатиями и обнаруживающие резко выраженные психопатические черты характера, а также преступники с другими нервно-психическими расстройствами, на фоне которых развился стойкий психоподобный синдром (психопатизация личности). Поведение последних является психопатическим или сходным с ним внешне. Данный тип наиболее распространен во всех возрастных группах преступников. Криминогенность данного типа носит универсальный характер. Представители этого типа в равной мере

совершают хулиганство, тяжкие насильственные, корыстные и иные преступления. Чаще всего являются организаторами и основными исполнителями преступлений, совершенных в группе, и инициаторами конфликтов. Уровень рецидива преступлений среди преступников данного типа наиболее высок.

К алкоголизированному типу преступников могут быть отнесены лица, особенности поведения которых обусловлены личностными изменениями, возникшими на почве злоупотребления алкоголем, наркотиками. В первую очередь это хронические алкоголики (наркоманы) и лица, злоупотребляющие алкоголем (наркотиками), а также преступники, алкоголизация (наркоманизация) которых, развившись на фоне уже имеющихся нервно-психических расстройств, определила изменения личности и поведения по алкогольному типу.

Больше всего их в старших возрастных группах. Чаще всего они совершали убийства и телесные повреждения в быту, кражи, хулиганство и реже изнасилования, нередко нарушения сексуальных влечений. Уровень рецидива среди преступников данной группы также достаточно высок. Большинство преступлений совершаются ими в одиночку, так как их социальные контакты (при общей социальной направленности) носят случайный характер в силу происходящего процесса деградации личности.

Интеллектуально ограниченный тип охватывает преступников, чьи личностные изменения определяются чертами снижения умственной деятельности, элементами слабоумия, носящего наследственный, врожденный или рано приобретенный характер. В первую очередь, это олигофрены, а также лица, у которых снижение интеллектуального уровня наступило вследствие различных органических поражений ЦНС, а также преступники психически незрелые или инфантильные, умственно отсталые, у которых последствия органических поражений ЦНС выражены незначительно и для которых большое значение в поведенческих девиациях приобретает социально-педагогическая запущенность. Ведущими у них становятся черты, внешне сходные с чертами поведения гипердинамических олигофренов в степени умеренно выраженной дебильности. Часто ими, как уже указывалось, совершаются изнасилования и иные тяжкие преступления против личности, хулиганство на сексуальной почве. Отрицательный характер их социальных связей, частота вхождения в группы с антиобщественной ориентацией, высокая подверженность влиянию группы, внушаемость сказываются на поведении, отличающемся ярко выраженной

импульсивностью. Как правило, это молодые преступники со сравнительно низким показателем рецидива.

Авторы полностью согласны с данной типологией личности преступников с психическими аномалиями, которая находит свое отражение в рассматриваемом исследовании. Хотелось бы добавить к психопатизированному типу личности лиц с реактивными психозами, а к алкоголизированному типу лиц, употребляющих токсические вещества (таулол, мастику, бензин и т. д.). По результатам рассматриваемого исследования видно, что лица интеллектуально-ограниченного типа, совершая преступления в группе лиц, чаще всего выступают в роли исполнителя и очень часто в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ. Для примера, как несовершеннолетних используют для проникновения в жилище через форточку, так и лиц интеллектуально-ограниченных используют для совершения преступления, в силу того, что данные лица внушаемы и поддаются влиянию толпы.

Предложенные типы насильственных преступников с психическими аномалиями возможно конкретизировать по классификационным признакам. Представить возможную единственную и законченную классификацию правонарушителей затруднительно, так как содержание ее зависит от качества и объема информации о личности преступника в динамике ее социального и психического развития.

Полученная Ю.М. Антоняном и Ц.А. Голумбом эмпирическая основа для определения типобразующих и классификационных признаков личности насильственного преступника с психическими аномалиями позволяет предложить классификацию этих лиц по ряду критериев, объединенных в группы и характеризующих:

- а. социально-биологические признаки (пол, возраст, наследственная патология);
- б. трудовую занятость, источники существования;
- в. психическую дефектность и характерологические черты;
- г. формирование и развитие антиобщественной направленности, а также ее характер и степень выраженности;
- д. совершенное преступление;
- е. осужденных впервые и лиц, имеющих рецидив.

Каждую классификационную группу признаков, в свою очередь, возможно дифференцировать. Психическую дефектность возможно классифицировать по диагностическим группам, характеру вызываемых личностных изменений, степени усложненности другими аномалиями, по этиологии, связи с отдельными преступлениями.

По чертам характера преступников возможно классифицировать следующим образом возбудимо-агрессивные и злобные (ауто-агрессивные, суицидальные), замкнутые и аффективно холодные, эгоцентричные и истерические и т. д.

Избранный авторами метод оценки любого отдельного взятого криминологически значимого признака личности на фоне всех остальных позволяет получить в различных сочетаниях обширную, дифференцированную и статистически значимую информацию, о формировании личности преступника, характеристике преступления и преступного поведения, психической неполноценности и ее влиянии на все криминологические параметры и характерологические черты личности, реализуемые в противоправном поведении, во взаимосвязи с социальными факторами по каждому признаку.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М., Голумб Ц. А. Предупреждение преступного поведения лиц с психическими аномалиями: Учеб. пос. / Под общ. ред. Ю.М. Антоняна. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1984. – 80 с.
2. Антонян Ю.М., Панфилов Г.А. Профилактика преступлений в сфере быта. – М.: Изд. ВНИИ МВД СССР, 1979. – 40 с.
3. Вышинская З.А. Уголовная ответственность за преступные посягательства на колхозное имущество. – М.: Госюриздат, 1959. – 148 с.
4. Дагель П.С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1977. – 144 с.
5. Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. – М.: Юрид. лит., 1989. – 448 с.
6. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 129 с.
7. Михеев Р.И. Уголовная ответственность лиц с психофизиологическими особенностями и психогенетическими аномалиями: (спорные вопросы правовой теории и трудности практической деятельности органов правоприменения) :Учеб. пос. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1989. – 94 с.
8. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1983. – 300 с.

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

**К РАССУЖДЕНИЮ О ПОЗИЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ПОСТАНОВЛЕНИИ № 15-П ОТ 16.07.2004 Г.
ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ЧАСТИ 5 СТАТЬИ 59
АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Романов Андрей Александрович

*аспирант кафедры гражданского права и процесса
Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
Управляющий партнер Консультационной группы «Верно»,
РФ, г. Владивосток
E-mail: vl-consulting@mail.ru*

**THE DISCUSSION OF THE POSITION
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF RUSSIAN
FEDERATION IN THE RESOLUTION
№ 15-P DATED 16.07.2004 FOR THE CONSTITUTIONALITY
OF CLAUSE 5 OF ARTICLE 59 OF THE ARBITRATION
PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Andrey Romanov

*postgraduate for Civil Law and Procedure
Department of the Law School of the Far Eastern Federal University,
Managing Partner, VERNО, The Consulting Group,
Russia, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена вопросам изучения позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении № 15-П от 16.07.2004 г. в части выявления содержания суждений Суда о возможности и правомерности допущения монополии на участие лиц с определенным статусом в судопроизводстве Российской Федерации. Исследуются выводы Суда о законодательно установленных ограничениях по допуску адвокатов в арбитражный процесс и влияние данных суждений на обсуждаемые вопросы о введении так называемой адвокатской монополии на судебное представительство.

ABSTRACT

This article is devoted to studying the position of the Constitutional Court expressed in the Resolution № 15-P of 16.07.2004, due to identify the content of the Court's ruling of the possibility and legitimacy of assumptions monopoly of persons with a special status of advocate to be the sole representatives on the court hearings under Russian Procedure Law. The author stresses the Court's findings connected to the statutory restrictions for the only the lawyers' admission for the arbitration proceedings and the impact of these judgments on the issues discussed on the implementation of so-called monopoly on legal representation.

Ключевые слова: гражданский процесс; арбитражный процесс; конституционный суд; судебное представительство; адвокат; допуск; судебный процесс; слушание; рассмотрение дела; суд; статус.

Keywords: civil procedure; arbitral procedure; constitutional court; court representation; lawyer, advocate; admission; court proceedings; court hearings; trial investigation; court; status.

В течение последнего времени бурно обсуждаемая в различных источниках информации Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи приводит некоторых авторов к мнению о том, что Конституционный Суд Российской Федерации уже высказывал позицию относительно так называемой «адвокатской монополии», указав определенные выводы в постановлении № 15-П от 16.07.2004 г. по делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Ввиду ожесточенных споров сторонников и противников введения в гражданском и арбитражном процессах правил о допуске к судебному представительству исключительно лиц, обладающих статусом адвоката, полагаем необходимым затронуть вопрос

содержания позиции Конституционного Суда Российской Федерации по названному вопросу.

Поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации явилось законоположение части 5 статьи 59 АПК РФ (в итоге признанное не соответствующим Конституции РФ), согласно которому представителями организаций могут выступать в арбитражном суде по должности руководители организаций, действующие в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом, учредительными документами, или лица, состоящие в штате данных организаций, либо адвокаты.

При таких обстоятельствах, при системном толковании положений статьи 59 АПК РФ (в действовавшей на тот момент времени редакции) следовало, что арбитражные суды не могли допускать к участию в арбитражном процессе в качестве представителя организации лицо, которое не состояло в штате данной организации или же не являлось адвокатом.

Мотивация запросов и жалоб в Конституционный Суд РФ по рассматриваемому вопросу сводилась к неравенству сторон в арбитражном процессе (граждан и организаций), и обосновывалась нарушением конституционных прав частнопрактикующих юристов и сотрудников юридических фирм, не обладающих статусом адвоката.

Конституционный Суд РФ, рассматривая данное дело, указал, что реализации права на судебную защиту наряду с другими правовыми средствами служит институт судебного представительства, обеспечивающий заинтересованному лицу получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1 Конституции Российской Федерации), а в случаях невозможности непосредственного (личного) участия в судопроизводстве – доступ к правосудию. При этом, в отличие от граждан, организации по своей правовой природе лишены возможности непосредственно участвовать в судопроизводстве, а потому дела организаций ведут в арбитражном суде их органы в лице руководителей, или иные, по их выбору, представители [3, с. 1].

Ссылаясь на принципы состязательности и равноправия сторон, суд, тем не менее, пришел к выводу, что предусмотренное Конституцией РФ право на судебную защиту и принципы гражданского и арбитражного процесса не предполагают выбор по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, а право вести свои дела в суде через выбранного представителя не означает безусловное право выбирать в качестве такового любое лицо

и не предполагает возможность участия в судопроизводстве любого лица в качестве представителя.

Российское законодательство содержит нормы, устанавливающие определенные ограничения при допуске представителей к участию в судопроизводстве. Например, в соответствии с п. 1 ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а пунктом 2 ст. 49 УПК РФ установлено, что в качестве защитников, как лиц, осуществляющих в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающих им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, допускаются адвокаты [4, с. 1].

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в ст. 55 предусматривает требования к лицам, которые могут быть представителями в суде по данному порядку производства. Согласно цитируемой норме, представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование [2, с. 1].

Положениями ст. 53 Федерального конституционного закона РФ № 1-ФКЗ от 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» предписано, что представителями сторон по должности могут выступать: руководитель органа, подписавший обращение в Конституционный Суд Российской Федерации, руководитель органа, издавшего оспариваемый акт или участвующего в споре о компетенции, должностное лицо, подписавшее оспариваемый акт, любой член (депутат) Совета Федерации или депутат Государственной Думы из числа обратившихся с запросом. Представителями сторон могут быть также адвокаты или лица, имеющие ученую степень по юридической специальности, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами. Каждая из сторон может иметь не более трех представителей [5, с. 1].

При таких обстоятельствах, Конституционный Суд отметил, что законодатель вправе предусмотреть определенные преимущества для адвокатов при допуске их в качестве представителей в суде, если необходимость таких преимуществ обусловлена публичными интересами, либо же предоставление такового привилегированного положения установлено федеральным законодателем и продиктовано конституционно значимыми целями.

Исследуя вопросы баланса публичных интересов и прав и законных интересов лица при выборе представителя для судебной защиты, принимая во внимание принцип диспозитивности, указанный

в АПК РФ и ГПК РФ, само диспозитивное начало гражданского законодательства, из которого проистекают как материальные гражданские правоотношения, по поводу которых может возникнуть спор, так и правоотношения между доверителем и представителем, суд пришел к выводу о том, что ограничение на выбор представителя в арбитражном суде по сути связано лишь с организационно-правовой формой представляемого – в данном случае юридического лица. Вместе с тем, представителями в арбитражном суде граждан и индивидуальных предпринимателей согласно той же норме ч. 3 ст. 59 АПК РФ могли выступать не только адвокаты, но и иные лица, оказывающие юридическую помощь.

Кроме того, ст. 48 ГПК РФ не устанавливает различий между организациями и гражданами в вопросе выбора ими представителя в гражданском процессе и не связывает возможность реализации данного права с наличием у такового представителя статуса адвоката. Равно также и Кодекс РФ об административных правонарушениях не предъявляет разных требований к защитнику организации или гражданина, привлекаемых к административной ответственности.

Таким образом, квинтэссенцией суждения Конституционного Суда РФ о несоответствии ч. 5 ст. 59 АПК РФ Конституции РФ явилось то, что установленное законодателем ограничение по допуску представителя в арбитражный процесс было связано исключительно с организационно-правовой формой представляемого, а не отвержение судом допустимости «адвокатской монополии» в российском судопроизводстве.

Обосновывая данное постановление № 15-П от 16.07.2004 г., Конституционный Суд РФ исходил из конституционных начал, заложенных в Конституции РФ в системной взаимосвязи с нормами о представителе (его статусе, правах, условиях допуска в процесс) и сравнении их с соответствующими, изложенными в различных кодексах, а также с уже ранее высказанным позициями Конституционного Суда РФ.

Безусловно, при отсутствии в гражданском или административном процессе требований к наличию у представителя организации статуса адвоката как условия для допуска к судопроизводству невозможно утверждать о соблюдении основополагающих и фундаментальных принципов равенства и равноправия в судопроизводстве России.

При этом, изложение в процессуальном законе требования о наличии у представителя организации статуса адвоката как обязательного и необходимого условия для допуска в процесс

несомненно свидетельствует об установлении преференции исключительно по субъекту, в данном случае – по признаку его принадлежности к определенной организационно-правовой форме, что нивелирует принцип равенства сторон в процессуальных отношениях и диспозитивности поведения стороны в выборе представителя.

Однако, исследуемое постановление Конституционного Суда РФ не отвергает возможности существования «адвокатской монополии», а наоборот, отчасти и признает необходимость наличия преференциальных условий для профессиональных участников рынка юридической помощи там, где этого требуют публичные интересы или же конституционно значимые цели. Следует сделать акцент и на том, что приходя к выводу о не конституционности положений ч. 5 ст. 59 АПК РФ, Конституционный Суд России руководствуется и актуальным на дату принятия постановления российским законодательством, которое знает нормы о так называемом «непрофессиональном» судебном представительстве, и не предъявляет особых требований к представителю для допуска к участию в деле (ст. 48 ГПК РФ, ст. 25.5 КоАП РФ, ч. 3 ст. 59 АПК РФ).

Соответственно, при возможном изменении норм процессуального права (в частности, процессуальных кодексов), что, собственно, и находится в компетенции федерального законодателя, на предмет введения норм, устанавливающих возможность допуска в судопроизводство представителей по определенному цензу (наличию высшего юридического образования, как это сейчас определено Кодексом административного судопроизводства РФ, или же наличию статуса адвоката – как это планируется), Конституционный Суд РФ будет поставлен в уже иные условия содержания текущего федерального законодательства, что, вероятно, и обусловит возможность выявления иного конституционного смысла и соответствующей позиции Конституционного Суда РФ. Вместе с тем, и в настоящее время, исходя из изложенного выше, утверждать о признанной неконституционности любой монополии на участие в судопроизводстве, объективной возможности нет.

Список литературы:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.11.2015). СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189603;div=LAW;rnd=184768.07763011124916375;;ts=14252209961847686398863329086453> (дата обращения: 15.12.2015).

2. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.06.2015). СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182085;div=LAW;rnd=184768.6466644895263016;;ts=1425221098184768429432385135442> (дата обращения: 15.12.2015).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан». СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=48523> (дата обращения: 15.12.2015).
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015). СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182087;div=LAW;rnd=184768.16531197377480567;;ts=14252210271847688402229738421738> (дата обращения: 15.12.2015).
5. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. От 08.06.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации». СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=180827;dst=0;rnd=184768.3315856996923685;SRDSMODE=QSP_GENERAL;SEARCHPLUS=1-%F4%EA%E7;EXCL=PBUN%2CQSBO%2CKRBO%2CPKBO;SRD=true;ts=15927676501847684991873058024794 (дата обращения: 15.12.2015).

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, ст. преподаватель
Новгородского филиала Современной гуманитарной академии,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

ON IMPLEMENTATION OF POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN FEDERAL LEGISLATION

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Novgorod branch
Modern humanitarian Academy,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются способы и формы имплементации Постановления Конституционного Суда РФ от 04 июня 2015 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в федеральном законодательстве. Автор анализирует содержание позиции Конституционного Суда РФ о возможности и правомерности допущения однократной компенсации за утрату права собственности на жилое помещение из казны России собственнику жилья или добросовестному приобретателю, исследует особые условия и порядок

предоставления компенсации. Рассмотрев проект о внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, автор предлагает установить определенные критерии, обеспечивающие конституционные права граждан.

ABSTRACT

The article discusses the ways and forms of implementation of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation dated June 04, 2015 № 13-П "On business about check of constitutionality of provisions of article 31.1 of the Federal law "On state registration of rights to immovable property and transactions therewith" the Federal law. The author analyzes the content of the judgments of the constitutional Court of the Russian Federation on the possibility and legitimacy of assumptions one-time compensation for the loss of the right of ownership of housing from the Treasury of Russia the owner of the property or a bona fide purchaser, examines the specific conditions and procedure for granting compensation. Exploring the project on amendments and additions to certain legislative acts of the Russian Federation, the author proposes to impose conditions to ensure that the constitutional rights of citizens.

Ключевые слова: государственная регистрация; право собственности; недвижимое имущество; компенсация; жилая площадь.

Keywords: state registration; property; real estate; compensation; living area.

Поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации явились законоположения статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [8], в итоге признанные не соответствующими Конституции РФ. Проект федерального закона № 955220-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разработан в целях реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина» [4].

В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 г. № 13-П [4] положения статьи 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [8] признаны не соответствующими статьям 19 (часть

1), 35 (часть 1), 40 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации [2] в части сложившейся правоприменительной практики, не допускающей выплату добросовестному приобретателю, от которого было истребовано жилое помещение, разовой компенсации за счет казны Российской Федерации в случаях, когда по не зависящим от него причинам в соответствии со вступившим в законную силу решением суда о возмещении ему вреда, причиненного в результате утраты такого имущества, взыскание по исполнительному документу в течение одного года со дня начала исчисления срока для предъявления этого документа к исполнению не производилось, так как отсутствуют основания для привлечения компетентного государственного органа к ответственности за незаконные действия (бездействие), связанные с производившейся им государственной регистрацией прав на указанное жилое помещение.

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [9], вступающим в силу с 1 января 2017 г., уточнены положения относительно оснований и размера выплаты Российской Федерацией компенсации за утрату права собственности на жилое помещение.

Например, в соответствии с пунктом 1 статьи 68 Закона № 218-ФЗ физическое лицо, являющийся собственником единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, который по не зависящим от него причинам не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также физическое лицо, добросовестный приобретатель, от которого было истребовано единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение, имеет право на выплату за счет казны Российской Федерации однократной компенсации за утрату права собственности на такое жилое помещение [9].

Однократная компенсация лицам (пункт 2 статьи 68 Федерального Закона № 218-ФЗ [9]) производится в сумме, установленной вступившим в законную силу решением суда о возмещении данным лицам третьими лицами вреда, причиненного в результате утраты указанного имущества, если в соответствии с этим решением суда взыскание по исполнительному документу прекращено в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве. Таким образом, порядок получения компенсации потребует решения суда по отдельному делу, затем исполнительного производства, а далее вновь обращение в суд для определения размера компенсации и получения всей суммы из казны Российской Федерации.

Юристам континентальной правовой системы правовая ситуация, когда суд следует воле законодателя понятна, и совершенно недопустимо обратное, когда законодатель в своем творчестве следует судебной воле. В предложениях о необходимости имплементировать судебные решения в законодательство не всегда следует положение о закреплении судебной позиции нормой закона.

О. Эрлих отмечает, что избирается компромиссный вариант: законодатель делает позицию суда своей. Это отвечает и строгому социологическому подходу, согласно которому большинство законодательных норм вышли из содержания «норм решения», сформулированных конкретным юристом применительно к конкретному спору, содержащему вербализованный смысл, претендующий на общезначимость [10, с. 212–213].

Вместе с тем правовые реалии, признающие конституционное правосудие, переформатировали привычные убеждения и в случае признания действующих норм неконституционными, законодатель безоговорочно обязывается следовать судебной воле. В романо-германских системах законодатель обязан отреагировать на решение конституционного суда, и одной из форм такой реакции будет закрепление судебной правовой позиции в законодательной норме. Это позволяет отдельным авторам, в частности Н.С. Бондарю, характеризовать Конституционный Суд РФ в качестве «квазиправотворческого органа» [1, с. 96]. С некоторыми оговорками ситуацию, складывающуюся в связи с рядом решений конституционных судов, можно рассматривать как нюансы введения их в федеральное законодательство. Между тем такой подход оправдан, если российскими судами выносятся принципиальные решения. В ходе судебных разбирательств рождается иногда не менее, а даже более абстрактное правило, чем правило, созданное законодателем [6, с. 9, 15, 19]

Проблема не исчерпывается имплементацией норм, создаваемых Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, который также причастен к нормотворчеству и использует право законодательной инициативы. Проблема имплементации судебных решений в законодательство может и не возникнуть, поскольку прецеденты действуют самостоятельно. Вопрос об имплементации решений судебных органов проблематичен, где нормативное регулирование связывается с изданием в установленном порядке общего правила поведения, и тогда требуется законодательная процедура. Автору представляется, что законодательная процедура по имплементации решений Конституционного Суда РФ в действующее законодательство должна быть разграничена на две категории норм, формируемых

федеральным законодателем и уполномоченным исполнительным органом. Именно в такой форме должен сформулировать федеральный законодатель обоснованность однократной компенсации, основываясь на позиции Конституционного Суда РФ, предложив обосновать и разработать исполнительному органу расчет размера компенсации, а также порядок получения компенсации.

В частности в Проекте федерального закона № 955220-6 указываются случаи получения компенсации:

1. смерти должника-гражданина, объявления его умершим или признания безвестно отсутствующим, если установленные судебным актом, актом другого органа или должностного лица требования или обязанности не могут перейти к правопреемнику и не могут быть реализованы доверительным управляющим, назначенным органом опеки и попечительства;

2. внесения записи об исключении юридического лица (организации-должника) из единого государственного реестра юридических лиц [5].

Таким образом, связываются понятия правосубъектности и правоспособности, рассматриваемые федеральным законодателем в системе нормативного регулирования права собственности.

Пунктом 3 статьи 68 Федерального закона № 218-ФЗ установлено, что однократная компенсация лицам не может превышать один миллион рублей [8]. Проект федерального закона № 955220-6 в Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [5] вносит корреспондирующие изменения без оценки действительности.

Вместе с тем Проектом федерального закона № 955220-6 предлагается дополнить положения Федерального закона № 218-ФЗ о регистрации и Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ нормой, в соответствии с которой однократная компенсация выплачивается независимо от наличия оснований для привлечения органа, осуществляющего государственную регистрацию прав, к ответственности за незаконные действия (бездействие), связанные с государственной регистрацией прав на жилое помещение [5].

В российской юридической науке обращается внимание на рождение правовых норм именно в ходе обобщения и анализа сложившейся практики, но решения отдельных судов даже по знаковым делам чаще всего остаются без внимания. В решениях Конституционного Суда РФ, особенно при пробелах в законодательстве, часто формулируется прямо позиция по отдельной жалобе,

рассматривается новое нормативное положение, заслуживающее стать полноценной нормой через процедуру восприятия. Отсюда разграничение нормотворчества законодательной и исполнительной власти, объема полномочий, позволяющее разграничить в процессе нормотворчества полномочия федерального законодателя и органов исполнительной власти. В определенной степени судебным органам отдается приоритет в правотворчестве, но вместе с тем, отдельные позиции суда воспринимаются законодателем как бесспорные правоустановления.

В.В. Лазарев подчеркивает, что иногда наука непосредственно вплетается в ткань практической деятельности по формированию правовых позиций суда и в результате создается по существу готовый продукт для восприятия его законодателем [3, с. 33–38]. Идея имплементации, наполнения законодательных актов новым содержанием по результатам их реализации органами судебной власти, различна для Конституционного Суда РФ и Верховного Суда, когда уполномоченный субъект осуществляет свои функции в целях нормативного правового упорядочения значимых общественных отношений, а затем вносит коррективы, анализируя практические результаты собственных инициатив. Однако законодатель не имеет оснований копировать в нормативных правовых актах выводы и оценки, к которым пришли судебные органы. Необходимо проделать обратный путь воссоздания моделей общественных отношений, которые будут адекватно и предметно отражать потребности нормативно-правового регулирования. Таким образом, позиции Конституционного Суда РФ, рассматривая отдельные жалобы, указывают на не конституционность отдельных норм, законодатель в законопроекте регулирует отдельное правоотношение, а уполномоченный орган исполнительной власти регулирует размер и порядок получения компенсации. Ограничив размер компенсации не более 1 млн. рублей, законодатель перекладывает определение размера компенсации в конкретном случае на судебный орган, а не орган исполнительной власти. Причем в данной ситуации следует учитывать и социальную значимость компенсации – приобретение жилья.

Имплементация судебных решений в законодательстве закреплена в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [7], когда законодатель обязывался пересмотреть свои нормы в свете решения Конституционного Суда РФ.

Однако, анализируя парламентскую деятельность и судебную практику следует отметить, что чаще обращались к фактам, которые

отражались в позиции общественности, правительственных или депутатских инициативах. Системного подхода к судебной практике как первоисточнику, позволяющему иметь осведомленность о достаточном либо недостаточном, точном либо неточном, последовательном либо противоречивом закреплении воли законодателя, до настоящего времени не наблюдается. Судебная практика представляет собой правовое поле, позволяющее проверить достоинства любого законодательного акта, поскольку в ней спорные отношения рассматриваются не умозрительно, а во всех возможных реалиях. В рассматриваемом Проекте федерального закона № 955220-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] законодатель определяет критерии компенсации за утрату права, зарегистрированного в Едином государственном реестре прав:

Во-первых, это физическое лицо – собственник единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, который по не зависящим от него причинам не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также физическое лицо добросовестный приобретатель, от которого было истребовано единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение, имеет право на выплату за счет казны Российской Федерации однократной компенсации за утрату права собственности на такое жилое помещение. Таким образом, критериям являются нормы жилищного законодательства: единственное, пригодное, для постоянного проживания жилое помещение, а для определения содержания – нормы гражданского законодательства: утрата права собственности, компенсация.

Во-вторых, законодатель указывает на положения, на основании которых выплачивается компенсация: однократность компенсации лицам, выплачиваемой независимо от наличия оснований для привлечения органа, осуществляющего государственную регистрацию прав, к ответственности за незаконные действия (бездействие), связанные с государственной регистрацией прав на жилое помещение, в сумме, установленной вступившим в законную силу решением суда о возмещении данным лицам третьими лицами вреда, причиненного в результате утраты имущества, если в соответствии с этим решением суда взыскание по исполнительному документу прекращено в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве, в случае смерти должника-гражданина и внесения записи об исключении юридического лица (должника-организации) из единого государственного реестра юридических лиц.

Автор полагает, что Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] в связи с внесением изменений в Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [8] и Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [9], разработанных в целях реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина» [7], не отвечает смыслу Постановления Конституционного Суда РФ от 04.06.2015 г. № 13-П по следующим основаниям:

При определении субъектов, которые не имели права отчуждать в силу договора купли-продажи, Конституционный Суд РФ не указывает перечня таковых, вместе с тем в законопроекте перечень субъектов необоснованно сужен до констатации «смерти должника-гражданина» или «внесения записи об исключении юридического лица».

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на жилище, предполагая, прежде всего ответственное отношение самих граждан к его осуществлению и одновременно возлагает на органы публичной власти обязанность создавать для этого необходимые условия. Поэтому, при регулировании прав на жилое помещение, в том числе при переходе права собственности на жилое помещение, необходимо соблюдение, с одной стороны, принципа неприкосновенности частной собственности, а с другой – баланса прав и охраняемых законом интересов всех участников этих отношений, обеспечение возможности дифференцированного подхода к оценке возникающих жизненных ситуаций, с тем чтобы избежать необоснованного ограничения конституционных прав и свобод. В частности жизненная ситуация собственника жилой площади не равнозначна ситуации, в которой находятся члены семьи собственника, причем, предположительно, и собственник и его семья вынужденно проживает на съемной квартире. В связи с чем, ограничение однократной компенсации лицам, в размере, не превышающем один миллион рублей, также не отвечает принципам социальной справедливости, ответственности государства перед гражданином и его семьей и не способствует разрешению создавшейся жизненной ситуации.

Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права государственной регистрации прав на недвижимое имущество, направлена на реализацию принципов публичности и достоверности сведений о правах на объекты недвижимого имущества и их правообладателях, она создает гарантии надлежащего выполнения сторонами обязательств и, следовательно, размер компенсации требует уточнения, в частности, возможно установление «вилку» размера компенсации «от 1,5 млн. рублей до 3 млн. рублей», независимо от удовлетворения требований к виновным субъектам гражданских правоотношений. Если решение вопроса отдается судебным органам, требуется методика расчета однократной компенсации и порядок ее применения, утвержденная уполномоченным исполнительным органом.

Институт разовой компенсации собственнику (добросовестному приобретателю) такого специфического вида имущества, как жилое помещение, в том числе в качестве материальной гарантии права на жилище, в соответствии с вступившим в законную силу решением суда о возмещении вреда, причиненного в результате утраты указанного имущества, взыскание по исполнительному документу не производится в течение одного года со дня начала исчисления срока для предъявления этого документа к исполнению, следует также связать с индексацией размера компенсации. Автор полагает, что фиксированный размер компенсации до 1 млн. руб. не позволяет приобрести на рынке какое-либо жилье, а через год – этого будет тем более недостаточно.

Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного его истолкования и, следовательно, произвольного применения, вопреки принципам равенства и справедливости, из которых вытекает обращенное к законодателю требование недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, приводит к противоречивой правоприменительной практике, ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан, в связи с чем, автор полагает, что данная редакция законопроекта не отвечает интересам граждан, служит поводом для злоупотреблений и бюрократической волокиты.

Постановление Конституционного Суда РФ обязывает законодателя лишь четко зафиксировать в нормативной форме возможность получения соответствующей компенсации безотносительно к наличию противоправных действий со стороны регистрирующих органов, не имея в виду целесообразность совершенствования правового

регулирования рассматриваемого института компенсации, что смешивает компенсацию и иные выплаты, установленные из причинения вреда, а также расширяет пределы усмотрения судом при определении размера компенсации.

Положение о необходимости дифференцированного подхода к правовому регулированию в сфере гражданско-правовых и жилищных отношений представляется весьма актуальным. В рамках именно такого подхода возможен поиск оптимального баланса между несовпадающими ценностями рыночного хозяйства и социальной защиты населения, особенно в условиях ограниченных финансовых возможностей государства. Однако, как полагает автор, конкретный размер компенсационной выплаты принципиально не связан с материальными условиями и степенью нуждаемости в жилище добросовестного приобретателя, утратившего жилое помещение вследствие противоправных действий третьих лиц.

Автор считает несправедливым, что в данном случае имеет место основанная на несправедливой уравниловке произвольная раздача государственно-бюджетных средств. Российское государство не достигло высокого уровня национального богатства, чтобы финансово-имущественные потери от участия в гражданском обороте, для которого экономический риск является неизбежным, компенсировались всем, без различия состоятельных и малоимущих, оказавшихся в ситуации объективной нуждаемости в жилье по причине утраты единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, и тех, для кого утрата жилого помещения составляет пусть ощутимую, но все же только имущественную (а не жилищную) потерю. В конституционно-правовом плане нормативные характеристики компенсаций связаны, прежде всего, с обеспечением конституционных принципов равенства, справедливости и соразмерности: компенсация служит мерой пропорционального (соразмерного) предоставления (выплаты) для обеспечения справедливого равенства или устранения несправедливого неравенства. В связи с этим требуется нормотворческий процесс дополнить полномочиями уполномоченного органа исполнительной власти, указывающего порядок получения компенсации.

Автор предлагает установить критерии, которые позволяли бы определить жилое помещение как не превышающее уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище (площадь помещения – общая и жилая, его конструктивные особенности, степень благоустроенности, рыночная стоимость и т. д.), а также введением порядка обращения взыскания на жилое помещение, требующего выявления того, является

ли данное помещение единственно пригодным для проживания собственника и членов его семьи. Меры подобного рода должны быть основаны на дифференцированном учете объективно различающихся жизненных ситуаций и носить адресный характер, с тем чтобы государственную поддержку в виде конкретных материально-финансовых ресурсов получали, прежде всего, граждане, которые в ней действительно нуждаются. Соответственно, законодателю в рамках совершенствования правового регулирования предоставления указанной компенсации необходимо, в том числе решить вопрос об установлении критериев, позволяющих обеспечить дифференцированное регулирование данной сферы отношений, необходимостью обеспечения участникам оборота жилья конституционно обоснованной защиты и поддержки со стороны государства.

На основании изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что положения Проекта федерального закона № 955220-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не носят системного характера, не учитывают прогностическую роль норм федерального законодательства, ликвидируют существующую правовую связь гражданских и жилищных правоотношений, особенности и гарантии защиты конституционных прав.

Список литературы:

1. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. – С. 96.
2. Конституция Российской Федерации // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (дата обращения 20.12.2015).
3. Лазарев В.В. Диссеминация науки в Конституционном Суде РФ // Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики // Судья. – 2013. – № 12. – С. 33–38.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2015 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князык и П.Н. Пузырина» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс. <http://base.consultant.ru/>(дата обращения: 20.12.2015).
5. Проект федерального закона № 955220-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/>(дата обращения: 20.12.2015).
6. Суд как субъект правовой политики / Под ред. А.В. Малько. М., 2014.

7. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. От 08.06.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации». // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс. <http://base.consultant.ru/>(дата обращения: 20.12.2015).
8. Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»// [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (дата обращения 20.12.2015).
9. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс. <http://base.consultant.ru/>(дата обращения: 20.12.2015).
10. Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011. – С. 212–213.

О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ О ЗАКОННЫХ ПРОЦЕНТАХ

Киравосян Сусана Арсеновна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала
КубГУ в г. Новороссийске, партнер фирмы «Эсток-Консалтинг»,
РФ, г. Новороссийск
E-mail: kirakosyan@estok.net*

ABOUT THE PROBLEMS OF APPLYING THE NEW POSITIONS OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ABOUT LAWFUL PERCENT

Susana Kirakosyan

*candidate of law, docent of the Kuban state University, Novorossiysk,
partner of the law firm “Estok-Consulting”,
Russia, Novorossiysk*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье автор проанализировал сложившуюся практику применения новых положений Гражданского кодекса РФ

о законных процентах, а именно начисление процентов по ранее заключенным договорам, применение процентов по договорам с отсрочкой платежа, соотношение законных процентов с процентами по ст. 395 ГК РФ и сделал ряд самостоятельных выводов по каждой обозначенной проблеме.

ABSTRACT

In present article the author analyzed the developed practice of applying the new positions of the Civil code of the Russian Federation about lawful percent, namely charge of percent under earlier concluded contracts, application of percent under contracts with a delay of payment, a parity of lawful percent with percent on item 395 GK the Russian Federation and did a number of independent conclusions on each designated problem.

Ключевые слова: договор; ответственность; законные проценты.

Keywords: contract; responsibility; lawful percent.

С 1 июня 2015 года в Гражданском кодексе РФ [2] произошли серьезные изменения в положениях об ответственности. Основная часть изменений коснулась прежде всего, коммерческих корпораций, которые признают, что без появления соответствующей судебной-арбитражной практики и в особенности разъяснений Верховного Суда РФ применять новые положения об ответственности затруднительно. При этом, применение новых положений уже началось и даже имеется противоречивая судебная практика.

Самой спорной в применении и опасной для коммерческих корпораций оказалась ст. 317.1 ГК РФ, установившая режим законных процентов. По своей природе законные проценты являются отнюдь не санкцией, а своего рода платой за правомерное пользование чужими денежными средствами. Они начисляются по денежным обязательствам, возникающим между коммерческими организациями (например, по договорам между ООО/АО и ресурсоснабжающими, подрядными организациями). Размер процентов определяется ставкой рефинансирования ЦБ РФ, действовавшей в соответствующие периоды.

Законные проценты в коммерческих договорах действуют «по умолчанию» сторон, если иное не предусмотрено в законе или договоре. Для того, чтобы проценты не начислялись, об этом должно быть сделано специальное указание в договоре.

При закреплении в ст. 317.1 ГК РФ режима законных процентов ряд вопросов остался нерешенным, в частности о применении законных процентов к договорам с отсрочкой платежа, о начислении

процентов по ранее заключенным договорам (до 1 июня 2015 года), а также о соотношении законных процентов с процентами по ст. 395 ГК РФ.

Как известно, в сложившейся практике подрядных договоров распространены авансовые платежи с окончательным расчетом после подписания акта выполненных работ/оказанных услуг. Получается, что при оплате работ/услуг после их выполнения/оказания заказчик получает возможность определенное время пользоваться причитающимися подрядчику/исполнителю денежными средствами. Отсюда отсрочка (рассрочка) оплаты работ/услуг рассматривается судами как предоставление заказчику коммерческого кредита (п. 1 ст. 823 ГК РФ). Если по условиям договора предусмотрена уплата процентов за пользование коммерческим кредитом, то проценты на основании п. 1 ст. 317.1 ГК РФ одновременно начисляться не могут. В этом случае подлежат применению, прежде всего, специальные правила о коммерческом кредите. Несмотря на столь однозначный вывод в судебной практике все же иногда встречаются дела о начислении процентов на проценты (сложных процентов). При этом суды ссылаются на возможность применения сложных процентов к отношениям между коммерческими субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, ссылаясь на п. 2 ст. 317.1 ГК РФ.

По вопросу применения ст. 317.1 ГК РФ к договорам, заключенным до 1 июня 2015 года арбитражные суды по меньшей мере удивляют своими непредсказуемыми выводами. Одни суды, несмотря на запрет обратной силы закона, делают вывод о возможности взыскания законных процентов по договорам, заключенным до 1 июня 2015 года. Например, в одном из судебных дел договор оказания услуг был заключен в июне 2012 года, но, несмотря на это, суд посчитал возможным начисление процентов по ст. 317.1 ГК РФ [1]. В рамках другого дела суд взыскал законные проценты наряду с неустойкой [3]. Другие суды, взыскивают проценты по ранее заключенным договорам, но указывая, что законные проценты подлежат начислению лишь с 1 июня 2015 года.

Существует и третий подход, который, по мнению автора, полностью соответствует букве закона. Суды указывают, что к правоотношениям, возникшим из договоров, заключенных до 1 июня 2015 года не применяются положения ст. 317.1 ГК РФ, поскольку указанные правоотношения, а также права и обязанности сторон, в том числе обязанность по оплате стоимости выполненных работ, оказанных услуг и т.д. возникли до дня вступления в силу изменений в ГК РФ [4; 7]. Данный подход полностью соответствует положению

пункта 2 ст. 422 ГК РФ о недопустимости обратной силы норм ГК РФ применительно к договорным отношениям, за исключением случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ, которым были внесены соответствующие изменения и дополнения в ГК РФ, не содержит указания на то, что действие данного Закона распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

Правильным такой подход судов представляется не только из-за недопустимости обратной силы норм ГК РФ, но и по причине закрепленного в ГК РФ начала добросовестности (ст. 1 ГК РФ). В договорных отношениях добросовестность предполагает, что сторона, заключившая договор на определенных условиях и предоставившая другой стороне отсрочку (рассрочку) не должна в последующем создавать финансовых обременений другой стороне, если последняя своевременно и в полном объеме выполняла взятые на себя обязательства. По сути, все сводится к тому, что одна сторона не должна «эксплуатировать» новые правовые институты в целях собственного обогащения. Даже тот факт, что законные проценты не являются санкцией не может свидетельствовать о возложении на своего контрагента дополнительного финансового бремени. Подобный подход вряд ли укрепит сотрудничество и хозяйственные связи.

Относительно соотношения законных процентов с процентами, установленными ст. 395 ГК РФ в практике также возникли споры. Следует учесть, что в отличие от процентов, предусмотренных статьей 317.1 ГК РФ, проценты по ст. 395 ГК РФ применяются как мера ответственности за просрочку денежного обязательства. Таким образом, сама природа процентов по ст. 395 ГК РФ предполагает их штрафной характер за неправомерное поведение лица, в то время как законные проценты есть плата за правомерное пользование денежными средствами.

Соответственно, основания для одновременного начисления рассматриваемых процентов отсутствуют, поскольку положения ст. 317.1 и 395 ГК РФ соотносятся между собой как общая и специальная норма. Такой вывод сделал, например, Арбитражный суд Ростовской области в своих решениях от 03.07.2015 по делу № А53-3935/15[5] и от 06.07.2015 по делу № А53-32356/14 [6]. В то время как другие суды, например, Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области взыскивают проценты сразу по обеим статьям [8].

Список литературы:

1. Арбитражный суд Кемеровской области решение от 14.08.2015 по делу № А27-11552/2015 // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).
3. Решение Арбитражного суда г. Москва от 14.08.2015 по делу № А40-110772/15 // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).
4. Решение Арбитражного суда Орловской области от 17.08.2015 по делу № А48-3660/2015 // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).
5. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 03.07.2015 по делу № А53-3935/15 // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).
6. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 06.07.2015 по делу № А53-32356/14 // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).
7. Решение Арбитражного суда Самарской области от 23.07.2015 по делу № А55-8323/2015 // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).
8. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 08.07.2015 по делу № А56-30587/2015 // ИПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.12.15).

РЕФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Костюк Ирина Викторовна

доцент, канд. юрид. наук.

*Кафедра гражданского права и гражданского процесса
Набережночелнинского института (филиала)
Казанского (Приволжского) Федерального университета,
РФ, Республика Татарстан, г. Набережные Челны
E-mail: coroma@yandex.ru*

REFORM OF CIVIL LAW AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS

Irina Kostyuk

*associate professor; Ph.D. The chair of civil law and civil procedure
Naberezhnochelninskiy Institute
(branch) of Kazan (Volga) Federal University,
Russia, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny*

АННОТАЦИЯ

На протяжении последних десяти-двенадцати лет производится обширная работа по совершенствованию гражданского законодательства. Необходимость реформирования основывается на сложившихся и устоявшихся отношениях, готовых к развитию далее; необходимости устранения противоречий, недочётов, выявленных в процессе правоприменительной и судебной практики. Столь масштабная работа не охватывает всех потребностей общества, ожиданий кардинальной либерализации законодательства, пересмотра ряда базовых подходов к регулированию отношений в сфере гражданского оборота.

В данной статье рассматривается возможность, причины и значение введения новой правовой категории в разделе общих положений о субъектах гражданского права, что позволит пересмотреть ряд нормативных предписаний публичного характера в рамках межотраслевого подхода регулирования гражданско-правового института, и обеспечит позитивный экономический эффект.

ABSTRACT

Over the past ten or twelve years performed extensive work on the improvement of civil legislation. The need for reform is based on the existing and well-established relationships, ready to be developed further; the need to eliminate the contradictions, shortcomings identified in the law enforcement and judicial practices. But even such a large-scale work does not cover all the needs of society, the expectations of a radical liberalization of the legislation, the revision of a number of basic approaches to the regulation of relations in the sphere of civil turnover.

This article examines the possibility of the causes and significance of the introduction of a new legal category under the general provisions on the subject of civil law, which will review the range of regulatory requirements in the framework of a public nature multisectoral approach regulating civil law institute, and will provide a positive economic effect.

Ключевые слова: развитие гражданского законодательства; концепция; межотраслевое правовое регулирование; самозанятые граждане; малое предпринимательство.

Keywords: development of civil law; concept; intersectoral legal regulation; self-employed citizens; small business.

Современное общество, преследующее цели создания высокоэффективного государственного управления, развитой экономики, благосостояния населения, обеспечения политического и экономического суверенитета, призвано проявлять заинтересованность, инициативу и стремление добиться поставленных целей. Важным инструментом регулирования экономических процессов, является правовая система, обеспечивающая понятные, доступные, воспринимаемые обществом правила поведения.

Гражданское право, предмет которого опосредует имущественные, неимущественные и корпоративные отношения, выступает основой, фундаментом воздействия на экономические отношения. Несмотря на то, что те самые экономические отношения являются первичными, именно грамотно выстроенная система законодательства позволяет паритетно существовать и развиваться как экономике, так и собственно праву. Это естественный симбиоз, требующий тонкой настройки, чувствительных камертонов, реагирующих на тенденции и тренды.

В тоже время, полностью полагаться на процессы саморазвития норм права, обусловленных сегодняшними, а зачастую сиюминутными потребностями общества нецелесообразно, так как экономические отношения не однородны и необходимо учитывать целый комплекс взаимосвязанных сфер. В частности речь идёт о социальной сфере, сфере занятости населения. Потому разработка доктрины, концептуальный подход к развитию национальной системы права, отдельных её направлений, признаётся необходимым и совершенно оправданным действием.

Развитие гражданского законодательства, на основе выработанных научных концепций, представляется значимым явлением в формировании российской рыночной экономики и правового государства. Концепция по своей сути представляет собой стратегический план, посредством которого происходит поэтапное совершенствование, а то и кардинальное изменение законодательства в той или иной области общественных отношений. Поэтому Концепция развития гражданского законодательства Российской

Федерации (далее Концепция) [2], подготовленная на основании Указа Президента Российской Федерации [3], стала знаковым событием.

Не вдаваясь в подробности формирования концепции, хотелось бы остановиться на обширном спектре её воздействия и некоторых итогах реализации.

Концепция затрагивает практически все подотрасли гражданского права и разделы, подразделы, гражданского кодекса. С целью логичного и последовательного внесения изменений столь широкого охвата, было предложено разбить на блоки нововведения, поэтапно формируя базис посредством принятия соответствующих нормативных актов. Таким образом, проводится модернизация Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК Российской Федерации) [1] и целого ряда федеральных законов, регламентирующих, подверженные изменению правоотношения. Это позволило синхронизировать вступления изменений, устранив при этом существующие ранее в ряде источников противоречия и разночтения.

Особо стоит отметить такие новеллы, как уточнение сферы общественных отношений, регулируемых гражданским правом и ряда принципов, формирующих идеи, заложенные в нормах гражданского права.

Реализация основных положений Концепции, претерпела некоторые изменения в фактическом исполнении, что вполне понятно и допустимо в связи с дисбалансом желаний и возможностей. В частности, стоит упомянуть о требовании к минимальному размеру уставного капитала хозяйственных обществ. Ныне существующие требования не отражают значения уставного капитала как средства удовлетворения требований кредиторов общества. Сумма в десять тысяч рублей в обществах с ограниченной ответственностью как минимально требуемый размер уставного капитала, так и осталась неизменной, в отличие от предложенной в Концепции, что вовсе не гарантирует права кредиторов. В то же время, повышение минимума могло вызвать негативную реакцию субъектов малого предпринимательства и возможный отток из бизнес сферы.

Данное обстоятельство приводит к мысли о необходимости более глубоких изменений в регулировании имущественных, экономических отношений, чем было обозначено в Концепции и реализуется путём внесения изменений в гражданское законодательство.

Правовая категория «малое предпринимательство» раскрывается через понятие «субъекты малого и среднего предпринимательства» и критерии отнесения к такому роду субъектов в федеральном законе

№ 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [5].

К субъектам малого и среднего предпринимательства относятся, внесенные в единый государственный реестр юридических лиц потребительские кооперативы и коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), а также физические лица, внесенные в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (далее – индивидуальные предприниматели), крестьянские (фермерские) хозяйства, соответствующие следующим условиям: ограничения долевого участия в организации публичных субъектов, ряда некоммерческих организаций и иностранных инвесторов; ограничения по составу работников организации и объёму выручки за определённый период времени.

Следует отметить, что критерии и требования носят усреднённый характер, как и соответствующие меры поддержки.

ГК Российской Федерации закрепляет ряд существенных различий в формальных аспектах субъектов предпринимательской деятельности в зависимости от статутного положения: индивидуальный предприниматель без образования юридического лица или же коммерческая организация. Из позитивного можно отметить упрощённый подход к регистрации статуса предпринимателя для ИП, ведение также упрощённого учёта и отчётности в отличие от юридического лица. При этом индивидуальный предприниматель ограничен в возможности осуществления некоторых видов деятельности, фактически лишен возможности ограничить свою ответственность посредством обособления имущества, используемого в предпринимательской деятельности.

Осуществление предпринимательской деятельности без образования юридического лица является востребованным, при этом виды деятельности, охваченные индивидуальными предпринимателями, а также способ организации и уровень доходов весьма различны. Наряду с гражданами, имеющими незначительные доходы, ряд индивидуальных предпринимателей обладают валовым оборотом и получаемой прибылью, сравнимой с успешно развивающейся коммерческой организацией.

Налоговое законодательство предусматривает некую дифференциацию индивидуальных предпринимателей, предлагая для лиц, задействованных в сфере ряда услуг и бытового подряда упрощённый режим налогообложения на основе патента [3]. Что же касается прочих

фискальных органов, и прежде всего пенсионного фонда, то такого рода преференции не предусмотрены.

В последнее время всё чаще в среде специалистов звучит словосочетание «самозанятые граждане». Под ним обычно понимают индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою практическую деятельность самостоятельно, не привлекая внешних работников. По сути, речь идёт о современных «ремесленниках», обеспечивающих себя заработком посредством объявленного предложения и получения заказов на оказание услуг, выполнения работ, а также предлагающих к реализации свою продукцию зачастую выполняя её кустарным способом. Собственно, именно для этой категории предпринимателей и создан специальный налоговый режим – патентная система налогообложения. Обычно такие предприниматели имеют не столь значимые доходы, вполне сравнимые с доходами средними по стране среди наёмных работников не топ уровня. Привлекает граждан такого рода деятельность по разным причинам: свободный график работы, отсутствие административного аппарата и вышестоящего руководителя, возможность самостоятельно управлять финансами и своим творчеством, осуществлять деятельность дистанционно, совмещать с иными видами деятельности, в том числе работу по найму, и прочее. Услуги или работы, которые оказывает гражданин, обычно не относятся к дорогостоящим, что минимизирует риски существенных финансовых потерь при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства.

Важным позитивным фактором такого рода занятости является самостоятельность и инициативность граждан, намерение личным трудом обеспечить своё благополучие, распорядится своими талантами и возможностями.

Учитывая небольшие доходы «самозанятых граждан», а также социальную значимость существования такого рода лиц, было бы разумно в рамках развития гражданского законодательства, внесения изменений в ГК Российской Федерации и соответствующие законы, обозначить их статутное положение, исключив из субъектов предпринимательской деятельности без образования юридического лица.

Соответственно пересмотреть положения налогового законодательства, применив режим налогообложения, предусмотренный для граждан, не осуществляющих деятельность, направленную на систематическое извлечение прибыли (предпринимательскую деятельность).

В виду предстоящей (очередной) реформации пенсионного законодательства, рассмотреть особенности формирования пенсионных

накоплений. Следует разработать систему страховых взносов в иные социальные фонды.

«Самозанятые граждане» способны реализовать ряд задач. Помимо обеспечения себя заработком, в том числе улучшения благосостояния совмещая различные виды получения дохода, обеспечить рабочие места для других граждан.

На основе полученного опыта с минимальными затратами и рисками перейти на следующую стадию профессионального развития – осуществления предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица или посредством создания юридического лица. Такой переход будет более сознательным, разумным, качественным и профессиональным.

Самозанятые граждане позволят несколько снизить нагрузку государства, связанную с обеспечением занятости граждан, осуществления фискального контроля, учёта и уменьшения коррупционной составляющей в данной сфере.

Следующим этапом может стать иной подход к формированию основ пенсионного обеспечения, медицинского страхования в отношении самозанятых граждан, ориентированному на более обширный инструментарий для обеспечения социальных аспектов жизнедеятельности граждан.

Такой вид занятости способен выработать чувство ответственности за себя, свою жизнь и определиться с приоритетами. В более полной мере раскрыть личный потенциал, занять сферы деятельности менее доходные для субъектов, так сказать, профессионального предпринимательства, в тоже время создать конкурентную среду. Закрывать великое множество «мелких» направлений, излишне не обременяя граждан дополнительными, не всегда оправданными затратами.

Данный подход способен дать и дополнительный экономический эффект посредством легализации такого рода занятости и доходов граждан, при условии сохранения действующей ставки налога на доходы, которую следует применить в соответствующем размере ставки на доходы от трудовой деятельности.

В тоже время все эти действия не требуют дополнительных затрат от государства, за исключением связанных с разработкой соответствующего механизма правового регулирования.

Возникла необходимость образования института «самозанятые граждане» на основе комплексного подхода в установлении правового режима субъектов, обеспечения гарантий защиты их деятельности и оказания поддержки; создания недискриминационных условий

фискального характера и прочих форм воздействия на экономические отношения. Эффективный механизм правового регулирования отношений, составляющих предмет гражданского права, позволит обществу совершить качественный скачок в экономике, выстроить паритетные, обоюдно доверительные отношения с государством.

Создание условий для гармоничного развития общества и есть основная задача права, в частности, гражданского права как наиболее адаптированной к насущным потребностям граждан отрасли права. Совершенствуя гражданское законодательство, следует учитывать роль гражданско-правовых норм в формировании восприятия права обществом как системы способствующей поступательному развитию, направленной на поддержку и защиту частных интересов не в ущерб интересам государства.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009 г. – № 11.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 05 августа 2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – ст. 3340.
4. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации : Указ Президента РФ от 18 июля 2008 № 1108 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 29 (ч. 1). – ст. 3482.
5. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 № 209-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – ст. 4006.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФАКТИЧЕСКИ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Морозова Оксана Александровна

*канд., филос., наук, доцент ИСОуП (филиал) ДГТУ,
РФ, г. Шахты*

E-mail: oksasha_morozova_2014@mail.ru

Шпигунова Юлия Алексеевна

*студент ИСОуП (филиал) ДГТУ,
РФ, г. Шахты*

E-mail: oksasha_morozova_2014@mail.ru

LEGAL PROBLEMS DE FACTO MARITAL RELATIONS IN RUSSIA

Oksana Morozova

*candidate of philosophical sciences, associate professor,
ISOUП (branch) of Don State Technical University,
Russian, Shakhty*

Julia Shpigunova

*student ISOUП (branch) of DSTU,
Russian, Shakhty*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей фактического брака с вытекающими последствиями, выявления правовых проблем в действующем законодательстве и возможности разрешения этой проблемы посредством анализа ранее возникавших precedents.

ABSTRACT

The purpose of the article is to consider the features of an actual marriage with its consequences, to identify legal issues in the current legislation and the possibility of solving this problem by analyzing previously existed precedents.

Ключевые слова: гражданский брак; сожительство; зарегистрированный брак; фактический брак; семейные отношения; супруги.

Keywords: civil marriage; cohabitation; registered marriage; real marriage; family relations; the spouses.

В настоящее время гражданский брак постепенно приобретает популярность. Это связано с тем, что с одной стороны он предоставляет больше свободы партнерам в таких отношениях и, по мнению большинства людей, к положительным моментам следует так же отнести получение бесценного опыта совместного проживания и ведение домашнего быта с учётом ограниченных финансовых возможностей и при этом появляется проблема иного характера, а именно, материальная, этому риску подвержены все неофициальные отношения.

По семейному праву брак – это семейный альянс мужчины и женщины, оформленный в органах ЗАГС. В современном обществе, под «гражданским» браком понимается совместное проживание «сожительство» мужчины и женщины в союзе, не зарегистрированном в органах ЗАГС, однако который имеет при этом все признаки семьи и интересы партнёров практически никаким образом не защищены законодательно.

В настоящее время в России в гражданском браке проживают около пятидесяти процентов всех пар. По данным переписи населения в Российской Федерации приблизительно 4,4 миллиона незарегистрированных семей. Им свойственно все признаки права и обязанности семьи, однако защитить свои семейные права никак не могут.

В соответствии с общими принципами российского семейного законодательства: права и обязанности супругов, в том числе в отношении имущества, порождает только зарегистрированный брак. Исходя из этого имущество лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, не может признаваться принадлежащим им на праве совместной собственности только на том основании, что оно нажито ими во время совместной жизни [5, с. 15].

Согласно п. 3 ст. 244 ГК РФ совместная собственность возникает только в том случае, если это оговаривается законом [2, с. 104].

Законодательство не предусматривает такого термина как сожительство с последующими вытекающими из него последствиями. Касательно нажитого ими совместно имущества должен действовать порядок общей долевой собственности, а относительно иного имущества – порядок индивидуальной частной собственности.

Сожители не могут изменить общего, гражданско-правового порядка отношений собственности до тех пор, пока не вступят в брак, так как брачным контрактом согласно ст. 40 Семейному Кодексу РФ считается имущественное соглашение между супругами или лицами, вступающими в брак. Причем в последнем случае соглашение получает юридическое значение только после регистрации брака согласно п. 1 ст. 41 Семейного Кодекса РФ [6, с. 10].

Право общей собственности может возникнуть у фактических супругов только на жилое помещение, в котором оба они зарегистрированы и которое они приватизировали в общую собственность, а еще на некоторые другие виды имущества. Ни на какое другое совместно нажитое имущество право совместной собственности за фактическими супругами признано быть не может.

Признание имущества, приобретенного супругами вступившие в фактический брак, их долевой, а не совместной собственностью, разумеется, невыгодно тому, кто после прекращения совместной жизни заявляет требования об этом имуществе, причем невыгодно по целому ряду причин.

При процедуре раздела имущества между супругами, проживающими в фактическом браке их доли будут зависеть исходя из величины средств или труда, который вкладывал каждый из них. Следует доказать сам факт и размер этого вложения.

Для признания имущества находящимся в общей либо же долевой собственности потребует доказать не сам факт состояния в фактических брачных отношениях, а приобретение предоставленного определенного имущества на средства либо при трудовом участии обоих фактических супругов. Само по себе совместное проживание в отсутствие регистрации брака никак не имеет юридического значения и никак не создает общности имущества.

В том числе и если лица, состоявшие в фактических брачных отношениях, зарегистрировали супружество, имущество, приобретенное ими во время общей жизни, только по регистрации брака, никак не станет признано всеобщим имуществом супругов. Разрешая спор супругов о праве принадлежности на это имущество, суд, как было произнесено, обязан управляться никак не положениями семейного законодательства, а общепризнанными мерками гражданского законодательства о единой долевой принадлежности и найти долю каждой из сторон в зависимости от степени ее роли в разработке единой принадлежности [4, с. 73].

В то же время никоим образом не вызывает сомнений тот факт, что фактические браки, как и различные другие участники общей

долевой принадлежности, владеет право заключить договор о разделе имущества, находящегося в их единичной долевой принадлежности, а еще соглашение о порядке владения, применения, распоряжения таким имуществом, о распределении плодов и заработков от применения такого имущества ст. 246–248, 252 ГК РФ. В целях предоставления состоящим в фактическом браке лицам законной защиты в отсутствие ущерба для основных принципов российского семейного законодательства необходимо официально разъяснить нотариусам и органам, выполняющим разного рода регистрацию, что такие лица имеют право заключать меж собой соответствующие соглашения, предусмотренные для соучастников единой долевой собственности [2, с. 105].

Согласно ст. 49 СК РФ при рождении ребёнка у родителей которые находятся в фактическом браке, и отсутствия надлежащего заявления от отца ребенка, отцовство будет устанавливаться через суд с наличием заявления одного из родителей [6, с. 12].

При этом судья будет учитывать любые доказательства, которые смогут удостоверить происхождение ребенка. Обратиться в суд для определения отцовства и выплаты алиментов можно в любой момент, независимо от возраста ребенка. После совершеннолетия ребенок может сделать это сам. Одним из главных доказательств установление отцовства является медицинская экспертиза, но если предполагаемый отец будет от нее уклоняться, суд не имеет права заставить ответчика ее пройти. Тем не менее, отсутствие экспертизы не помешает судье признать факт отцовства, при наличии других доказательств, что подтверждается пунктом 3 статьи 79 ГПК РФ [3, с. 20].

Одним из вариантов разрешения проблемы связанной с урегулированием имущественных отношений в гражданском браке может являться введение в ст. 224 ГК РФ понятие «договор о партнёрстве» [2, с. 98].

Эффективность данного способа регулирования имущественных отношений виден на примере Германии.

Германское законодательство принимает правовые последствия лишь за зарегистрированным браком либо гражданским партнёрством (для однополых пар). Немецкая судебная практика рассматривает вступление в фактический брак как образование общества гражданского права, то есть объединения лиц, никак не являющегося юридическим лицом, однако которое вправе обладать обособленным имуществом. При этом фактическое сожительство признается внутренним обществом. Это значит, что надлежащие нормы об обществе применяются лишь к взаимоотношениям фактических

супругов меж собой, однако никак не с третьими лицами. Фактические супруги имеют все шансы закончить контракт, стабилизирующий их имущественные отношения, однако никак не имеют права включать в договор о партнерстве положения, касающиеся интересы третьих лиц либо государства.

Традиционно эти договоры называются договорами о партнёрстве, их образцы опубликованы. В них учитываются например, следующие положения: право 1-го партнера воспользоваться вещами другого в отсутствии предоставления замены потребляемых вещей; равное участие партнеров в затратах на наём жилого помещения для общего проживания; обязанность партнера, расторгающего фактический брак, уехать из такого помещения и обязанность другого партнера освободить его с последующего после выезда месяца от расходов по оплате жилища; общая долевая собственность на обретенные в период сожительства вещи домашнего быта и раздел их при прекращении сожительства таким образом, чтоб каждый партнер имел возможность в дальнейшем вести отдельное хозяйство. Условия договора о партнерстве никак не обязаны противоречить «добрым нравам», например, устанавливать обязанность возместить убытки либо выплатить неустойку в случае одностороннего прекращения сожительства [2, с. 24].

В заключении следует отметить о том, что гражданский брак в Российской Федерации несет в себе временный характер, не имеющий под собой прочной законодательной основы. Распространение на отношения между внебрачными сожителями правового регулирования, адресованного супругам, неизбежно приведет к утрате юридических критериев для отграничения браков, соответствующих требованиям государства и вследствие этого приобретающих его правовую охрану, следовательно, лишается смысла использование института признания брака недействительным, проблематичной становится реализация принципа моногамности брака, судебная практика вынуждена будет столкнуться со значительными трудностями юридического и этического порядка при разрешении споров, связанных с последствиями «фактических браков».

Список литературы:

1. Айтов П.Б., Белялова А.М. Семейное право: учебник / под ред. Р.А. Курбанова. М.: Проспект, 2015. – 232 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://pravo.ru/search/list/?search_query (дата обращения: 15.12.2015).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://pravo.ru/kodeks-grazhdanskiy-protsessualniy/> (дата обращения: 15.12.2015).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1986 – 639 с.
5. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник для вузов. М.: Норма, 2013. – 669 с.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // *Собрание законодательства РФ*. – 2015. – № 1. – Ст. 16.

СЕКЦИЯ 5.

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ АРЕНДЫ С ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Кустова Екатерина Дмитриевна

*аспирант Оренбургского государственного университета,
РФ, г. Оренбург*

E-mail: keti.93@inbox.ru

FEATURES CONCLUSION OF LEASE AGREEMENTS WITH LEGAL ENTITIES ON LAND PLOTS OWNED OR MUNICIPAL PROPERTY

Ekatherina Kustova

*postgraduate Orenburg State University,
Russia, Orenburg*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется порядок заключения договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, с юридическими лицами, а также выявляются особенности процедуры заключения договоров аренды. Путем сравнительно-правового анализа статей Земельного кодекса Российской Федерации и других нормативно-правовых актов, регулирующих данные правоотношения, автор в статье проанализировала и подробно рассмотрела особенности заключения договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, с юридическими лицами.

ABSTRACT

The article examines the procedure for the conclusion of leases of land owned by the state and municipal property, with legal entities, and identifies features of the procedure to conclude lease contracts. By comparative-legal analysis of the articles of the Land Code of the Russian Federation and other normative-legal acts regulating the legal relations, in his article, I opened and reviewed in detail the characteristics to lease land owned by the state and municipal property, with legal entities.

Ключевые слова: договор; аренда; федеральная собственность; муниципальная собственность; юридическое лицо; торги; аукцион; категория; разграничение; правовые отношения; земельный кодекс; статья.

Keywords: agreement; Rent; Federal property; Community Property; Juridical person; Bid; Auction; Category; Distinction; The legal relationship; Land Code; Article.

Правовые отношения, возникающие в связи с волеизъявлением у юридических или физических лиц, арендовать земельный участок, находящийся в государственной собственности, регламентируется Земельным кодексом РФ.

Именно порядок предоставления земельных участков, которые находятся в федеральной или муниципальной собственности по договору аренды, закреплен в статье 39.6 Земельного Кодекса РФ. Статья 39.6 Земельного кодекса РФ регламентирует порядок заключения договора аренды, как с физическими лицами, так и юридическими. Автор обратил внимание непосредственно на порядок заключения договоров аренды с юридическими лицами, который также закреплен в статье 39.6 Земельного Кодекса Российской Федерации.

В вышеуказанной статье закреплены варианты предоставления и способы заключения договоров аренды земельных участков во временное пользование. Именно, поэтому рассматриваемая автором статья Земельного Кодекса называется: **«Случаи предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду на торгах и без проведения торгов.»**

Из названия сразу можно сделать вывод, что у юридических лиц, также, как и у физических лиц, существует всего два способа заключить договор аренды земельного участка, находящегося

в государственной или муниципальной собственности, то есть путем участия на торгах, и без проведения торгов в форме аукциона.

Из первого пункта статьи 39.6 ЗК РФ (Договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 статьи 39.6 ЗК РФ), следует, что основным способом передачи земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, является проведение торгов, проводимых в форме аукциона. В рассматриваемой автором процедуре имеется ряд исключений, которые закреплены во втором пункте статьи 39.6 Земельного Кодекса РФ.

Анализируя пункт 2. статьи 39.6 Земельного Кодекса РФ «Договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается без проведения торгов в случае предоставления», можно выделить процедуры предоставления земельных участков, находящихся в федеральной или муниципальной собственности по договору аренды, по нескольким критериям:

1. По организационно - правовой форме юридического лица:

1.1. Коммерческая организация, то есть юридическое лицо, созданное с целью получения прибыли (ООО, ОАО, ЗАО, КФХ и др.).

1.2. Некоммерческие организации: (СНТ, Некоммерческое партнерство, Неправительственная организация, Кондоминиум, ТСЖ, ЖК, ГК, Общественное объединение).

2. По целям использования земельного участка, находящего в федеральной или муниципальной собственности:

2.1. Для размещения объектов, предназначенных для обеспечения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения, связи, нефтепроводов, объектов федерального, регионального или местного значения;

2.2. Для размещения водохранилищ и (или) гидротехнических сооружений, если размещение этих объектов предусмотрено документами территориального планирования в качестве объектов федерального, регионального или местного значения;

2.3. Для осуществления деятельности Государственной компании «Российские автомобильные дороги»;

2.4. Для осуществления деятельности открытого акционерного общества «Российские железные дороги»;

2.5. Для размещения объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования;

2.6. Для комплексного освоения территории в целях индивидуального жилищного строительства (за исключением земельных участков, отнесенных к имуществу общего пользования, членам данной некоммерческой организации или, если это предусмотрено решением общего собрания членов данной некоммерческой организации, данной некоммерческой организации);

2.7. Для ведения садоводства, огородничества, дачного хозяйства;

2.8. Для комплексного освоения территории в целях индивидуального жилищного строительства и отнесенного к имуществу общего пользования;

2.9. Для освоения территории в целях строительства жилья экономического класса или для комплексного освоения территории в целях строительства жилья экономического класса юридическому лицу, заключившему договор об освоении территории в целях строительства жилья экономического класса или договор о комплексном освоении территории в целях строительства жилья экономического класса;

2.10. Для осуществления сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни и хозяйствования казачьих обществ на территории, определенной в соответствии с законами субъектов Российской Федерации;

2.11. Для государственных или муниципальных нужд;

2.12. Для проведения работ, связанных с использованием недр, недропользователю;

2.13. Для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета, внебюджетных источников финансирования объектов недвижимости в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории и по управлению этими и ранее созданными объектами недвижимости, предоставляется земельный участок;

2.14. Для размещения водохранилищ и (или) гидротехнических сооружений, если размещение этих объектов предусмотрено документами территориального планирования в качестве объектов федерального, регионального или местного значения;

2.15. Для реализации инвестиционного проекта в соответствии с инвестиционной декларацией;

2.16. Для размещения ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, пунктов хранения, хранилищ радиоактивных отходов и пунктов захоронения радиоактивных отходов, решения о сооружении и о месте размещения которых приняты Правительством Российской Федерации;

2.17. Для ведения сельскохозяйственного производства, арендатору, который надлежащим образом использовал такой земельный участок, при условии, что заявление о заключении нового договора аренды такого земельного участка подано этим арендатором до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды такого земельного участка;

3. Договор аренды был заключен ранее:

3.1. Арендуемый ранее земельный участок был изъят для государственных или муниципальных нужд;

3.2. Земельный участок находится в постоянном (бессрочном) пользовании у юридического лица

Далее автор хотел бы подробно рассмотреть условия предоставления земельных участков, находящихся в федеральной или муниципальной собственности, по договору аренды юридическим лицам.

1. Юридическому лицу для заключения договора аренды земельного участка находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов, форме аукциона, необходимо иметь преимущество перед другими участниками данного аукциона. Такими преимуществами могут быть:

1.1. Нормативно правовые акты (Распоряжения Правительства РФ), данный вывод находит свое подтверждение в п.п. 2 п. 2, ст. 39.6 ЗК РФ

1.2. Распоряжение высшего должностного лица субъекта РФ (п.п. 3, п. 2, ст. 39.6 ЗК РФ).

Для реализации данного преимущества необходимо выполнить некоторые условия, такие как подготовка проектов, которые будут полностью соответствовать установленным к ним требованиям, которые устанавливаются либо Правительством РФ, или законами субъектов Российской Федерации.

Примером может служить, что у юридического лица есть проект по размещению объекта социально-культурного назначения, но для того, чтобы земельный участок данному юридическому лицу был предоставлен без проведения аукциона, руководитель данного юридического лица, либо лицо, действующее на основании

доверенности, должно предоставить всю необходимую документацию, в том числе проект по размещению данного объекта, который отвечает требованиям, установленным Правительством Российской Федерации. В случае, если данные требования исполнены юридическим лицом в полном объеме, то Правительство Российской Федерации, выносить Распоряжение, в котором указано, какой земельный участок и на какой срок, предоставляется юридическому лицу по договору аренды.

2. Второй способ заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности без проведения аукциона, это когда юридические лица, заключают данные договоры аренды, с целью обеспечения населения всеми необходимыми коммуникациями, то есть для размещения объектов, предназначенных для обеспечения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения, связи, нефтепроводов, объектов федерального, регионального или местного значения. Для осуществления деятельности Государственной компании «Российские автомобильные дороги» в границах полос отвода и придорожных полос автомобильных дорог. Для осуществления деятельности открытого акционерного общества "Российские железные дороги" для размещения объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования; для размещения водохранилищ и (или) гидротехнических сооружений, если размещение этих объектов предусмотрено документами территориального планирования в качестве объектов федерального, регионального или местного значения; для проведения работ, связанных с использованием недр; для размещения ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, пунктов хранения, хранилищ радиоактивных отходов и пунктов захоронения радиоактивных отходов, решения о сооружении и о месте размещения которых приняты Правительством Российской Федерации; для размещения водохранилищ и (или) гидротехнических сооружений, если размещение этих объектов предусмотрено документами территориального планирования в качестве объектов федерального, регионального или местного значения.

Например, юридическое лицо, изъявило желание создать на земельном участке автономную электростанцию, которая будет снабжать электричеством жилой массив, либо предприятие, то для этих целей, этой организации может быть предоставлен земельный участок, но и в данном случае, организации необходимо соблюсти процедуру, то есть подготовить, проектную и разрешительно-техническую документацию.

3. В случае, если юридическое лицо будет исполнять международные обязательства Российской Федерации, то земельный участок, будет также предоставлен ему во временное пользование по договору аренды, без проведения торгов. Для того, чтобы данный земельный участок был предоставлен, юридическому лицу, необходимо подтвердить документально, что именно этот земельный участок, необходим, для исполнения международных обязательств Российской Федерации.

4. Земельный участок, находящийся в федеральной или муниципальной собственности также может быть предоставлен юридическому лицу во временное пользование по договору аренды, если данное **юридическое лицо образовано в форме некоммерческой организации**, и в случае, если земельный участок образован из земельного участка, предоставленного некоммерческой организации, созданной гражданами, для комплексного освоения территории в целях индивидуального жилищного строительства, за исключением земельных участков, отнесенных к имуществу общего пользования, членам данной некоммерческой организации или, если это предусмотрено решением общего собрания членов данной некоммерческой организации, данной некоммерческой организации (п.п. 6, п. 2, ст. 39.6 ЗК РФ). Земельный участок может быть предоставлен некоммерческой организации, по договору аренды без проведения аукциона, если земельный участок образован из земельного участка, предоставленного некоммерческой организации, созданной гражданами, для ведения садоводства, огородничества, дачного хозяйства, за исключением земельных участков, отнесенных к имуществу общего пользования, членам данной некоммерческой организации (п.п. 7, п. 2, ст. 39.6 ЗК РФ). Еще один способ заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, для юридического лица, образованного в форме некоммерческой организации, это заключение договора аренды с земельным участком, образованным в результате раздела ограниченного в обороте земельного участка, предоставленного некоммерческой организации, созданной гражданами, для ведения садоводства, огородничества, дачного хозяйства или для комплексного освоения территории в целях индивидуального жилищного строительства и отнесенного к имуществу общего пользования, данной некоммерческой организации (п.п. 8, п. 2, ст. 39.6 ЗК РФ).

5. В случае, если земельный участок, находящийся в постоянном (бессрочном) пользовании у юридического лица,

то договор аренды данного земельного участка, будет заключен также без проведения торгов (п.п. 11, п. 2, ст. 39.6 ЗК РФ).

6. Земельный участок, находящийся в федеральной и муниципальной собственности, может быть предоставлен юридическому лицу, которое образовано в форме крестьянского (фермерского) хозяйства или сельскохозяйственной организации.

Более подробная процедура предоставления земельного участка, данной категории участников рассматриваемых правоотношений регулируется Федеральным Законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [1].

7. Юридическому лицу предоставляется земельный участок, находящийся в федеральной или муниципальной собственности, без проведения торгов, в случае, если данный земельный участок образован в границах застроенной территории, и с данной организацией заключен договор о развитии застроенной территории. Земельный участок будет предоставлен только в том случае, если будет использоваться для освоения территории в целях строительства жилья экономического класса или для комплексного освоения территории в целях строительства жилья экономического класса юридическому лицу, заключившему договор об освоении территории в целях строительства жилья экономического класса или договор о комплексном освоении территории в целях строительства жилья экономического класса (пп. 13.1 введен Федеральным законом от 21.07.2014 № 224-ФЗ [2]).

8. В случае, если у юридического лица, был заключен договор аренды земельного участка, находящийся в федеральной или муниципальной собственности, но был изъят для государственных или муниципальных нужд, то данной организации будет предоставлен новый земельный участок по договору аренды, но уже без проведения торгов в форме аукциона.

9. Религиозным организациям, казачьим обществам, внесенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации предоставляются земельные участки, находящиеся в федеральной или муниципальной собственности по договору аренды для осуществления сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни и хозяйствования казачьих обществ на территории, определенной в соответствии с законами субъектов Российской Федерации;

10. Земельный участок, находящийся в федеральной или муниципальной собственности, предоставляется без проведения торгов **резидентам:** зоны территориального развития, включенному

в реестр резидентов зоны территориального развития, в границах указанной зоны для реализации инвестиционного проекта в соответствии с инвестиционной декларацией; особой экономической зоны или управляющей компании в случае привлечения ее в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об особых экономических зонах, для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета, внебюджетных источников финансирования объектов недвижимости в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории и по управлению этими и ранее созданными объектами недвижимости, предоставляется земельный участок; резиденту свободного порта Владивосток на территории свободного порта Владивосток. (п. 33 введен Федеральным законом от 13.07.2015 № 213-ФЗ [3]).

Земельные участки, находящиеся в федеральной или муниципальной собственности без проведения торгов в форме аукциона, предоставляются юридическим лицам, а именно юридическим лицам, которые, являются арендаторами земельного участка сельскохозяйственного назначения, но при условии, что арендатор надлежащим образом использовал такой земельный участок, а также при условии, что заявление о заключении нового договора аренды такого земельного участка подано этим арендатором до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды такого земельного участка; юридическим лицам, являющимися арендаторами земельного участка (за исключением арендаторов земельных участков, указанных в подпункте 31, п. 2, статьи 39.6 ЗК РФ), если этот арендатор имеет право на заключение нового договора аренды такого земельного участка в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 39.6 Земельного Кодекса Российской Федерации;

Юридические лица, которые являются арендаторами земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, имеют право на заключение нового договора аренды таких земельных участков без проведения торгов в следующих случаях:

1) земельный участок юридическому лицу в аренду без проведения торгов (за исключением случаев: – если аукцион признан несостоявшимся и только один заявитель признан участником аукциона; – если по окончании срока подачи заявок на участие в аукционе подана только одна заявка на участие в аукционе или не подано ни одной заявки на участие в аукционе, аукцион признается несостоявшимся).

В данном случае Уполномоченный орган направляет победителю аукциона или единственному принявшему участие в аукционе его участнику три экземпляра подписанного проекта договора купли-продажи или проекта договора аренды земельного участка в десятидневный срок со дня составления протокола о результатах аукциона.

Реализация права на пролонгирование договора аренды земельного участка, находящегося в федеральной или муниципальной собственности возможна, только при выполнении следующих условий:

1) заявление о заключении нового договора аренды такого земельного участка подано юридическим лицом, арендующим земельный участок, до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды земельного участка;

2) исключительным правом на приобретение такого земельного, не обладает иное лицо;

3) ранее заключенный договор аренды такого земельного участка не был расторгнут с этим юридическим лицом по основаниям предусмотренным для договоров аренды, регулируемых Гражданским кодексом РФ;

4) на момент заключения нового договора аренды такого земельного участка имеются основания для предоставления без проведения торгов земельного участка, договор аренды которого был заключен без проведения торгов.

В случае, если юридическое лицо, является собственником объекта незавершенного строительства, который расположен на земельном участке, находящимся в федеральной или муниципальной собственности, то данный земельный участок, может быть предоставлен юридическому лицу по договору аренды без проведения торгов в форсе аукциона, в случаях, если:

1) право собственности на объект незавершенного строительства приобретено по результатам публичных торгов по продаже этого объекта, изъятого у предыдущего собственника в связи с прекращением действия договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности;

2) если уполномоченным органом в течение шести месяцев со дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды земельного участка, на котором расположен этот объект, в суд не заявлено требование об изъятии этого объекта путем продажи с публичных торгов либо судом отказано в удовлетворении данного требования или этот объект не был продан с публичных торгов по причине отсутствия лиц, участвовавших в торгах. **Предоставление**

земельного участка в аренду без аукциона в соответствии с п. 5 статьи 39. 6 Земельного Кодекса РФ, допускается при условии, что такой земельный участок не предоставлялся для завершения строительства этого объекта ни одному из предыдущих собственников этого объекта.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ последняя редакция от 28.11.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 18.12.2015).
2. Федеральный закон от 21.07.2014 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 18.12.2015).
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 213-ФЗ «О внесении изменений в отдельные Законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального Закона «О свободном порте Владивосток». [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 18.12.2015).

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОЕКТА
ЗАКОНА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГРАЖДАНМ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ**

Майборода Виктор Александрович

*канд. юрид. наук доцент кафедры экологического, земельного
и трудового права Северо-Кавказского Федерального университета
РФ, г. Ставрополь
E-mail: kafedraep@mail.ru*

Стрепетов Вячеслав Валентинович

*магистрант юридического института
Северо-Кавказского Федерального университета
РФ, г. Ставрополь
E-mail: strepetov93@gmail.com*

Лайпанова Елизавета Шамильевна

*магистрант юридического института
Северо-Кавказского Федерального университета
РФ, г. Ставрополь
E-mail: elizavetalaypanova@rambler.ru*

**ABOUT SOME PROBLEMS OF THE DRAFT LAW
GRANTING CITIZENS THE LAND FOR FAR-EASTERN
FEDERAL DISTRICT**

Viktor Maiboroda

*candidate of Legal Sciences assistant professor of environmental,
land and labor law North-Caucasus Federal University
Russia, Stavropol*

Vyacheslav Strepetov

*undergraduate of law Institute North-Caucasus Federal University
Russia, Stavropol*

Elizaveta Laypanova

*undergraduate of law Institute North-Caucasus Federal University
Russia, Stavropol*

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается обзор законопроекта федерального закона «Об особенностях предоставления земельных участков в Дальневосточном федеральном округе». При подготовке статьи были использованы методы сравнения и анализа. Особое внимание уделяется возможным недоработкам данного Проекта, а также сравнение основных положений Проекта с уже существующим законодательством, регулирующим отношения в области предоставления земельных участков.

ABSTRACT

The article provides an overview of the draft Federal law «On peculiarities of provision of land plots for Far-Eastern Federal district». During writing of the work there were used methods of comparison and analysis. Special attention is paid to the possible flaws of this Project, as well as a comparison of the major provisions of the Draft with existing legislation, regulating relations in the sphere of provision of land plots.

Ключевые слова: земельные участки; законопроект; Дальневосточный федеральный округ.

Keywords: land lots; bill; Far-Eastern Federal district.

В настоящее время наблюдается тенденция по оттоку населения с Дальнего Востока. Статистические данные показывают, что по уровню плотности населения ДФО находится на последнем месте в России и на беспспорном первом – по сокращению численности жителей. Одной из причин такого массового оттока населения является недоступность жилья. По уровню обеспеченности жильем Дальний Восток стабильно занимает последнее место в общероссийском рейтинге [7]. Президент России еще в январе поручил проработать идею бесплатного выделения земли на Дальнем Востоке. 12 ноября стало известно, что инициативу поддержало Правительство Российской Федерации [5].

Во исполнение поручений Правительства Российской Федерации по вопросу внесения изменений в федеральное законодательство Минэкономразвития России подготовило проект федерального закона «Об особенностях предоставления земельных участков в Дальневосточном федеральном округе» (далее – Проект) [6].

Из пояснительной записки к рассматриваемому законопроекту следует, что указанные изменения направлены на решение вопросов привлечения граждан на постоянное место жительства на территорию Дальневосточного федерального округа, снижения оттока местного

населения, а также ускорения социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа.

Не смотря на то, что проект в настоящее время прошел процедуру общественного обсуждения, был подвергнут экспертизе и согласован с представителями уполномоченных ведомств в нем имеются некоторые недостатки.

Целью настоящего исследования является выявление пробелов и недостатков указанного проекта закона, а также поиск путей решения сложившихся проблем, содержащихся в документе.

Статья 2 Проекта закрепила условия, при наличии которых участок может быть предоставлен. Таковыми являются: 1) земельный участок расположен на расстоянии более 10 километров от границ населенного пункта с численностью населения более 50000 человек, либо на расстоянии более 20 километров от границ населенного пункта с численностью населения более 30000 человек, либо в границах сельского поселения; 2) площадь земельного участка не превышает 1 гектара; 3) земельный участок не является изъятым из оборота или ограниченным в обороте [6]. По мнению авторов подпункт 2 статьи 2 Проекта о площади земельного участка содержит противоречия с действующим законодательством. На официальном сайте программы по предоставлению земельных участков на Дальнем Востоке указано, что землями, привлекаемыми для использования, являются, в том числе сельскохозяйственные земли в размере 28, 2 млн. га [3]. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» закрепил: «Минимальные размеры образуемых новых земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации в соответствии с требованиями земельного законодательства» [8].

Таким образом, для того, чтобы определить минимальный допустимый размер земельного участка сельскохозяйственного назначения, необходимо обратиться к законам субъектов. Например, минимальный размер образуемых новых земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения для Приморского края составляет 3 га [1], для Амурской области – 5 га [2].

На основании изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что положения Проекта в части размера предоставляемого земельного участка в 1 га противоречат уже существующим законодательным актам в части минимального размера участков из земель сельскохозяйственного назначения.

Кроме того, п. 2, 3 статьи 2 Проекта обозначил, что земельный участок предоставляется гражданину в безвозмездное пользование сроком на пять лет. По истечении пяти лет со дня предоставления земельного участка в безвозмездное пользование гражданин имеет право по своему выбору получить земельный участок в аренду или безвозмездно в собственность в порядке, предусмотренном Земельным кодексом РФ, при условии, что в указанный период земельный участок использовался гражданином в соответствии с условиями, установленными Проектом [6]. Вновь обращаясь к интернет-сайту программы предоставления земельных участков в Дальневосточном федеральном округе, отмечаем, что по предоставленной информации в состав земель, привлекаемых для использования, входят земли лесного фонда в размере 99,6 млн. га. Лесной кодекс РФ установил: «Лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности» [4]. Таким образом, исходя из анализа данного положения, делаем вывод, что лесные участки могут находиться только в федеральной собственности, а для физических и юридических лиц такая возможность не предусмотрена. Значит положение Проекта также противоречит и существующему положению Лесного кодекса РФ.

Статья 3 Проекта содержит следующее положение: «Земельный участок может быть предоставлен для осуществления любой не запрещенной законом деятельности независимо от его принадлежности к той или иной категории земель» [6]. Полагаем, что по сути такая норма ликвидирует существующую правовую связь по отнесению земли к той или иной категории и разрешенным видом использования, что является негативной и недопустимой тенденцией. По мнению авторов, такая норма легализует ненормативную застройку на Востоке на территории земель сельскохозяйственного назначения и заводов на территории земель лесного фонда.

Статья 4 Проекта содержит перечень сведений, которые должны содержаться в заявлении о предоставлении земельного участка. Кроме того, установлено, что с таким заявлением может обратиться совместно несколько граждан [6]. Считаем, что должна быть установлена особая процедура для граждан, являющимися близкими родственниками. Таким образом, предлагаем внести в перечень сведений информацию о составе семьи. Представляется, что такая особая процедура послужит фундаментом для реализации механизма для предоставления смежных земельных участков для лиц, являющихся близкими родственниками.

Отметим, что Проект не содержит иных требований к заявителю, кроме как гражданство Российской Федерации. Таким образом, по смыслу Проекта такой участок может получить, в том числе несовершеннолетний. Представляется, что необходимо установить следующий порядок предоставления земельного участка несовершеннолетним: с заявлением о предоставлении земельного участка обращается группа людей (близких родственников). В случае предоставления земельного участка, доля, причитающаяся несовершеннолетнему фактически принадлежит ему на титуле безвозмездного пользования, а бремя содержания участка лежит на лице, указанном в заявлении.

В соответствии со ст. 6 Проекта для образования земельного участка не требуется наличия документации по планировке территории или проектной документации лесных участков [6], но проект планировки территории является основой для формирования градостроительных планов земельных участков, необходимых для получения разрешения на строительство. Таким образом, такое положение в Проекте противоречит существующим нормам.

Одним из преимуществ рассматриваемого законопроекта является запрет на куплю-продажу полученных бесплатно участков, а также их сдачу в аренду или безвозмездное пользование в случаях, если одной из сторон договора является иностранец, человек без гражданства или юридическое лицо, в уставном капитале которого есть их доля или доля зарубежных компаний. Следовательно, предполагается, что лицо, получившее участок, будет использовать его именно для освоения, а не для получения единоразовой прибыли.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что проект Федерального закона «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков в Дальневосточном федеральном округе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» требует детальной переработки с последующим внесением существенных коррективов в уже существующий проект.

Список литературы:

1. Закон Амурской области от 11.12.2003 № 278-ОЗ (в ред. от 28.04.2015) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения на территории Амурской области» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/961701641> (дата обращения 11.12.2015).

2. Закон Приморского края от 24.12.2003 № 89-КЗ (в ред. от 20.12.2012) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения на территории приморского края» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://ussurmfc.ru/system/files/89-kz_20031229.pdf (дата обращения 10.12.2015).
3. Интернет-сайт программы предоставления земельных участков в Дальневосточном федеральном округе: удаленный доступ [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://надальнийвосток.рф> (дата обращения: 12.12.2015).
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. От 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 11.12.2015).
5. Официальный сайт Правительства РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 10.12.2015).
6. Проект № 930602-6 ФЗ «Об особенностях предоставления земельных участков в Дальневосточном федеральном округе» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.12.2015).
7. Региональная общественно-политическая газета «Амурская правда» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.ampravda.ru/2012/08/01/035568.html> (дата обращения: 10.12.2015).
8. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.12.2015).

СЕКЦИЯ 6.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

ТЕНДЕНЦИИ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексеева Елена Сергеевна

*канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры
конституционного, административного
и муниципального права юридического факультета
Бурятского государственного университета,
РФ, г. Улан-Удэ*

Андреев Олег Андреевич

*магистрант кафедры конституционного, административного
и муниципального права юридического факультета
Бурятского государственного университета,
РФ, г. Улан-Удэ
E-mail: aoa90@mail.ru*

TRENDS IN THE BUDGET PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena Alekseeva

*candidate of Juridical Sciences, senior lecturer of the department
of constitutional, administrative and municipal law faculty
of the Buryat State University ,
Russia, Ulan-Ude*

Oleg Andreev

*graduate student of the department of constitutional, administrative
and municipal law faculty of the Buryat State University ,
Russia, Ulan-Ude*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется бюджетный процесс в Российской Федерации. Особое внимание уделяется эффективному и более рациональному управлению государственными финансовыми ресурсами. В статье предлагается комплекс мер, который позволит повысить эффективность построения бюджетного процесса в Российской Федерации.

ABSTRACT

The article analyzes the budget process in the Russian Federation. Particular attention is paid to the efficient and more rational management of public financial resources. The paper proposes a set of measures that will improve the efficiency of constructing the budget process in the Russian Federation.

Ключевые слова: бюджетный процесс; бюджетный учет; Федеральное казначейство.

Keywords: budgeting; budget control; federal treasury.

Организация и эффективность бюджетного процесса являются одной из чрезвычайно важных проблем развития народного хозяйства страны. От решения данного вопроса зависит эффективность перераспределения средств в экономике, своевременность финансирования государственных учреждений и соответствующих экономических программ. Не случайно опыт развития страны свидетельствует о широком поиске наиболее эффективной системы организации бюджетного процесса.

В настоящее время удалось достичь немалых результатов в сфере управления государственными финансовыми ресурсами. Благоприятная макроэкономическая конъюнктура позволила добиться сбалансированности бюджета и отказаться от неденежного исполнения доходных и расходных обязательств федерального бюджета. Полностью завершён переход на казначейское исполнение бюджетов всех уровней, что обеспечило целевое использование бюджетных средств в соответствии с планом. Формализованы и стандартизированы методики распределения безвозмездной финансовой помощи, оказываемой в порядке бюджетного регулирования бюджетам нижестоящих уровней.

Следующим этапом реформирования бюджетного процесса в России должно стать создание устойчивой заинтересованности участников бюджетного процесса в достижении конкретных, измеримых, общественно значимых результатов. Таким образом,

финансисты бюджетной сферы должны отойти от бухгалтерского подхода при работе с бюджетными деньгами, превратившись в полноценных финансовых менеджеров. Управление бюджетными средствами должно осуществляться самостоятельными и в определенной степени конкурирующими друг с другом администраторами бюджетных средств разных уровней. Данная проблема является одной из наиболее актуальных для современной России и тесно связана с основополагающими проблемами экономической теории – рациональностью выбора и эффективностью использования ограниченных ресурсов. В рамках данного этапа предстоит проведение следующих мероприятий:

1. переход на всех уровнях бюджетной системы к среднесрочному финансовому планированию, в том числе для федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов Российской Федерации – формированию бюджетов на 3-летний период;

2. четкая увязка бюджетных ассигнований на оказание государственных (муниципальных) услуг с выполнением государственных (муниципальных) заданий, создание условий для возникновения организаций новых организационно-правовых форм и проведения реструктуризации бюджетной сети;

3. упорядочение в соответствии с едиными принципами организации бюджетного процесса (составления, рассмотрения и утверждения, исполнения и составления отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в том числе бюджетов государственных внебюджетных фондов), в том числе закрепление единых требований к бюджетному планированию, переход к утверждению федерального закона о федеральном бюджете в трех чтениях, более четкое и прозрачное регулирование исполнения бюджетов; планирование расходов на реализацию долгосрочных целевых программ и осуществление бюджетных инвестиций на основе разделения действующих обязательств (утвержденных в установленном порядке программ и проектов) и принимаемых обязательств (предлагаемых к утверждению программ и объектов) с отражением каждой программы и объекта в составе ведомственной структуры расходов соответствующего бюджета; системное описание состава и полномочий участников бюджетного процесса, прежде всего главных распорядителей (распорядителей) и получателей бюджетных средств, администраторов доходов бюджета и администраторов финансирования источников финансирования дефицита бюджетов;

4. усиление стимулов для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления

по эффективному и ответственному управлению региональными и муниципальными финансами;

5. утверждение основных принципов и позиций бюджетной классификации Российской Федерации Бюджетным кодексом Российской Федерации с одновременным расширением полномочий органов власти разных уровней по ее детализации, интеграцией бюджетной классификации и бюджетного учета.

Помимо этого предстоит завершить разделение уровней бюджетной системы, связанное с проведенной муниципальной реформой, провести реорганизацию бюджетных учреждений, осуществить переход к ведению бюджетного учета и отчетности по международным стандартам, для чего перейти от кассового метода бюджетного учета к методу начислений. Недостатки кассового метода заключаются в том, что при его использовании не предусматривается наличия полного баланса активов и обязательств, а существует только регистрация кассовых потоков и учет связанных с ними финансовых активов и обязательств. При методе начислений возникает понятие остатков (запасов нефинансовых, финансовых активов, запасов обязательств), и отдельно выделяются доходы и расходы. Разница заключается в том, что при кассовом методе доходы – это денежные средства, поступающие в распоряжение органов государственной власти, а расходы – это денежные средства, направляемые на финансовое обеспечение задач и функций государства. При методе начислений доходы – это уже финансовые операции, увеличивающие чистую стоимость активов, а расходы – это операции, уменьшающие чистую стоимость активов.

В рамках подготовки к переходу к бюджетированию, ориентированному на результат, должна произойти интеграция бюджетного учета с бюджетной классификацией. Это тот принцип, который отличает бюджетный учет от хозяйственного. Правительству важно знать не только общий объем доходов, но и объем доходов по видам налогов и сборов. В сфере расходов важно знать, какие именно нормативные акты порождают соответствующие расходы, чтобы иметь возможность своевременно и осознанно их пересматривать. Это позволит создать аналитическую основу, необходимую для программно-целевого бюджетирования, так как новая система учета позволит формировать информацию по финансовым результатам программ и подпрограмм.

Новая система бюджетного учета позволит не только формировать отчетность для целей принятия решений в налогово-бюджетной политике. Гармонизация системы бюджетного учета с ком-

мерческим учетом создаст аналитическую основу для оценки влияния сектора государственного управления на экономику страны.

В перспективе будут ликвидированы внебюджетные счета бюджетных учреждений, открытые для учета средств от предпринимательской деятельности, получившие широкое распространение в большинстве бюджетных учреждений, в особенности в сфере образования и здравоохранения. Все бюджетные средства, заработанные бюджетными учреждениями, будут зачисляться в доходы бюджета, а государство будет обеспечивать необходимое для нормальной работы учреждения финансирование. Это изменение позволит ликвидировать неравноправную конкуренцию на рынке платных социальных услуг между частными структурами и государственными учреждениями, получающими государственное имущество и государственное финансирование на оказание данного вида услуг. В настоящее время существуют глубокие внутренние противоречия между формально равным правовым статусом и реально различным экономическим статусом бюджетных учреждений, между официальной бесплатностью и общедоступностью бюджетных услуг и их реальной платностью и избирательностью.

Авторы полагают, что со временем будет внедрена практика активного управления финансовыми ресурсами и обязательствами, образующимися в процессе кассового исполнения бюджета. Это позволит избежать нерациональных заимствований для покрытия возникающих кассовых разрывов и получения прибыли от временно свободных государственных средств. С завершением реализации концепции единого казначейского счета появляется возможность финансовым менеджерам государства стать активным игроком на национальном финансовом рынке и осуществлять эффективное управление государственными финансовыми ресурсами. Поскольку на данном счете будут концентрироваться все денежные средства федерального бюджета в ежедневном режиме, появляется возможность размещать свободные денежные средства на финансовом рынке или оперативно привлекать необходимые денежные средства точно на тот период, когда имеется соответствующая потребность. Подобные механизмы позволят более рационально использовать государственные финансовые ресурсы. По итогам каждого рабочего дня работники Минфина России будут видеть сложившуюся картину и совершать депозитную операцию со свободными денежными средствами федерального бюджета либо привлекать необходимую сумму денег с финансового рынка. В любом случае концепция единого казначейского счета и современные информационные технологии

делают возможным ежевечернее «обнуление» единого счета федерального бюджета в целях сокращения объемов и сроков привлечения денежных средств при их временном недостатке и получение процентных доходов при их временном избытке. Для размещения временно свободных денежных средств государства на финансовом рынке возможно использование сделок РЕПО, кредитных и депозитных операций по фиксированным процентным ставкам, в частности «овернайт», внутрисдневное кредитование, краткосрочные казначейские векселя.

В области межбюджетных отношений, помимо появления четвертого уровня бюджетной системы – бюджетных поселений, будет произведена конкретизация бюджетных ограничений для каждого уровня с расширением бюджетной автономии региональных властей. Это означает отказ от изъятия ресурсов у нижестоящих бюджетов через нормативы отчислений от регулирующих налогов или через возложение дополнительных расходных полномочий, не обеспеченных источниками управления, ликвидацию или формализацию наиболее субъективной формы финансовой помощи бюджетам других уровней – бюджетных ссуд. Создан ряд предпосылок для повышения бюджетной самостоятельности территорий. За субъектами Федерации закреплены три достаточно крупных региональных налога (на имущество организаций, транспортный и на игорный бизнес), а также региональная часть налога на прибыль. На муниципальный уровень отданы полномочия по регулированию ЕНВД, налог на имущество физических лиц и земельный налог.

Наиболее существенные изменения будут связаны с внедрением бюджетирования, ориентированного на результат. Главным распорядителям бюджетных средств предстоит готовить обоснование своих бюджетных потребностей, формулируя стратегические и тактические цели, задачи и способы их достижения. Часто при подведении итогов деятельности государственных органов приводятся такие показатели, как количество работников, занятых в бюджетной сфере, объем работ или количество услуг. Однако при оценке результативности бюджетных расходов, например в области образования, речь должна идти не о количестве учителей, а о сокращении количества исключений учеников из школ или о сокращении подростковой преступности. При рассмотрении результативности бюджетных затрат в сфере здравоохранения будет рассматриваться не количество койко-мест в больнице, а снижение числа заболеваний на 1 000 жителей. Показатели, характеризующие результат, позволяют лучше проанализировать продукт деятельности, выраженный в объеме

работ и количестве услуг. Только такой подход может помочь определить те области, где необходимо вмешательство.

Сквозным элементом системы правил и процедур бюджетирования, ориентированным на результат, является «мониторинг результативности бюджетных расходов», он же является наиболее сложным и трудоемким элементом. Мониторинг результативности бюджетных расходов основан на выявлении связей между основными характеристиками бюджетной услуги: между затратами и результатами; между затратами и общественным эффектом; между результатами и общественным эффектом. Для описания и измерения этих связей, как правило, применяется следующий набор показателей: показатели затрат; показатели ресурсов; показатели процесса; показатели услуг; показатели эффекта.

Для этого будет произведена оптимизация процессов, связанных с исполнением бюджетов, – одобрение Федеральным казначейством бюджетных платежей, снижение детализации лимитов бюджетных расходов, доводимых до бюджетополучателя. Если руководитель бюджетного учреждения имеет право сделать «переброску» по кодам бюджетной классификации, но для этого ему надо получить согласование вышестоящего органа и казначейства, то в перспективе руководитель будет сам принимать решение о том, как потратить бюджетные средства в пределах доведенных единой строкой суммы лимитов. Одновременно будет повышена ответственность чиновников за достижение стратегических и тактических целей, стоящих перед ведомством.

В дальнейшей перспективе возможен переход от ежегодного закона о федеральном бюджете к многолетнему, что позволит сделать экономическую политику государства более целенаправленной и предсказуемой.

Реализация данных мер позволит повысить эффективность построения бюджетного процесса в Российской Федерации, что в итоге приведет к созданию стабильной и действенной бюджетной системы, отвечающей потребностям общества и направленной на реализацию государством своих функций, в первую очередь экономической и социальной.

Список литературы:

1. Бюджетное послание президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2014–2016 годах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения 30.11.15).

2. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (принят ГД ФС РФ 17.07.1998) (ред. от 24.07.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения 23.10.15).
3. «Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая» от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (принят ГД ФС РФ 16.06.1998) (ред. От 03.12.2011). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения 23.10.15).

СЕКЦИЯ 7.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Коневская Ольга Юрьевна

*канд. социолог. наук заместитель начальника научного центра
Академия управления МВД России,
РФ, г. Москва
E-mail: okonevskaja@rambler.ru*

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF PROTEST ACTIVITY OF THE POPULATION

Olga Konevsky

*candidate. sociologist. Sciences Deputy head research center
Academy of management of MIA of Russia,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье предлагаются имеющиеся в науке методологические подходы к изучению протестной активности населения. Отмечается важное значение определения степени недовольства, готовности принять участие в протестных акциях и наличного уровня гражданского протеста, в связи с чем, используются понятия «протестный потенциал» и «протестная активность», даются им определения. Применительно к современной российской ситуации выделены группы субъектов протестной активности. Определены факторы, разноуровневого порядка, непосредственно оказывающие влияние рост протестной активности населения. Выделены стадии развития социального конфликта, возникающего как результат социальной напряженности и протестной активности.

ABSTRACT

The article suggests existing science methodological approaches to study the protest activity of the population. The importance of determining the level of discontent and readiness to participate in protest actions and the existing level of civil protest, therefore, used the concept of "protest potential" and "protest activity" gives them definition. With regard to the current situation, groups of subjects of protest activity. The different factors directly affecting the growth of protest activity of the population. The stages of development of the social conflict arising as a result of social unrest and protest activity.

Ключевые слова: протестная активность населения; социальная напряженность; социальный протест; социальный конфликт; стадии развития конфликта.

Keywords: protest activity of the population; social tensions; social protest; social conflict; stages of conflict.

Сложившаяся социально-экономическая ситуация в России, вызванная последними международно-политическими событиями, предопределяет возрастание социальных рисков, возникновение объективных условий роста протестной активности граждан и одновременно выступает «тлеющим» фактором, которым могут воспользоваться радикальные оппозиционные силы. Опыт цветных революций наглядно продемонстрировал, что мирные протестные выступления успешно используются экстремистскими движениями для достижения своих деструктивных целей. В итоге, слабо контролируемая протестная активность населения вне зависимости от характера выдвигаемых в ходе проведения массовых акций требований может нести угрозу безопасности государства и общества.

Усиление социальной напряженности в российском обществе означает усложнение задач, стоящих перед органами исполнительной власти. В этой связи, с учетом необходимости создания эффективной системы реагирования на ситуации, связанные с ростом протестной активности населения, приобретают актуальность вопросы теоретико-методологического свойства, которые раскрывают основные характеристики и генезис рассматриваемого явления. Методологической основой исследования проблем протестной активности населения выступают теория массового (коллективного) поведения, конфликтологический подход, теория относительной депривации, мобилизационный подход. Их комплексное использование позволяет проводить системный анализ феномена протестной активности, и на этой основе

вырабатывать меры по нейтрализации условий, негативно влияющих на уровень конфликтности в обществе.

Решение вопроса выбора технологий регулирования массовых конфликтов на стадии их обострения предполагает уточнение особенностей объекта управленческого воздействия, предопределенных конкретной социально-политической и исторической ситуацией, которая задает параметры и возможности реализации протестных настроений граждан.

Прежде всего, отметим, что социальный протест рассматривается как один из видов протестного поведения – проявление коллективного недовольства и несогласия с кем-то или чем-то. В его основе лежит социальное недовольство в широком смысле слова условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти и т. д. [1, с. 55]. Таким образом, данное понятие трактуется как несогласие граждан с существующим социальным порядком, который воспринимается ими как ущемляющий или реально (мнимо) ограничивающий их интересы и права.

В целях проведения разграничения между степенью недовольства, готовностью принять участие в протестных акциях и наличного уровня гражданского протеста используются понятия «протестный потенциал» и «протестная активность». Под протестным потенциалом понимается намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях. Под протестной активностью – вовлеченность граждан в различные формы протеста, включая массовые протестные акции, т.е. реализация протестного потенциала в конкретных поведенческих проявлениях, открытая форма массового поведения социальной общности, посредством которой ею выражаются недовольство и требования по поводу изменения происходящих в обществе процессов.

Применительно к современной российской ситуации всю совокупность субъектов протестной активности условно можно разделить на три основные группы (Рис. 1):

- протестные общности ситуативного типа, возникающие для решения конкретных проблем, возникающих в общественной жизни и затрагивающих интересы населения;
- протестные движения, которые отличаются не столько массовостью выступлений определенных групп граждан, сколько их частотой, разнообразием и территориальной распространенностью, вплоть до проведения долгосрочных протестных кампаний;
- протестные общности смешанного типа, возникающие в результате использования представителями протестных движений

(политической направленности) протестного потенциала населения для достижения собственных целей.

Рисунок 1. Субъекты протестной активности

Что касается протестных движений, то, исходя из современной российской практики, таковые четко классифицируются по признаку наличия в «программе действий» политических интересов. Основываясь на данном критерии, выделяются неполитические движения «одного требования», которые могут иметь как свободные формы организации, без единого координирующего центра, так и четкие организационные начала, и движения антиправительственного характера (в российском контексте – так называемая внесистемная оппозиция).

«Проблемное поле» протестных движений в большинстве своем относится (с позиции риторики) к вопросам нематериального свойства и общечеловеческим ценностям (зачастую – искусственно). Это – протесты «против мигалок и за равенство на дорогах», «против НАТО и размещения американской военной базы на постсоветском пространстве», «против строительства объектов атомной промышленности», «против экологически вредных производств», «за честные выборы» и пр. [2].

Частный случай протестных движений антиправительственного характера – движения, создаваемые в ходе подготовки к цветным революциям. На первоначальном этапе, до открытых массовых действий, они функционируют на основе сетевого принципа. Как правило, речь идет о сетевой системе, состоящей из конспиративных ячеек и объединяющей значительное число активистов, многие из которых проходят обучение в центрах, специализирующихся

на вопросах «содействия демократизации»). Именно такого рода организации представляют опасность с позиции обеспечения национальной безопасности, поскольку социально-политическая направленность протеста, при использовании определенных технологий организации массового поведения, позволяет манипулировать населением и дестабилизировать обстановку.

Как известно, протестная активность является одной из форм выражения социальных, политических и экономических требований граждан. Последние могут иметь «частный», казуальный (затрагивать конкретные проблемы в отдельных сферах общества, волнующие определенные социальные группы), «общесистемный» (относится к вопросам существующего общественно-политического устройства, легитимности власти) либо смешанный характер.

Механизм возникновения ситуаций использования политическими силами протестного потенциала населения, для которых типично наличие требований смешанного характера, связан с возникновением феномена аккумуляции имеющих место неудовлетворенностей, касающихся различных сфер общественной жизни. Такие ситуации – результат хронического игнорирования властью жизненно важных проблем населения.

Как уже упоминалось ранее, одной из наиболее распространенных теорий, объясняющих формирование протестного потенциала, является теория относительной депривации [4]. Представители этой теории исходят из того, что в основе формирования протестного потенциала лежит депривация, т. е. «субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему». Основной причиной такой неудовлетворенности является отсутствие возможности субъекта обладать каким-либо объектом, стремится к его обладанию, при этом сравнивает себя с другими субъектами, обладающими этим объектом, и рассматривает возможность обладания им как вполне реальную.

В этой связи особое значение приобретают способность и нацеленность системы представительства интересов населения на реализацию запросов конкретных социальных групп, на решение социально значимых проблем, вызывающих недовольство граждан. Существует прямая связь между уровнем протестной активности и способностью системы представительства к выполнению своих функций. К различным видам протестной политической активности граждане прибегают в случае необходимости привлечь внимание властей и общественности к какому-либо событию, если

традиционные формы участия в жизни общества оказываются неэффективными.

В теории построение правового государства предусматривает создание такого общественного союза государственной власти и личности, в котором на основе права и закона, между ними устанавливаются конструктивные и гуманные взаимоотношения. Вместе с тем стремление создать такое государство и практическая реализация данной задачи далеко не одно и то же. В.Д. Зорькин отмечает, что «принцип правового государства предполагает верховенство права (включая приоритет прав человека и верховенство правового закона), народовластие, разделение властей и многое другое. Однако реальность нашей жизни регрессивна, а последствия так называемого взрывного неорганичного первоначального накопления – правовой нигилизм, клановая и корпоративная олигархическая ментальность, бюрократия как квазикласс, внутри которого опасность конфликта «злата и булата»...» [2, с. 6]. Эта ситуация породила самый опасный социальный кризис – кризис доверия власти.

Затрагивая вопрос о причинах протестной активности населения, отметим, что таковые, как правило, фокусируются вокруг таких проблем, как: распределение жизненных ресурсов, актуализирующих идеи социальной справедливости; ущемление интересов, потребностей и ценностей людей; расхождение между провозглашаемыми ценностями и реальными действиями властей; неадекватная реакция властных органов на возникающие в обществе негативные процессы.

Непосредственно на рост протестной активности населения оказывают влияние различные факторы разноуровневого порядка, среди которых можно выделить:

- социальные факторы (доступность получения услуг в сферах здравоохранения и образования; проблемы в ЖКХ; развитие инфраструктуры в сфере газо-, водо-, энергоснабжения; доступность транспортных услуг; развитие транспортной инфраструктуры, строительство дорог; уровень преступности; направленность миграционных процессов);
- экономические факторы (размер заработной платы, пенсий; уровень инфляции; доступность кредитования; уровень безработицы);
- политические факторы (система политического устройства; права на свободу собраний, свободу слова; способность системы политического представительства ретранслировать интересы различных социальных групп);

- общественно-политические факторы (уровень коррумпированности власти; партикуляризм власти; деятельность политических и общественных организаций; противоречия между конкретной партией и органами власти; недоверие к власти; неудовлетворенность населения деятельностью власти);
- конфессионально-этнические факторы (противоречия между представителями разных национальностей; противоречия между представителями национальностей и органами власти; противоречия между представителями разных конфессий; противоречия между конфессиями и органами власти);
- экологические факторы (рост загрязнения природной среды; нерациональное использование и воспроизводство природных ресурсов);
- духовно-нравственный и идеологический факторы (ценностные ориентации, которые задают общую направленность интересам и устремлениям личности; правовая культура; целевые установки; уровень притязаний и предпочтений);
- информационный фактор (уровень развития информационных технологий, внедрение новых средств коммуникаций; направленность деятельности СМИ; уровень контролируемости Интернет-пространства).

Перечисленные факторы классифицируются следующим образом:

- факторы-условия (например, система политического устройства);
- факторы-причины (например, цены на услуги в ЖКХ);
- факторы-катализаторы (например, СМИ, Интернет).

Различные комбинации перечисленных факторов определяют масштабы и направленность протестной активности в ее конкретных проявлениях. Увеличение числа одновременно задействованных факторов влечет за собой рост протестного потенциала и уровня протестной активности населения. При этом качественное своеобразие характеру протестной активности придают региональный и национальный «контексты», обусловленные исторической спецификой моделей поведения и отношений, сложившихся в социально-экономической и культурных сферах, а также укладом быта.

Стратегия и алгоритм управленческого (профилактического, корректирующего, минимизирующего последствия) воздействия на протестную активность населения предполагает также учет закономерностей ее развития.

Как известно, протестная активность населения детерминирована наличием в обществе социальной напряженности, возникающей вследствие рассогласования между потребностями, интересами, социальными ожиданиями населения (отдельных групп) и мерой их фактического удовлетворения.

Социальная напряженность – особое социально-психологическое состояние общества, отражающее неприятие (латентное или открытое) сложившихся общественных условий (условий жизни, действий властных органов, характера взаимоотношений населения и власти и пр.) [3, с. 36].

Социальная напряженность и протестная активность – это проявления социального конфликта на различных стадиях его развития. Фактическое воплощение протестных настроений в виде акций протеста рассматривается как механизм актуализации конфликта, его перехода из латентной в активную (манифестную) фазу.

Этот процесс проходит через несколько стадий (Рис. 2).

Первая стадия характеризуется скрытым нарастанием недовольства, ростом обеспокоенности, отсутствием ясного осознания населением причин и масштабов происходящих изменений в обществе.

Вторая стадия предполагает процессы групповой самоидентификации, коммуникативного взаимодействия носителей социального недовольства (как непосредственного, так и опосредованного), «переживания» на групповом уровне, формирования неконцептуализированных протестных настроений и установок, использование непубличных форм выражения протеста и защиты нарушенных прав.

Третья стадия предусматривает формирование организационного начала (актива, авангардной группы), рекрутирование протестного «ядра», концептуализацию требований, выстраивание субъект-субъектных отношений (четкое установление противоположной стороны конфликта), конкретизация форм протестного поведения, формирование информационного протестного контента, коммуникативное взаимодействие, протестную мобилизацию, переход «порога толерантности» в отношении другой стороны конфликта, накопление общей отрицательной эмоциональной энергии.

Четвертая стадия относится к проведению протестных акций как формы непосредственного проявления протестной активности.

В оптимальном варианте оценка возможностей роста протестной активности и предупреждение возникновения конфликтных ситуаций базируется на основе анализа состояния социальной напряженности и протестного потенциала. Выявление проблемных зон на стадии

«запуска» механизма формирования массового протестного поведения позволяет принять меры по заблаговременному «купированию» факторов-причин.

Рисунок 2. Стадии развития протестной активности населения

Устойчивое развитие российского общества, особенно в условиях долгосрочных негативных внешних факторов, требует создания «тонко настроенной» системы реагирования органов государственной власти на критично значимые параметры социального самочувствия населения. Такая постановка вопроса предопределяет необходимость принципиально новых подходов к государственному управлению, основанному на проактивном подходе к выявлению и решению социально значимых проблем.

Список литературы:

1. Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности// Социол. исслед. 2012. № 3.
2. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Изд-во «НОРМА», 2010.
3. Козырев Г.И. Политическая конфликтология: учебное пособие. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М., 2008.
4. Ротмистров А.Н. Общественные движения: опыт классификации социологических концепций // Социологические исследования. 2010. № 8.

СЕКЦИЯ 8.

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ, КАК ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦ И ИНЕРТНОСТЬ ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ

Пономарёва Наталья Витальевна

*канд. юрид. наук, преподаватель Рюри МВД РФ
РФ, г. Ростов-на-Дону*

Стеценко Дарья Алексеевна

*курсант 4 курса, Рюри МВД РФ,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

E-mail: dasha.stetsenko.94@mail.ru

PROBLEM TO USE INSURANCE CONTRACT AS BREACH OF TRUST AND INERTIA OF INSURED PERSONS TO PROTECT THEIR RIGHTS

Natalia Ponomareva

*PhD. jurid. sciences, teacher
Rostov legal institute of the Ministry of Interior
Russia, Rostov-on-Don*

Darya Stetsenko

*4th year student Rostov legal institute of the Ministry of Interior
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В статье авторами обозначены проблемы защиты прав и интересов страхователей, застрахованных лиц и выгодоприобретателей по договорам страхования, а также обеспечения правильности этого процесса. Предложены меры по упрощению процедуры страхования и, в частности, страхового законодательства.

ABSTRACT

The author marked the problem of protecting the rights and interests of policyholders, insured persons and beneficiaries of insurance contracts, as well as to ensure the correctness of the process. The measures to simplify the procedure of insurance and, in particular, insurance legislation.

Ключевые слова: договор страхования; страхователь; страховщик; застрахованное лицо; выгодоприобретатель; ответственность страховщика.

Keywords: insurance contract; the insurer; the insured person; the beneficiary is the responsibility of the insurer.

В условиях активного внедрения и развития страхования в различных сферах жизни современного российского общества, в том числе за счет различных видов страхования в обязательной форме, безусловно, актуальным становится вопрос о правовом статусе «потребителей» страхования (страховых услуг), которые в противоположность страховщикам выступают страхователи, застрахованные лица и выгодоприобретатели.

С учетом того, что нередко фигуры страхователя, застрахованного лица и выгодоприобретателя совпадают в одном лице, как это возможно в договорах личного страхования, на практике возникают спорные ситуации и не всегда неискушенному в страховых вопросах и особенностях весьма сложного и запутанного для понимания законодательства о страховании обывателю возможно адекватно определить свое правовое положение в страховой сделке и грамотно защитить свои интересы в случае их нарушения со стороны недобросовестных страховщиков.

В настоящее время, число страховых споров и подаваемых в государственные органы жалоб по договорам страхования откладывает масштабную проекцию на страховое право, тем самым давая предпосылки к совершению страховых мошенничеств.

С помощью механизмов страхования, призванных по основной своей сути помогать лицам в трудных жизненных и экономических ситуациях, недобросовестные страхователи, используя несовер-

шенство законодательства во взаимосвязи с условиями договоров и правил страхования, а также трудно доказуемость ряда фактов имеющих юридическое значение для признания события и его последствий страховым случаем и т. п. обстоятельства, получают незаконными способами страховые выплаты от страховых компаний, подрывая их финансовую устойчивость.

Существующее положение с распространенностью мошенничества в страховании, недостаточной страховой грамотностью страхователей и доминированием позиций страховщиков в страховых обязательствах безусловно негативно влияют на уровень страховой культуры населения, развитие страхования и иные взаимосвязанные процессы. Нельзя не согласиться с тем, что проблема защиты прав страхователей и их доверия к национальной системе страхования в значительной степени усугубляется введением обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вовлекшего практически насильственным путем в страховые отношения миллионы российских граждан [8, с. 55]. На основе анализа российского законодательства, судебной и правоприменительной практики актуальны разработка и предложение мер по изменению существующей ситуации, включая выработку изменений и дополнений в акты законодательства о договоре страхования.

Целью организации страхового дела является обеспечение защиты имущественных интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований при наступлении страховых случаев, что обуславливает значимость обеспечения защиты интересов страхователей по договорам страхования и непосредственное участие государства в обеспечении такой защиты, в том числе путем совершенствования законодательства о страховании [1].

Правила страхования – это многостраничный документ, написанный профессиональным языком, для того чтобы в нем хорошо разобраться, необходим как минимум навык чтения подобных текстов и соответственно гражданин с первого раза вряд ли обратит внимание на все тонкости [2].

Интересно в свете изложенного законодательство Китая о страховании, где в ст. 17 Закона КНР «О страховании» [4] предусматривается, что при заключении договора страхования страховщик должен разъяснить содержание условий договора. Установление данной обязанности в отношении страховщиков обусловлено тем, что нередко договоры страхования содержат достаточно специфичные условия и труднопонимаемые термины,

требующие своего разъяснения (например, франшиза, абандон). Важно учитывать, что заключая договор, страховщик обязан ознакомить страхователя с условиями и содержанием договора, прежде всего, в отношении тех случаев, когда со страховщика снимается страховая ответственность, но и страхователь, со своей стороны, обязан обеспечить достоверность предоставленных сведений об объекте страхования [7].

Важное практическое значение имеет определение перечня документов, которые предоставляет страхователь при подаче заявления о наступлении события, имеющего признаки страхового случая и заявления об осуществлении страховой выплаты. Действующее законодательство применительно к страхованию в добровольной форме не устанавливает императивного перечня такого рода документов, впрочем, как и не определяет последствия непредоставления всех или части таких документов. Это означает, что страховщик может в правилах страхования предусмотреть документы, которые страхователю будет затруднительно собрать и предоставить, либо закрепить в правилах страхования условие о том, что помимо указанных страховщик вправе потребовать предоставления и иных документов, которые необходимы ему в целях признания события страховым случаем и установления иных обстоятельств. Фактически это приводит к тому, что страховые организации могут истребовать от страхователей неопределенный круг документов, а в случае неисполнения этой обязанности страхователю будет отказано в получении страховой выплаты. Более того, в правилах страхования иногда даже предусматривается, что страховщик вправе изменить указанный перечень документов [5]. Несмотря на то, что делается все это в благих целях установления причин, факта наступления страхового случая и определения размера понесенных убытков, тем не менее, это позволяет страховщику затягивать осуществление страховой выплаты вплоть до отказа в ней. В отношении обязательных видов страхования такая возможность для затягивания выплаты практически на неопределенный срок, как справедливо отмечается в литературе, противоречит принципу гарантированности возмещения вреда [6].

В целях защиты прав страхователей и для большей оперативности по осуществлению страховых выплат по договорам страхования, необходимо устранить путем установления в страховом законодательстве, а именно в ст. 3 Закона РФ «Об организации страхового дела в РФ», исчерпывающего перечня документов, которые предоставляются страховщику для получения страховой выплаты

по договорам добровольного страхования, а также срока, в течение которого такие документы должны быть рассмотрены и последствия неисполнения страховщиком данной обязанности. В контексте этого заслуживает поддержки мнение отдельных авторов о том, что с целью устранения затягивания выплат необходимо установить, что исчерпывающий перечень должен быть таким, чтобы входящие в него документы было несложно собрать, и при этом должен устанавливаться запрет страховщикам требовать иные документы [6].

Еще одной злободневной проблемой, порождающей ущемление прав страхователей на своевременное получение страховых выплат при затягивании страховщиками их осуществления, является отсутствие в законодательстве о добровольных видах страхования специальных норм об ответственности страховщиков за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств, что, по мнению К.А. Гацалова является одной из причин растущего количества страховых споров [1, с. 30].

Таким образом, следует признать, что совершенствование страхового законодательства позволит более качественно обеспечить защитой права и интересы страхователей на получение страховых выплат. Важно учитывать, что такое совершенствование необходимо применительно не только к процедуре получения выплат после наступления страхового случая, но и в отношении заключения договора страхования с учетом применения правил страхования.

Для снижения числа страховых споров, достижения баланса интересов сторон договора страхования и более успешной защите страхователей в страховых обязательствах предлагается установить для страховщика обязанность разъяснить договорные условия, особенно касающиеся невыплат при наступлении определенных событий. Страхователям же в целях защиты своих интересов на этапе заключения договора страхования, помимо того, что следует внимательно изучить договор и правила страхования и понять смысл содержащихся в них условий, также целесообразно кроме традиционных, достаточно важные условия страхования (например, сроки подачи и рассмотрения страховщиком различных документов, сроки осуществления страховой выплаты, последствия неисполнения страховщиком обязанности по осуществлению страховой выплаты) прямо определить в договоре или полисе страхования.

Для большей оперативности по осуществлению страховых выплат по договорам страхования, авторы полагают, что необходимо установление в ст. 3 Закона РФ «Об организации страхового дела в РФ» исчерпывающего перечня документов, которые

предоставляются страховщику для получения страховой выплаты по договорам добровольного страхования, а также срока, в течение которого такие документы должны быть рассмотрены и последствия неисполнения страховщиком данной обязанности. Исчерпывающий перечень должен быть таким, чтобы входящие в него документы было несложно собрать, и при этом должен устанавливаться запрет страховщикам требовать иные документы.

В целях императивно-диспозитивного определения гарантий защиты прав страхователей на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по осуществлению страховых выплат, целесообразно в ГК РФ установить минимальный предел в размере 0,5–1 % ответственности страховщика в виде неустойки, одновременно предусмотрев, что в самом договоре страхования обязательно должны содержаться условия об ответственности страховщика и возможности увеличении ее размера за нарушение договора.

Список литературы:

1. Гацалов К.А. Меры для снижения роста страховых споров: необходимые перемены в законодательстве / К.А. Гацалов // *Страховое дело.* – 2014. – № 5.
2. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 13.07.2015) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 12.11.2015).
3. Защита прав потребителей финансовых услуг / М.Д. Ефремова, В.С. Петрищев, С.А. Румянцев [и др.]; отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. – М., 2013 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. (дата обращения 25.11.2015).
4. О страховании: закон КНР: [30 июня 1995 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: www.law.uglc.ru/insure.htm (дата обращения 26.11.2015).
5. Правил добровольного страхования железнодорожных транспортных средств: подвижного состава и тягового подвижного состава ОАО «РОСНО» от 02 окт. 2000 г. № 2 (с изм. от 25 апреля 2001 г.). // [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://www.zhaso.ru/corporate/railway> (дата обращения 26.11.2015).
6. Фогельсон Ю.Б. Гарантированность возмещения вреда в обязательном страховании ответственности и правовые средства ее реализации / Ю.Б. Фогельсон, В.В. Рассохин // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2010. – № 11 // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 15.11.2015).
7. Цзяньмин Ху. Юридическая консультация о страховании в Китае [Электронный ресурс] / Ху Цзяньмин. – Режим доступа: – URL: <http://www.kitaichina.com> (дата обращения 26.11.2015).
8. Цыганов А.А. Развитие институтов защиты и обеспечения прав страхователей в России: монография / А.А. Цыганов. – М., 2012.

СЕКЦИЯ 9.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА МОРСКИХ СУДАХ

Нечаев Алексей Дмитриевич

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Южного федерального университета
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: a.d.nechaev@mail.ru*

Григоренко Дарья Сергеевна

*студент 4 курса юридического факультета
Южного Федерального Университета
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: d-g78@rambler.ru*

CRIMINAL JURISDICTION OVER THE CRIMES COMMITTED ON THE VESSELS

Alexey Nechaev

*lecturer of Criminal Law and Criminology Department
Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

Daria Grigorenko

*4th-year student of the law faculty, Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В рамках данной статьи рассматривается категория «судно» в международном праве. Особое внимание авторы уделяют

определению юрисдикции в отношении преступлений, совершаемых на морских судах. В результате исследования выделены основные принципы определения уголовной юрисдикции.

ABSTRACT

The article deals with the category «vessel» in the international law. The authors pay special attention for the determination of the jurisdiction over crimes committed on the vessels. As a result the main principles for determining criminal jurisdiction were identified.

Ключевые слова: международное уголовное право; преступления международного характера; юрисдикция; морские суда; пиратство; захват судов; правило флага.

Keywords: international criminal law; international crimes; jurisdiction; vessels; piracy; hijacking of vessels; law of flag.

Расширение сферы индивидуальной уголовной ответственности в соответствии с международным правом характеризуется сближением элементов традиционного международного права с более современными подходами в области международного права прав человека и международного гуманитарного права и включает в себя рассмотрение как внутренних, так и международных механизмов правоприменения.

Термин «международное уголовное право» является лишь удобным способом описания тех аспектов международного права, которые связаны с преступлениями, имеющими международный аспект или измерение [12, p. 264].

Суда и территории дипломатических представительств ранее рассматривались в качестве «оторванных частей» или условных территорий государств. В настоящее время можно наблюдать развитие концепции квази-территориальной юрисдикции. Иногда применяется термин «условная территория», к которой относят расположенные вне пределов государственной территории объекты: воздушные, морские, речные суда, космические корабли, станции и другие космические объекты, искусственные острова и сооружения в море, на его дне, в Антарктике, помещения дипломатических и консульских представительств. В связи с этим возникает необходимость дать определение понятия «судна» применительно к международному уголовному праву.

Так, в п. 1 ст. 7 КТМ РФ под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания [3], т. е. исключаются такие категории судов как

военные, гражданские и др. Аналогичное определение содержится в статье 1 Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 г. [5].

Афинская конвенция о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 г. относит к судам только морские суда, при этом под понятие судна не попадают суда на воздушной подушке (ст. 1) [1].

Согласно Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. понятие «судно» включает абсолютно любое морское судно и плавучее средство любого типа, фактически перевозящее нефть наливом в качестве груза (ст. 1). Если не принимать во внимание целевое назначение данных судов, то, по нашему мнению, следует пользоваться именно этим расширенным понятием судна. В связи с этим следует выделить ряд признаков судна, которые могут быть использованы для отнесения к категории судна иных плавучих объектов. Такими признаками могут выступать достаточная конструктивная прочность плавучего объекта, возможность его перемещения по морю (таким образом, будут исключены из категории судов автономные нефтяные платформы) и другие.

Обратим внимание на то, что в морских конвенциях, регулирующих имущественные отношения или отношения по перевозке пассажиров и груза, понятие «судно» имеет, как правило, ограниченные рамки, т.е. имеются в виду торговые суда либо суда, предназначенные для перевозки пассажиров. В то же время в конвенциях технического характера это понятие может быть значительно шире. Например, согласно Правилу 3 Международных правил предупреждения столкновений судов в море 1972 г. (МППСС-72) слово «судно» означает все виды плавучих средств, включая неводоизмещающие суда и гидросамолеты, используемые или могущие быть использованными в качестве средств передвижения по воде [4].

Международная конвенция МАРПОЛ-73/78 определяет судно, как эксплуатируемое в морской среде судно любого типа и включает подводные суда, плавучие средства, а также стационарные или плавучие платформы (ст. 2) [6].

Переходя непосредственно к рассмотрению преступлений, совершаемых в морских пространствах и на морских судах, следует отметить, что Конвенция по морскому праву 1960 года закрепляет следующее разделение морского пространства: внутренние воды; территориальное море; прилежащая зона; исключительная экономическая зона; континентальный шельф; открытое море [8].

Согласно ч. 1 ст. 67 Конституции РФ территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Таким образом, суверенитет Российской Федерации и соответственного уголовная юрисдикция распространяются на внутренние воды, территориальные воды и воздушное пространство над ними.

Также Российская Федерация обладает суверенными правами, и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права.

Обратим внимание на отличие суверенных прав от понятия суверенитета, поскольку суверенные права государства в соответствии с нормами международного права, например, в исключительной экономической зоне (exclusive economic zone) заключаются лишь в осуществлении некоторых видов экономической деятельности (ст. 56 Конвенции по морскому праву), однако уголовная юрисдикция на эти части морского пространства не распространяется.

Важно обратить внимание на соотношение международных преступлений и преступлений международного характера, поскольку отнесение деяния (акта) непосредственно связано с вопросом об определении уголовной юрисдикции. Данные две категории имеют существенные отличия по субъекту ответственности и по объекту преступного посягательства, а также по юрисдикции.

Субъектами международных преступлений являются государства и иные субъекты международного права (государствоподобные образования и народы, борющиеся за самоопределения), ТНК, а также физические лица (должностные лица), совершающие такие преступления. Субъектами же преступлений международного характера выступают физические лица и их объединения (организации), однако по российскому уголовному закону юридические лица не могут нести уголовную ответственность.

Объектом преступного посягательства международных преступлений является международный правопорядок, в то время как преступления международного характера направлены на нарушение международного правопорядка и национальный правопорядок отдельных государств.

Уголовная юрисдикция международных преступлений является международной, т. е. привлечение к ответственности возможна на основании решения международных трибуналов и судов, однако ответственность за преступления международного характера наступает

как по решению судов, созданных в соответствии с национальным законодательством, так и органами международной уголовной юстиции. Обратим внимание на Римский статут международного уголовного суда [9], где указаны преступления, на которые распространяется юрисдикция МУСа. К ним относятся преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии.

Однако преступления, для целей борьбы с которыми приняты специальные конвенции и не являющиеся международными преступлениями (Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года, касающаяся террористической деятельности на борту судов и др.), подчиняются юрисдикции одного из государств согласно правилам определения уголовной юрисдикции на основании национального уголовного закона либо международного договора.

По нашему мнению, если такой акт (например, акт пиратства) осуществлен в пределах той части морского пространства, на который распространяется суверенитет конкретного государства, в том числе, если преступление совершено в водах государства-архипелага, то другие государства не могут принять какие-либо меры против пиратов. В данном случае – это оптимальный способ выбора уголовной юрисдикции.

Юрисдикции государств в отношении совершаемых преступлений может основываться на следующих принципах:

1. Территориальный принцип, согласно которому юрисдикция устанавливается в отношении преступлений, совершаемых на территории какого-либо государства. Полагаем, что юрисдикция распространяется также на движущиеся объекты территории – морские, воздушные суда и космические аппараты. В данном случае имеет место квазитерриториальная юрисдикция, о которой ранее упоминалось. Более того, этот принцип также используется в отношении прилегающей зоны, континентального шельфа и исключительной экономической зоны.

2. Принцип гражданства или личный принцип. Его подразделяют на два вида: активный и пассивный. Активный принцип гражданства заключается в том, что юрисдикция распространяется на случаи совершения преступления гражданином вне территории своего государства, в том числе и на борту иностранного судна. Пассивный принцип отличается тем, что преступления

распространяются на иностранных граждан, совершивших преступления против гражданина определенного государства.

3. Охранительный принцип или принцип безопасности. Этот принцип позволяет привлечь к уголовной ответственности лицо, совершившее преступление против интересов этого государства.

4. Принцип универсальности. Пожалуй, самый спорный принцип. Он не может быть установлен государством в одностороннем порядке и существует в рамках международных договоров и международным обычаем (*international customary law*), как правило, в отношении преступлений международного характера (пиратства) [7, с. 791–792].

Кроме приведенных выше принципов определения юрисдикции в отношении преступлений, совершаемых на судах в Докладе Специального советника Генерального секретаря по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали отмечается, что согласно Конвенции по морскому праву 1982 г. возможно распространение на соответствующее уголовно-наказуемое деяние юрисдикции государства, захватившего (задержавшего) пиратов (ст. 105) [2]. Такой подход, по нашему мнению, является эффективным при определении юрисдикции, если преступление совершается в исключительной экономической зоне прибрежного государства или прилегающей зоне, но не открытого моря. Он позволяет быстро пресечь совершаемое преступление и провести задержание лиц, совершающих преступление.

При определении уголовной юрисдикции преступлений, совершаемых на судах, очень важным является правило флага, которое активно применяется в международном морском праве. Это правило не применяется, если судно ходит под флагом несуществующих государств либо незаконных вооруженных формирований. В таком случае, по нашему мнению, следует применять альтернативный способ определения юрисдикции – по месту регистрации судна.

Обратим внимание на то, что в открытом море суда подчиняются законам и властям своего государства, а именно государства флага судна. Согласно ст. 27 Конвенции по морскому праву уголовная юрисдикция прибрежного государства не должна осуществляться на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с любым преступлением, совершенным на борту судна во время его прохода за рядом исключений.

Однако эти положения не затрагивают права прибрежного государства принимать любые меры, разрешаемые его законами,

для ареста или расследования на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море после выхода из внутренних вод.

Кроме того, часто используется способ определения юрисдикции по признакам регистрации морского судна [10].

Из принципа свободы открытого моря, прежде всего из принципа свободы судоходства, вытекает принцип исключительной юрисдикции государства над своими судами в открытом море, то есть судами, зарегистрированными в государстве или приписанными к порту государства.

В случае отсутствия у судна флага (flagless) или регистрации (unregistered), то судно считается не имеющим национальности (stateless) и применяются другие доступные способы определения юрисдикции государства в отношении преступлений, совершаемых на борту таких судов [11, с. 88].

На основании вышеизложенного представляется верным использовать следующее правило определения уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершаемых на судах. Так, по общему правилу, лицо, совершившее такое преступление, подлежит уголовной ответственности по национальному закону страны его задержания. В случае спора между двумя или несколькими государствами необходимо руководствоваться двух- и многосторонними договорами о правовой помощи по уголовным делам, а также региональными или универсальными международными договорами по вопросу определения уголовной юрисдикции по таким преступлениям.

Список литературы:

1. Афинская конвенция о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 года (с изменениями на 19 ноября 1976 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901870> (дата обращения: 18.12.2015).
2. Доклад Специального советника Генерального секретаря ООН по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали /Приложение к письму Генерального секретаря от 24 января 2011 г. на имя Председателя Совета Безопасности (Док. ООН S/2011/30).
3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.rg.ru/1999/05/05/morskoy-kodeks-dok.html> (дата обращения: 18.12.2015).

4. Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море (МППСС-72) (с изменениями на 29 ноября 2001 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901005> (дата обращения: 18.12.2015).
5. Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 года (Брюссель, 25 августа 1924 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/18560466/16243857/> (дата обращения: 18.12.2015).
6. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года, измененная Протоколом 1978 года к ней (МАРПОЛ 73/78) (с изменениями на 26 сентября 1997 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764502> (дата обращения: 18.12.2015).
7. Международное право: учебник/ отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007.
8. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 18.12.2015).
9. Римский статут Международного уголовного суда (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 18.12.2015).
10. Ромашев Ю.С. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика): Монография. – М.: ТрансЛит, 2013.
11. Allyson Bennett. That Sinking Feeling: Stateless Ships, Universal Jurisdiction, and the Drug Trafficking Vessel Interdiction Act. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.yjil.org/docs/pub/37-2-bennett-that-sinking-feeling.pdf> (дата обращения: 18.12.2015).
12. Aust A. Handbook of the international law, Cambridge University Press. 2010.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Нечаев Алексей Дмитриевич

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета
Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: a.d.nechaev@mail.ru*

Олейников Игорь Дмитриевич

*студент 4 курса юридического факультета
Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: rogi9511@gmail.com*

PENAL CRIMINALITY: POSITIVE AND NEGATIVE TENDENCIES

Alexey Nechaev

*lecturer of Criminal Law and Criminology Department
Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

Igor Oleynikov

*4th-year student of the law faculty, Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены отдельные статистические данные, связанные с пенитенциарной преступностью, проанализирована динамика преступности арестованных и осужденных, находящихся в местах лишения свободы, а также работников исправительных учреждений. Цель статьи – определение тенденций и закономерностей пенитенциарной преступности, выявление проблем и недостатков уголовно-исполнительной системы и оценка эффективности реформирования системы исправительных учреждений.

ABSTRACT

The article deals with the statistical data analysis of penal crimes. The authors analyze the dynamics of jailed and convicted persons as soon as penal workers. The main aim of this article is to find tendencies of penal crimes, to show problems and imperfection of penal system and to measure of effectiveness of penal system reforms.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; преступность в местах лишения свободы; уголовно-исполнительная система.

Keywords: penal crimes; crimes committed by convicted persons; penal system.

Категория пенитенциарной преступности вызывает в юридической науке ожесточенные споры. Одни исследователи понимают под этим термином совокупность преступлений, совершаемых исключительно в местах лишения свободы, и выделяют две группы субъектов данного вида преступности – 1) осужденных и арестованных, содержащихся в исправительных учреждениях; 2) работников исправительных учреждений [4, с. 856; 6, с. 638]. Другие авторы более широко рассматривают данное понятие и относят к субъектам пенитенциарной преступности также осужденных, находящихся вне мест лишения свободы (например, условно осужденных), и иных лиц за пределами исправительных учреждений, если они посягают на уголовно-исполнительные правоотношения [3].

Следует согласиться с первой группой авторов, которые определяют пенитенциарную преступность как преступность в местах лишения свободы и отмечают, что она выделена по месту совершения. Действительно, характерные признаки, особенности данного вида преступности обусловлены специфическими условиями, существующими в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и особой социальной средой осужденных. Преступления, совершаемые вне исправительных учреждений, не несут в себе указанных признаков, особенностей, поскольку зарождаются в другой среде. Эти преступления обладают совершенно иными характеристиками. Они совершаются по другим причинам и под воздействием других условий.

В данной статье будут рассмотрены отдельные статистические данные, связанные с преступлениями, которые совершаются осужденными и арестованными, а также работниками исправительных учреждений в местах лишения свободы.

Итак, по состоянию на 1 ноября 2015 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 642 444 чел., в том

числе: в исправительных колониях – 521 975 чел.; в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, – 116 967 чел.; в тюрьмах – 1 789 чел.; в воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1 713 чел. [10].

С 2005 года по 2008 год наблюдалась тенденция увеличения числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы. В 2008 году темп прироста по отношению к 2005 году составил 7,82 %, темп роста – 107,82 %. С 2008 года по 2014 год число лиц, находящихся в исправительных учреждениях, постепенно уменьшалось. Поэтому темп прироста в 2014 году по отношению к 2008 году составил - 25,02 %, темп снижения – 74,97 % (рис. 1). Данные показатели объясняются уменьшением после 2008 года количества совершаемых преступлений. Например, в 2008 году было зарегистрировано 3209,9 преступлений, а в 2014 году – 2190,6 (приблизительно на 1000 преступлений меньше) [9; 10].

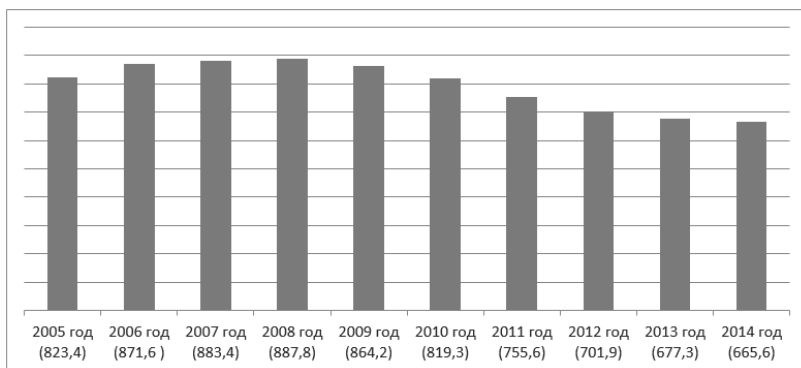

Рисунок 1. Число лиц, содержащихся в ИУ (данные в тыс.)

В исправительных колониях (ИК) постепенно снижается количество совершаемых осужденными преступлений. В 2014 году преступлений в исправительных колониях совершено меньше, чем в предыдущие годы. Темп прироста в 2014 году по отношению к 2007 году составил -33,45 %. Темп снижения числа совершаемых преступлений в 2014 году по отношению к 2007 году – 66,54 % (рис. 2). Данная тенденция связана с реформированием уголовно-исполнительной системы: совершенствованием уголовно-судебной политики и практики исполнения наказания в виде лишения свободы, укреплением правопорядка и законности в местах лишения свободы,

совершенствованием воспитательной и социальной работы, улучшением условий содержания лиц, отбывающих наказание [5].

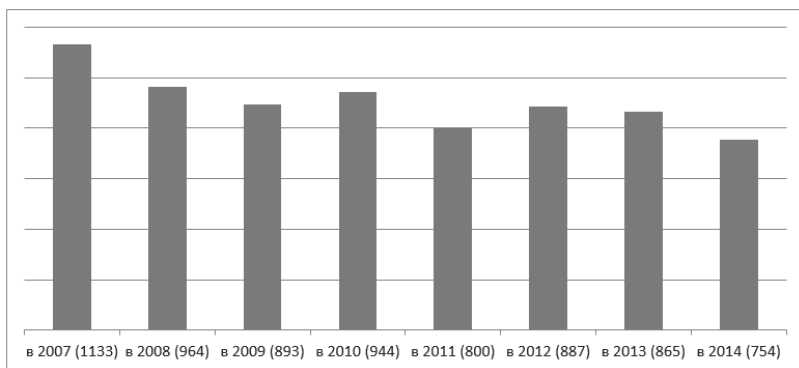

Рисунок 2. Количество преступлений, совершенных в ИК

Количество предотвращенных в исправительных колониях за 2011–2014 гг. преступлений меньше количества преступлений, предотвращенных за предыдущие четыре года. Например, в 2014 году темп прироста по отношению к 2008 году составил -18,57 %, темп снижения числа предотвращенных преступлений – 81,42 % (рис. 3) [10]. Уменьшение количества предотвращенных преступлений связано не с плохой работой сотрудников ФСИН России, а с тем, что лицами, содержащимися в исправительных колониях, в последнее время (2011–2014 гг.) планируется меньше преступлений, чем в предшествующие годы.

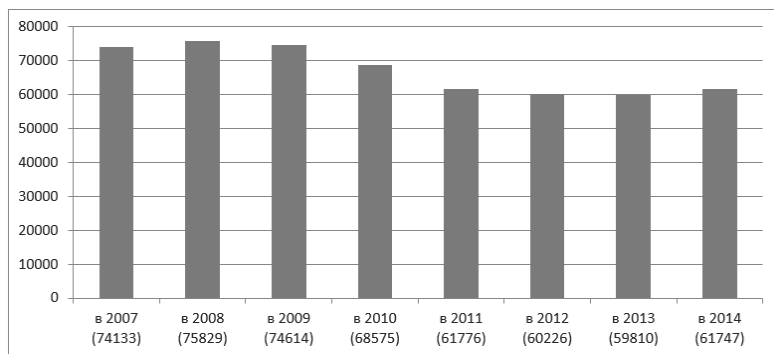

Рисунок 3. Количество предотвращенных в ИК преступлений

В воспитательных колониях (ВК) с каждым годом количество преступлений, совершаемых осужденными, уменьшается. В 2014 году темп прироста по отношению к 2007 году составил -94,11 %, а темп снижения числа совершаемых преступлений – 5,88 % (рис. 4) [10]. Можно отметить, что реформирование системы воспитательных колоний, а также профилактическая работа с несовершеннолетними очень эффективны и приводят к положительному результату.

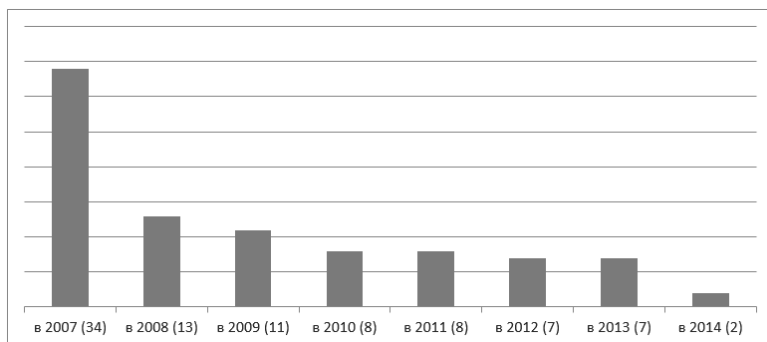

Рисунок 4. Количество преступлений, совершенных в ВК

Количество предотвращенных в воспитательных колониях преступлений также с каждым годом снижается. Например, в 2014 году темп прироста по отношению к 2007 году составил – 67,46 %, а темп снижения количества предотвращаемых преступлений – 32,53 % (рис. 5) [10]. Это объясняется уменьшением числа планируемых осужденными преступлений.

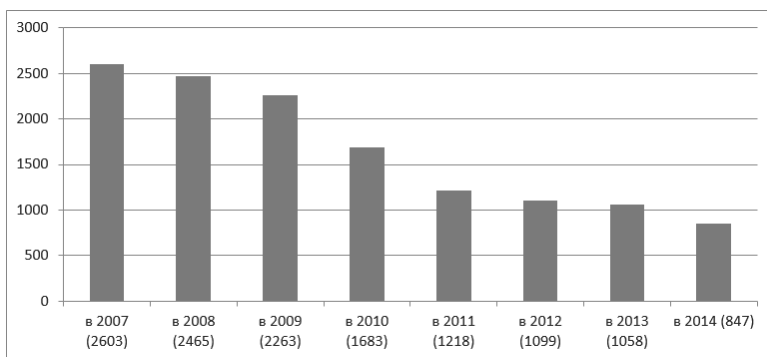

Рисунок 5. Количество предотвращенных в ВК преступлений

В следственных изоляторах (СИЗО) и тюрьмах, в отличие от исправительных и воспитательных колоний, наблюдается отрицательная картина. За последние два года число преступлений, совершаемых осужденными, значительно возросло. В 2014 году темп прироста по отношению к 2008 году составил 59,09 %, а темп роста количества совершаемых преступлений – 159,09 % (рис. 6) [10]. Для того чтобы объяснить данную тенденцию, необходимо обратиться к статистике по предотвращенным преступлениям.

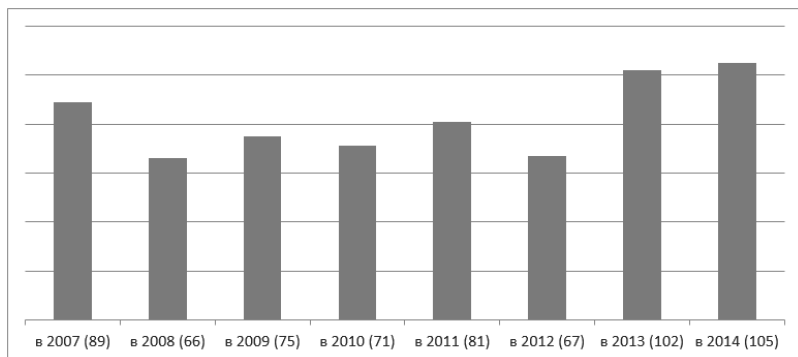

Рисунок 6. Количество преступлений, совершенных в СИЗО и тюрьмах

Несмотря на высокий уровень преступности в 2013–2014 гг., количество предотвращенных преступлений в СИЗО и тюрьмах за этот период меньше, чем за предыдущие годы. Например, темп прироста в 2014 году по отношению к 2009 году составил -41,17 %, темп снижения числа предотвращенных преступлений – 58,82 % (рис. 7) [10]. Можно утверждать, что работники указанных исправительных учреждений своевременно не отреагировали на рост криминальных настроений, что и привело к росту преступности. Следовательно, повышенное внимание при дальнейшем реформировании уголовно-исполнительной системы должно быть уделено СИЗО и тюрьмам.

Субъектами пенитенциарной преступности также являются работники исправительных учреждений. На 1 ноября 2015 года штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы составила 295 963 чел., в том числе аттестованных сотрудников – 225 276 чел. [10].

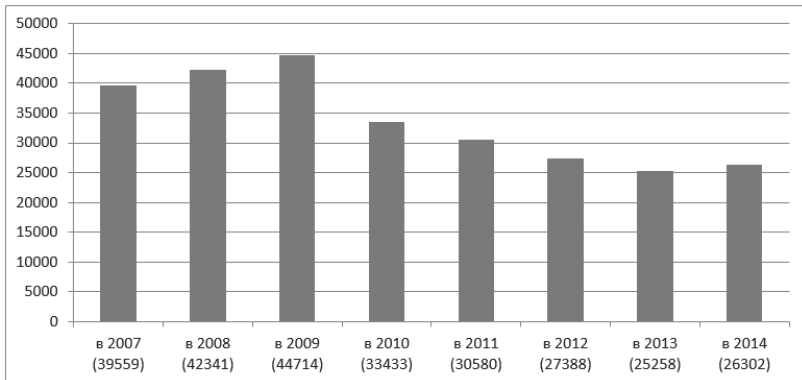

Рисунок 7. Количество предотвращенных в СИЗО и тюрьмах преступлений

На 1 сентября 2015 года довольно высоким является уровень поступления жалоб на нарушение законности сотрудниками уголовно-исполнительной системы – 2 415 жалоб (за аналогичный период прошлого года – 1 355 жалоб), т. е. темп прироста составил 78,22 %. Больше всего жалоб на: а) злоупотребление служебным положением руководителями уголовно-исполнительной системы – 128 жалоб (за аналогичный период прошлого года – 103 жалобы); 2) незаконное применение спецсредств, рукоприкладство – 816 жалоб (за аналогичный период прошлого года – 380 жалоб); 3) незаконное помещение в штрафной изолятор (ШИЗО), помещение камерного типа (ПКТ), единое помещение камерного типа (ЕПКТ) – 864 жалобы (за аналогичный период прошлого года – 627 жалоб) [10].

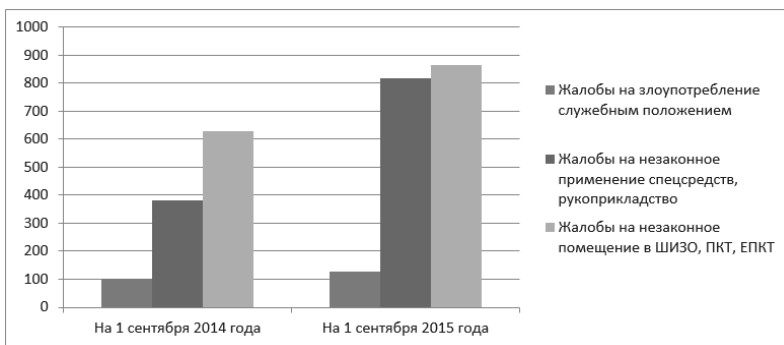

Рисунок 8. Количество жалоб на работников ИУ

Таким образом, количество жалоб на деятельность работников исправительных учреждений за 9 месяцев 2015 года значительно превысило количество жалоб за аналогичный период 2014 года. Такая статистика должна стать поводом к усилению контроля за деятельностью работников исправительных учреждений со стороны государства.

Итак, анализ пенитенциарной преступности позволяет отметить следующие положительные тенденции: 1) снижение числа лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, что обусловлено уменьшением общего количества совершаемых преступлений; 2) постепенное снижение количества планируемых и совершаемых преступлений в исправительных колониях; 3) снижение количества планируемых и совершаемых преступлений в воспитательных колониях для несовершеннолетних.

Однако имеются и отрицательные тенденции, которым должно быть уделено повышенное внимание при дальнейшем реформировании уголовно-исполнительной системы. К таким тенденциям относятся: 1) увеличение за последние два года количества преступлений, совершаемых в СИЗО и тюрьмах; 2) увеличение количества жалоб, подаваемых на отдельных работников исправительных учреждений.

Список литературы:

1. Аладына Л.С., Емельянов С.Н., Жеребин В.С. и др. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения. – Владимир: Изд-во ВЮИ Минюста России, 2005. – С. 420
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 18.12.2015).
3. Громов В.Г. Пенитенциарная преступность // Научная сеть Современное право: юридический портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Пенитенциарная-преступность> (дата обращения: 16.12.2015).
4. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – С. 856–883
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ № 1772-р от 14.10.2010 // Российская Газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.rg.ru/2011/03/08/penitenciariya-site-dok.html> (дата обращения: 16.12.2015).
6. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник. – М.: Норма, 2010. – С. 638–650.

7. Легостаев С.В. Пенитенциарная преступность: состояние, основные тенденции и проблемы предупреждения // Cyberleninka: научная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnaya-prestupnost-sostoyaniye-osnovnyye-tendentsii-i-problemy-preduprezhdeniya> (дата обращения: 16.12.2015).
8. Уваров И.А. Структура уголовно-исполнительной системы должна соответствовать целям пенитенциарной профилактики // Cyberleninka: научная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/struktura-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-dolzha-sootvetstvovat-tselyam-penitentsiarnoy-profilaktiki> (дата обращения: 16.12.2015).
9. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 18.12.2015).
10. Федеральная служба исполнения наказаний России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/> (дата обращения: 18.12.2015).

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА: ПОНЯТИЕ В КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Салохутдинова Ольга Сергеевна

магистрант

Новгородского филиала Современной гуманитарной академии

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: ollykolly@mail.ru

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, ст. преподаватель

Новгородского филиала Современной гуманитарной академии

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

THE CRIMINAL PERSONALITY: THE CONCEPT IN CRIMINOLOGY AND CRIMINAL LAW

Olga Salohutdinova

*undergraduate of the Novgorod branch
of the Modern University for the Humanities
Russia, Veliky Novgorod*

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Novgorod branch
of the Modern University for the Humanities
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные аспекты криминологического и уголовно-правового определения понятия преступника, социологические и криминологические оценки его деяний. Сделаны выводы о том, что правовая оценка преступного деяния и его декриминализации находится за гранью определения общественной опасности, что приводит к неоднозначному пониманию характеристики личности преступника и определению путей его исправления.

ABSTRACT

The article describes the main aspects of criminological and criminal-legal definition of the criminal, sociological and criminological assessment of his actions. It is concluded that the legal assessment of the criminal act and its decriminalization is beyond the definitions of public danger, which leads to ambiguous understanding of the characteristics of the individual offender and to identify ways to repair it.

Ключевые слова: преступление; личность преступника; криминология; уголовное право.

Keywords: crime, criminal; criminology and criminal law.

Понятие личности преступника является условным и формальным, поскольку от законодателя зависит определение действий, которые можно отнести к преступным. Как известно, именно законодатель может отменить уголовную ответственность за поступки, которые ранее им рассматривались как преступные.

Такое понятие как, «личность преступника» образовано из таких двух понятий: социологического «личность» и юридического «преступник».

В социологии под личностью понимается индивид как субъект социальных взаимоотношений, система социально значимых качеств человека, продукт социализации. По мнению социологов, индивид становится личностью в процессе социальной адаптации, познания социальных функций, овладения базовыми социальными ценностями.

Юридическое же понятие «преступник» означает лицо, совершившее преступление и признанное судом виновным.

В правовых исследованиях понятие личность обычно употребляется в более узком смысле. Когда юрист говорит о личности преступника, то имеет в виду, прежде всего, те черты, которые делают человека субъектом криминального поведения и которые для него типичны и существенны в соответствии с его правовым положением, абстрагируясь от остальных. Понятие личности преступника в большей мере условное, поскольку его действия преступными могут считаться только в зависимости от действующего законодательства [2].

Правовая природа личности преступника включает в себя целый комплекс социально-демографических, социально-ролевых (функциональных), социально-психологических признаков, которые в той или иной мере связаны с преступным деянием, характеризуют его общественную опасность, объясняют причины его совершения [1].

В системе органов внутренних дел, изучение личности преступника осуществляется в двух основных направлениях: научном и практическом.

Для изучения личности преступника в практических целях используются в основном те же источники и методы получения и обработки информации, которые применяются в целях анализа преступности и ее причин.

Источниками информации о личности преступника для органов внутренних дел служат: документы первичного учета, статистические отчеты, материалы уголовных дел и другие документы, содержащие сведения о преступнике и преступлении; лицо, совершившее преступление; потерпевший; члены семьи преступника, другие родственники, друзья, окружение по месту работы и месту жительства

По данным МВД РФ в январе-ноябре 2015 года зарегистрировано 2163,4 тыс. преступлений, или на 8,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 74 субъектах Российской Федерации, снижение – в 9 субъектах [3].

Выявляется органами внутренних дел 89,7 % всех зарегистрированных преступлений, причем 5,0 % из них – на стадии приготовления и покушения. Всего на этих стадиях выявлено 97,8 тыс. преступлений [3].

Основываясь на данных МВД РФ, можно сделать вывод, что рост преступности в России растет, а процент предупреждение и пресечение преступлений мал, что еще раз подтверждает значимость изучения личности преступника в целях борьбы с преступностью, а так же в целях ее предупреждения и пресечения.

Многие современные криминологи, ученые и психологи, считают, что биологическая предрасположенность не толкает человека на преступное деяние, а лишь носит характер условия способствующего к антисоциальному поведению и лишь социально обусловленные факторы, могут подвинуть на преступление.

Значимость исследований о личности преступника заключается в том, чтобы применить полученные данные о лицах, совершающих преступления при расследовании конкретных преступлений и назначения наказания преступнику.

Таким образом, следует подчеркнуть, что криминогенный характер поведения, формируется у личности, по средствам неблагоприятной окружающей социальной среды. Предотвратить формирующуюся склонность личности к девиантному поведению, возможно при условии улучшения социальной среды человека, уровня образования, воспитания.

Условность и формальность уголовного законодательства, определяющего субъект преступления, означает условность и формальность самой категории «личность преступника». Таким образом, данное понятие должно рассматриваться в пространственном и временном контексте УК РФ.

Личность преступника не всегда соответствует совершенному преступлению, причем это несоответствие может быть не только по степени, но и по характеру общественной опасности. Указанное обстоятельство должно учитываться при выборе средств и определении интенсивности индивидуального предупредительного воздействия в отношении лиц, криминогенность которых проявилась в нехарактерной для них форме.

В целях устранения существенного разноречия при назначении уголовного наказания лицам, совершившим сходные деяния и имеющим тождественные личностные характеристики, существует необходимость дальнейшей дифференциации и индивидуализации уголовно-правового воздействия посредством учёта типологической

характеристики подсудимого и мотивации преступного поведения. Причём первый признак, должен стать одним из оснований дифференциации уголовной ответственности, а второй – ее индивидуализации. В качестве критерия типологической характеристикой подсудимого предлагается использовать соотношение ситуации и личности в совершенном преступлении.

В уголовном кодексе не существует введенного понятия «личность преступника», что существенно усложняет задачу при выборе мер пресечения преступного поведения и при назначении уголовного наказания, поэтому понятие личность преступника должно быть закреплено в уголовном законодательстве.

Основываясь на выше сказанном, представляется возможным сделать предложение о внесении в УК РФ ст. 19.1 «Личность преступника и учет ее типологий при назначении наказания».

В статью ст. 19.1 УК РФ внести, определение личности преступника и выделить типологии преступников в следующей редакции:

1. Для дальнейшей дифференциации и индивидуализации наказания, под личностью преступника следует понимать совокупность негативных личностно-структурных психических качеств, характерных для преступников определенной криминальной направленности.

2. Типология преступников - более глубокая характеристика разных контингентов преступников основывается на более существенных признаках, причинно связанных с преступным поведением, имеет значительно более обширные возможности объяснительного характера, дает возможность вскрыть природу, причины, закономерности преступного поведения, создать основы его прогнозирования, видами которой являются:

а. случайный тип – лица, впервые совершившие преступления в результате случайного стечения обстоятельств, при общей социально-положительной характеристике личности;

б. ситуационный тип – лица, совершившие преступления под воздействием неблагоприятных социальных условий формировавших их личности, но в целом характеризующихся больше с положительной стороны, чем отрицательно;

в. неустойчивый тип – лица, совершившие преступления впервые, но допускавшие ранее различного рода правонарушения, аморальные проступки;

г. злостный тип – лица, неоднократно совершившие преступления, в том числе ранее судимых за аналогичное преступление.

Правовая оценка преступного деяния и его декриминализации находится за гранью определения общественной опасности, что приводит к неоднозначному пониманию характеристики личности преступника и определению путей его исправления. В связи с чем, закрепление понятия «личность преступника» в уголовном праве позволит дифференцировать лиц, совершивших сходные преступные деяния, при назначении уголовного наказания, это введение значительно упростит и улучшит работу органов назначаемых уголовного наказания.

Список литературы:

1. Борисова С.Е. Психологические особенности личности преступника // С.Е. Борисова: журнал Юридическая психология. – М.: Юрист, – 2007. – № 3, – с. 19.
2. Пушкарев М. А. Субъект преступления и личность преступника / Юридическая наука и практика / М.А. Пушкарев – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2005. – 171–174 с.
3. Состояние преступности – январь-ноябрь 2015 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6917617> (дата обращения 17.12.2015).
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации/[Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения 17.12.2015).

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Серватинский Ярослав Вячеславович

*аспирант кафедры уголовно права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Красноярский государственный аграрный университет
РФ, г. Красноярск
E-mail: y.servatinsky@yandex.ru*

THE DIFFICULTIES OF DETERMINING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENCE

Yaroslav Servatinsky

*graduate student of department of criminal law, criminology and criminal
executive law Krasnoyarsk state agrarian University
Russia, Krasnoyarsk*

АННОТАЦИЯ

Аннотация: Статья посвящена исследованию необходимой обороны и ее пределов в рамках теории уголовного права.

ABSTRACT

The article is devoted to the research of self-defense and its limits in the framework of the theory of criminal law.

Ключевые слова: необходимая оборона; пределы необходимой обороны; наличность посягательства; предотвращенный вред.

Keywords: necessary defense; borders of necessary defense; assault presence; prevented harm.

Интересы укрепления законности в современном обществе требуют унифицированного применения правовых норм, регламентирующих участие граждан в предупреждении и пресечении преступлений. В контексте провозглашаемого правящим политическим режимом курса на построение в России гражданского общества и правового демократического государства значение необходимой обороны как охранительного института, обеспечивающего самозащиту основных прав человека, невозможно переоценить. Сегодня актуально обеспечение действенных гарантий реализации права на необходимую оборону.

Правовой институт необходимой обороны в уголовном праве является сложным, многоаспектным и, как следствие, к сожалению, неоднозначным в том числе для правоприменителя. Ошибки, имеющие место в судебной и следственной практике, вызваны сложностью квалификации правомерности обороны, отграничения ее от эксцесса вследствие «многомерности» анализируемого понятия.

Также необходимая оборона выступает, в том числе, инструментом создания гражданского общества и демократического правового государства. Ее задачей является сдерживание роста преступности, постоянное обеспечение защиты прав и свобод личности собственными силами и средствами.

Необходимая оборона выступает одним из наиболее важных институтов уголовного права. Помимо того, что необходимая оборона является одним из условий, исключающих уголовную ответственность, она выступает как один из инструментов защиты прав граждан и предупреждения преступлений, то есть, направлена на решение задач, поставленных перед уголовным законом [4].

Право на необходимую оборону вытекает из естественного права человека на жизнь, которое прописано в части 2 статьи 45 Конституции РФ, в которой указано, что каждый вправе защищать свои интересы любыми законными способами.

Самой главной проблемой является, конечно же, определение собственно пределов необходимой обороны, при превышении которых устраняется общественная полезность действий обороняющегося, и деяние последнего становится преступным. Как указал С.В. Тасаков, случаи квалификации деяния с так называемым «запасом прочности» приобрели в настоящее время в судебно-следственной практике достаточно распространенный характер [6]. Такое положение дел не может не вызывать опасений.

При этом не стоит путать между собой условия и пределы необходимой самообороны. Условия – это обстоятельства, которые обуславливают поведение обороняющегося, а пределы – это рамки в которых его поведение характеризуется как правомерная необходимая оборона.

В теории и судебно-следственной практике отсутствует единый подход к определению пределов правомерности причинения вреда при необходимой обороне. В научной литературе предлагаются различные точки зрения по исследуемому вопросу. Например, высказывается мнение, что такие пределы устанавливаются посредством соотношения категорий «интенсивность посягательства» и «интенсивность средств защиты» с учетом принципов соразмерности и необходимости (Т.Г. Шавгулидзе, И.С. Тишкевич, В.А. Блинников и др.) [1]. Данный подход чрезмерно оценочен и сложен в применении. В соответствии с другой позицией предлагается учитывать только один фактор: было ли у обороняющегося право на необходимую оборону (Н.И. Коржанский, Г. Колмакова, В.И. Ткаченко) [7]. Исходя из чего, причиненный вред правомерен вне зависимости от степени его тяжести.

Весьма спорными выглядят предложения расценивать правомерность необходимой обороны исходя из 3-х формальных критериев – наказания, верхнего предела санкции и формы вины.

В данном случае автор отталкивался от юридических критериев, но каким именно образом должен все эти критерии использовать

просто гражданин при осуществлении права на необходимую оборону. Стоит ли ему предугадывать умысел нападавшего, а заодно оценивать потенциальное наказание для себя, и его верхний предел. Тем более что определить само посягательство и его тяжесть возможно лишь по его окончанию, когда будет причинен определенный вред.

Если будет установлено, что посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой применения такого насилия, либо действия посягавшего были неожиданными, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения, то в соответствии с частями 1, 2 статьи 37 Уголовного кодекса РФ допустимо причинение любого вреда нападающему, в том числе и тяжкого вреда здоровью, а значит, квалификация оборонительных действий по части 1 статьи 114 Уголовного кодекса РФ в таком случае исключена. Данное положение теперь прямо закреплено Пленумом Верховного суда РФ в пункте 10 Постановления № 19 [5].

Принятые Пленумом Верховного Суда РФ меры по конкретизации, формализации и актуализации толкований оценочных понятий, несомненно, произведут положительный эффект, отчасти решив проблему стабилизации правоприменительной практики. Но очевидно, что этого недостаточно. Первый шаг сделан в верном направлении, но требуется масштабная переработка действующей редакции статьи 37 Уголовного кодекса РФ.

Наиболее любопытным предложением было создание «формальных» пределов самообороны. Это было сделано как раз с целью избежать проблем при определении пределов необходимой обороны исходя из оценочных понятий, которые носят субъективный характер.

Было предложено ввести шкалу пределов допустимого вреда и использовать соответствующие понятия «минимально» и «максимально» допустимого вреда. А.П. Козлов в свою очередь предложил использовать условные единицы измерения вреда, которые будут меняться в зависимости от размера общественной опасности и возможного причиненного вреда [3].

На наш взгляд, определенного результата в данном вопросе можно было бы достигнуть путем выработки четких критериев определения пределов необходимой обороны, на основании которых законодательно закрепить дифференцированную систему с указанием на возможность причинения максимально допустимого вреда при защите конкретных охраняемых уголовным законом объектов.

Такое нормативное построение института необходимой обороны, ориентированное на обороняющееся лицо, по нашему мнению, обеспечит максимальную доступность для понимания содержания положений института, а также позволит минимизировать судебные и следственные ошибки, связанные с реализацией гражданами своего права на необходимую оборону от общественно опасных посягательств.

Список литературы:

1. Городнова О.Н. Понимание и реализация права на необходимую оборону // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – 522 с.
2. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 448 с.
3. Козлов А.П. Пределы необходимой обороны и их превышение. – Красноярск, 1994. – 311 с.
4. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. – М.: Остожье, 1996, – 112 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. – 2012 – № 5900 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html> (дата обращения 25.11.2012).
6. Симашенков П.Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации // Концепт. – 2015. – № 6. – 250 с.
7. Шарاپов Р.Д. О формализации предела допустимой защиты при необходимой обороне: М-лы регион. науч.-практич. конференции: Уголовное право на рубеже тысячелетий. Тюмень, 2007. – 460 с.

СЕКЦИЯ 10.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Дюжов Алексей Владимирович

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры Административного и финансового права
Российского экономического Университета имени Г.В. Плеханова
РФ, г. Москва
E-mail: adujov@rambler.ru*

LEGAL BASIS OF COMPETITION OF THE TAX

Alexey Dyuzhov

*Ph.D., assistant professor
Associate Professor, Department of Administration and Finance
Russian Economic University named after GV Plekhanov
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи заключается в рассмотрении теоретических основ налоговой конкуренции. В работе приводятся авторские подходы понимания данной категории. Раскрыта связь налоговой конкуренции и принципа налогового федерализма. Определено, что налоговая конкуренция и принцип налогового федерализма получили дальнейшее свое развитие в Налоговом кодексе Российской Федерации.

ABSTRACT

The purpose of the article is to review the theoretical foundations of tax competition. The paper presents the author approaches the understanding of this category. Disclosed Us tax competition and the principle of fiscal federalism. It was determined that the further development of their data categories received the Tax Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: налоговая конкуренция; принцип налогового федерализма; модель налогового федерализма; установление элементов налога.

Keywords: tax competition; the principle of fiscal federalism; fiscal federalism model; the establishment of the elements of the tax.

В условиях развивающегося мирового финансово-экономического кризиса и насущной необходимости модернизации российской экономики, возникает потребность в увеличении доходов бюджета, а также, поиска качественно новых, нестандартных налоговых источников доходов государства. Для этого целесообразно обратить внимание на теоретические подходы ученых по данной проблеме. В своих трудах они не раз доказали и научно обосновали предложенные теории.

Интерес вызывает научное исследование «Чистая теория территориальных расходов», опубликованная в издании «Журнал общественной экономики» в 1956 г. В ней Тибу пришел к выводу, что конкуренция между региональными властями за мобильные хозяйства увеличивает всеобщее благосостояние. Для того чтобы не потерять своих плательщиков власти должны корректировать свои расходы и приводить ставки и льготы по налогам в соответствие с потребностями региона. В свою очередь плательщики перемещаются в те регионы, где власти представляют больше возможностей и благ [7, с. 64].

В этой же статье Тибу анализирует исследование Пола Самуэльсона «Чистая теория государственных расходов» (1954 г.) [6, с. 387–389] В ней Пол Самуэльсон раскрывая проблему уклонения от уплаты налогов сделал вывод, что у плательщиков нет стимулов к проявлению своих интересов к общественным благам в полную силу. Каждый стремится к их проявлению в меньшей степени с целью сокращения своего налогового бремени, при этом, потребляя в полной мере общественные блага, которые финансируются другими. Проблема принимает другой оборот, если плательщики получают право поменять территории, на которых должны платить налог. Они проявляют свои интересы к общественным благам с помощью «голосования ногами». Интерес взгляда Тибу заключается в том, что если плательщики будут иметь возможность переезжать из одной территории на другую, то интерес к общественному благу будет проявляться посредством «голосования ногами». Следствием перемещений плательщиков является появление конкуренции между территориями, которые будут заинтересованы

в привлечении налогоплательщиков, развитии производств и хозяйств и увеличении налоговых поступлений в бюджет. В этом проявляется равновесие и эффективность рынка. Плательщики не становятся богаче, если перемещаются на другую территорию в поисках выгодных условий осуществления хозяйственной деятельности [7]. Труды Тибу стали основой для появления и дальнейшего исследования налоговой конкуренции учеными всего мира.

Например, Дж.Д. Уилсон и Д.Э. Уалдасин в своих трудах предложили три подхода в исследовании понятия налоговая конкуренция:

- В мировом масштабе под налоговой конкуренцией следует понимать формирование системы налогов страны без какого-либо внешнего влияния других государств;
- На общегосударственном уровне налоговая конкуренция – это бюджетно-налоговая политика страны направленная на формирование бюджетов всех уровней;
- В частном случае налоговая конкуренция – это независимая налоговая политика государства по созданию системы налогов с целью повлиять на перемещение капитала внутри страны между территориями [9, с. 2–3].

В аналогичном направлении развивал мысль Т.Д. Гудспид. В своих трудах ученый отмечал, что в результате воздействия системы налогов одного государства на систему налогов другого государства возникает налоговая конкуренция [5, с. 582].

Весьма интересным является мнение Т.Ф. Филде. Он считает, что импульсом для возникновения налоговой конкуренции является нехватка инвестиций с целью создания рабочих мест, а так же необходимость формирования экономического роста страны [8, с. 1211–1216].

А.И. Погорлецкий, предлагает три подхода изучения налоговой конкуренцию между национальными правительствами:

1. Первый раскрывает налоговую конкуренцию с точки зрения контроля за плательщиками со стороны государства. Выбор территории регистрации и осуществления своей деятельности для масштабных плательщиков, обладателей таких факторов производства как финансового капитала, основывается на наличии мягкой налоговой политики. Ее проявление осуществляется посредством определения размера налоговой ставки, определения процедуры уплаты налога или подачи налоговой декларации. В отличии от крупного и более мобильного бизнеса мелкий и часть среднего, а так же рабочие и служащие, владельцы недвижимости не всегда могут позволить себе выбрать более благоприятный налоговый климат.

2. Второй исследует конкуренцию как процедуру применения. В мире встречаются различные системы налогов с применением индивидуальных принципов или теорий налогообложения. В этих условиях хозяйствующий субъект выбирает и проверяет ту систему, которая наиболее предпочтительна и удовлетворяет его условиям осуществления внешнеэкономической деятельности.

3. Третий представляет налоговую конкуренцию как постоянно развивающийся механизм, который вовлекает систему налогов государства в процесс постоянного изменения и совершенствования.

Проведя анализ мнений авторов можно сделать следующие выводы:

1) налоговая конкуренция – это юрисдикция государства или иной территории в области фискальной политики. Она не зависит от желания и мнения другого государства или территории, но оказывает влияние на их плательщиков;

2) налоговая конкуренция представляет собой совокупность налоговых механизмов используемых государством для привлечения налогоплательщиков;

3) состав субъектов налоговой конкуренции включает лица и группы лиц, которые ведут борьбу за объекты конкуренции. Основными участниками данного процесса являются различные уровни государственной власти;

4) объектом налоговой конкуренции являются ресурсы, за которые ведется борьба, которые могут быть перемещены на другую территорию и отчуждены в пользу иностранного государства;

5) целью налоговой конкуренции является привлечение налоговых ресурсов на территорию государства.

Таким образом, налоговая конкуренция – это соперничество государственных властей за налоговые ресурсы для изъятия части дохода их владельцев в собственный бюджет через налоговые платежи [5, с. 67].

С уверенностью можно отметить, что в России уже существует модель налоговой конкуренции, сочетающая основы налогового федерализма отвечающая стратегии развития страны на долгосрочную перспективу, которая, несомненно, нуждается в дальнейшем развитии и модернизации. Законодательное закрепление принципа налогового федерализма позволяет передать часть полномочий в области налогообложения федеральных органов власти региональным и местным. Это способствует появлению и развитию налоговой конкуренции за налоговые ресурсы на региональном и местном уровне.

Началом появления налогового федерализма и создания модели налоговой конкуренции является принятие закона РФ от 27.12.1991 № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [1] и закона РСФСР от 10.10.1991 № 1734-1 (ред. От 31.07.1995, с изм. от 10.07.1996) «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» [2]. В них законодатель закрепляет принципы и механизмы формирования и взаимодействия бюджетов разных уровней власти. Дальнейшее свое развитие данные категории получили в статьях Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (далее НК РФ) [3]. Сущность модели налоговой конкуренции подразумевает выделение и четкое разграничение компетенций федерального центра, субъектов федерации и местного самоуправления в отношении процедур установления, введения и взимания налогов, которые будут использоваться законодательными органами для создания благоприятных условий для привлечения налоговых ресурсов на данную территорию.

НК РФ расширяет полномочия законодательных органов субъектов РФ и местного самоуправления, и предоставляет им возможность самим определять часть элементов налога, но исключительно в рамках, определяемых НК РФ.

Устанавливая региональный налог законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации определяют следующие элементы налогообложения: налоговая ставка, порядок и срок уплаты налогов, а так же особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения.

Устанавливая местные налоги представительные органы муниципальных образований, органы государственной власти городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя определяют такие элементы налогообложения как: налоговая ставка, порядок и сроки уплаты налога, а так же особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения.

Таким образом законодательные органы субъектов РФ и муниципальных образований располагают набором налоговых инструментов, который может повлиять на наполняемость соответствующих бюджетов. Причем набор инструментов каждой из территорий одинаковый. Субъекты РФ и муниципальные образования будут заинтересованы в том, чтобы налогоплательщики состояли на учете в тех налоговых органах, которые находятся на территории соответствующего субъекта РФ или муниципального образования. Налогоплательщики в свою очередь заинтересованы

заниматься предпринимательской деятельностью или проживать в том субъекте РФ или муниципальном образовании, где налоговое бремя меньше.

Список литературы:

1. Законом РФ от 27.12.1991 № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»/ [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru> (14.12.2015).
2. Законом РСФСР от 10.10.1991 № 1734-1 (ред. от 31.07.1995, с изм. От 10.07.1996) «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР»/ [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru> (14.12.2015).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
4. Пузин А.М. Особенности влияния налоговой конкуренции на податный состав налоговой системы // Диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Москва -2005.
5. Goodspeed T.J. Tax Competition, Benefit Taxes, and Fiscal Federalism // National Tax Journal, vol. 51, № 3 (Sep. 1998). С. 582.
6. Paul A. Samuelson, The pure theory of public expenditure. // «Review of Economics and Statistics» (1956. Vol.36) – С. 387–389.
7. Tiebout Ch.M. A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Public Economy. vol. 64 (1956).
8. Thomas F. Field. Tax Competition in Europe and America.//State Tax Notes. (31.03.03). – С. 1211–1216.
9. Wilson J.D., Wildasin D.E. Tax Competition: Bane or Boon? 24.05.01. – С. 2–3.

СЕКЦИЯ 11.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

МЕДИАЦИЯ: ЛОГИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, ст. преподаватель
Новгородского филиала Современной гуманитарной академии,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru

Виснап Нина Егоровна

канд. филос. наук, доцент,
доцент Новгородского филиала
Санкт-Петербургского института управления и права,
РФ, г. Санкт-Петербург

Трухина Ирина Николаевна

канд. филос. наук, доцент,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета ГПС МЧС России,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: truhirina@yandex.ru

MEDIATION: A LOGICO-LEGAL ASPECT

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Novgorod branch
Modern humanitarian Academy,
Russia, Veliky Novgorod*

Nina Visnapu

*cand. filosof. science, associate professor, the Professor
of Novgorod branch of St. Petersburg Institute of management and law,
Russia, St. Petersburg*

Irina Trukhina

*cand. filosof. science, associate professor, the Professor of St. Petersburg
State University, Russian Ministry for Emergency Situations,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются способы и формы медиации. Целью исследования является сфера применения методов медиации, поскольку значительную роль в разработке и применении посредничества сыграл опыт, накопленный в судебной практике, понятие медиации анализируется в правовом аспекте. Авторы полагают, что логико-правовая медиация позволит расширить область применения методики в урегулировании споров, в том числе в сфере публичных и частных правоотношений.

ABSTRACT

The article discusses the ways and forms of mediation. The aim of the study is the scope of application of the methods of mediation, since a significant role in the development and application of mediation played by the experience gained in judicial practice, the concept of mediation is analyzed in legal terms. The authors believe that the logical-legal mediation will expand the scope of application of the methodology in the settlement of disputes, including in the sphere of public and private legal relations.

Ключевые слова: медиация; медиатор; спор; деятельность; форма; способ; аспект; норма права; логика; переговоры.

Keywords: mediation; mediator; dispute; activity; form; method; aspect; rule of law; logic; negotiations.

Различные формы привлечения третьей стороны для решения споров существовали давно. О них встречаются информации в Китае, странах Африки, где в качестве посредников (медиаторов) выступали старейшины племени. «Медиатор» происходит от латинского слова «mediator». Отдельные формы посреднических примирительных процедур использовались в XIX в. и в России. Преимущественно в сельской местности использовались такие процедуры как «добрый совет незаинтересованных людей», «суды общественной самодеятельности» (соседей, стариков, сельский сход и т. д.) [17, с. 63–67].

Медиация как общественно значимая форма деятельности получила развитие во второй половине XX столетия в странах англо-саксонского права США, Англии и Австрии. В США в 1947 году создан специальный федеральный орган – Федеральная служба США по медиации и примирительным процедурам, который действует и в настоящее время. Медиация является неотъемлемой частью американской культуры. Медиаторы принимают участие практически во всех важных переговорах в области политики, экономики, бизнеса. Разработкой новых способов медиации занимается Национальный институт разрешения диспутов, издаются журналы, анализирующие проблемы медиации. Наряду с Американской арбитражной ассоциацией функционируют частные и государственные службы медиации [12, с. 42–49]. В Англии, по данным Центра эффективного разрешения споров, лишь 9 % споров, которые разрешались путём посредничества в данном Центре, были переданы на разрешение в суд, 85 % завершались заключением мирового соглашения (при средней продолжительности посредничества в полтора дня), 6 % были мирно урегулированы в течение трёх месяцев после проведения медиации. В стране действует специальная горячая линия, куда можно обратиться по проблемам медиации, позвонив из любого места в стране, описав конфликт и свои пожелания по поводу медиатора. Это позволит из списка предложенных кандидатур выбрать медиатора, отвечающего требованиям клиента [9]. Например, в Австрии в 2004 году принят федеральный закон о медиации, по которому регламентирована специализация, подготовка и обучение медиаторов и определены нормы данной подготовки. При этом законодательством Австрии медиативное соглашение по результатам проведения процедуры, проводимой в рамках действующего судебного процесса, может быть признано судом, а принятое в результате досудебной медиации судебной защиты не имеет [9].

Поскольку значительную роль в разработке и применении методов посредничества сыграл опыт, накопленный в судебной

практике, понятие медиации в настоящее время анализируется чаще всего в правовом аспекте. В современной мировой, прежде всего европейской практике, прочно входит в научный оборот термин «судебная медиация», под которой принято понимать «процедуру урегулирования конфликта, проводимую после возбуждения дела в суде и по предложению судьи, в производстве которого находится гражданское дело» [2]. В зависимости от того, кто проводит процедуру, исследователи выделяют «сближенную» и «интегрированную» модели судебной медиации. В «сближенной» модели медиация, как правило, проводится профессиональным медиатором, работающим вне здания суда. Такое название она получила за то, что медиация представляет собой процедуру стороннюю по отношению к судебному разбирательству. Вместе с тем медиация непосредственно связана с последним, так как во время её проведения суд откладывает процессуальные действия до получения результатов примирительной процедуры. Созданный в 1993 году Нидерландский институт медиации, фактически выполняющий функции саморегулируемой организации медиаторов, не только занимается вопросами обучения, но и ведёт списки аккредитованных медиаторов. Взаимодействуя с государственными судами, эта организация способствует получению профессионального медиатора, обладающего необходимыми навыками и профессиональной квалификацией. Взаимосвязь судьи и медиатора просматривается чётко. Эта модель получила название Голландской, поскольку распространена, прежде всего, в Нидерландах.

«Интегрированная» модель медиации предполагает проведение процедуры, как правило, специально обученным действующим судьёй или одним из сотрудников суда в здании суда. На предварительной беседе со сторонами судья, в чьём производстве находится дело, предлагает им урегулировать конфликт с помощью процедуры медиации. В случае согласия сторон дело передаётся специально обученному судье-медиатору. Судебное разбирательство по делу при этом также приостанавливается. В случае заключения сторонами соглашения об урегулировании спора оно протоколируется судьёй-медиатором и передаётся на утверждение судье, в производстве которого находится дело. Если медиация не принесла положительного результата, судья-медиатор извещает об этом судью, рассматривающего дело, и тот назначает дату и время рассмотрения дела по существу. Такая модель получила распространение в Германии и была официально признана в качестве одного из видов медиации в предложенном правительством ФРГ законопроекте «О поддержке

медиации и других форм урегулирования конфликтов» [21, с. 229]. Эта модель получила название немецкой.

Близкими к рассмотренным по существу являются и разновидности медиации, закреплённые Законом о медиации Бельгии, вступившем в силу в феврале 2005 года. Закон различает два вида медиации: добровольную, на которую стороны соглашаются по собственной воле, и предложенную судом, которая может быть назначена судом, как по запросу сторон, так и по собственной инициативе. Медиация в Бельгии используется по широкому кругу конфликтов. Она возможна по гражданским и коммерческим делам, включая споры в производственной сфере и споры в области защиты прав потребителей [16, с. 10–19]. Медиация может быть предложена в любое время – до, во время и после прекращения процедуры суда. Юридическая (субсидируемая) помощь на оплату пошлины применительно к медиатору, осуществляющему любую из вышеупомянутых видов медиации, законом о медиации распространяется только при условии, если медиация проводится аккредитованным медиатором. К кандидатам для деятельности в качестве медиаторов Закон о медиации установил определённые минимальные требования. Законом установлены минимальные правила процедуры добровольной медиации [7, с. 54–61]. Судьи национальных судов в Бельгии медиаторами выступать не могут. Ключевыми условиями успеха процедуры медиации бельгийское законодательство признаёт конфиденциальность и профессиональную тайну [11, с. 10–19].

На основании Резолюции Генеральной Ассамблеи 35/52 4 декабря на заседании Комиссии ООН по праву международной торговли принят согласительный регламент ЮНСИТРАЛ. Преамбула последнего раскрывает цели и значение примирительных процедур урегулирования споров, возникающих в области международных коммерческих отношений. На основании Резолюции Генеральной Ассамблеи 57/18 19 ноября 2002 года на 52 пленарном заседании Комиссии ООН по праву международной торговли принят типовой закон ЮНСИТРАЛ. 23 апреля 2008 года Европейским Парламентом принята Европейская Директива о некоторых аспектах медиации в гражданской и предпринимательской сфере, которая регулирует последние только в странах ЕС. Евросоюз выпустил ряд директив, контролирующей деятельность медиаторов. Европейской комиссией утверждён Кодекс медиатора. Под «согласительной процедурой» понимается процедура, которая может именоваться согласительной, посреднической или обозначаться термином аналогичного смысла. В рамках этой процедуры стороны просят третье лицо или лиц

(посредника) оказать им помощь в попытке достичь мирного урегулирования их спора, возникшего из договорных или иных правоотношений [7, с. 54–61].

В России медиация – относительно новое явление. Необходимость в привнесении её на российскую почву возникла в связи с тенденцией к развитию судебной системы в русле международных принципов и загруженностью судов. В качестве института российского права её устанавливает Федеральный закон № 193–ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» [18]. Законом о медиации, отмечает С.К. Загайнова, «созданы условия для интеграции медиации в российскую правовую культуру. Законодатель институализировал процедуру медиации как легитимный способ урегулирования правовых споров, что является основанием для её дальнейшего применения в различных сферах юридической деятельности» [4]. На основании Послания Президента РФ Федеральному Собранию [13] и в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 03.12.2010 № 969 «О программе подготовки медиаторов» [14] разрабатывается комплекс мер по внедрению медиации в практику деловых отношений и установлению её в качестве обязательной досудебной стадии урегулирования правовых споров.

Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», к сожалению, не содержит легитимного определения понятия «медиация». В п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации рассматривается как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Закон закрепляет принципы медиации: взаимное волеизъявление сторон на участие в процедуре, сотрудничество, равноправие, добровольность, конфиденциальность, беспристрастность и независимость медиатора (ст. 3 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [18]. В соответствии с законом, медиация может проводиться по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений (п. 2 ст. 1

Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [18]). Законом чётко регламентированы сроки проведения судебной медиации: не более шестидесяти дней. Закон закрепляет правовой статус медиатора. Последний вправе вести деятельность, как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе, при этом к каждому из них предъявляются разные требования. Медиаторами на непрофессиональной основе могут быть лица, достигшие возраста 18 лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости (ст. 15 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [18]). Медиаторами, осуществляющими деятельность на профессиональной основе, могут быть лица, достигшие возраста 25 лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов (ст. 16 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [18]). Деятельность медиатора не является предпринимательской. Закон впервые закрепляет понятие медиативное соглашение, которое должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведённой процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения (ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [18]). Оно согласно ч. 3 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» может быть утверждено в качестве мирового соглашения. Со дня заключения его процедура медиации прекращается [18].

Закрепление медиации на законодательном уровне не привело к массовому применению её в Российской Федерации. В.В. Путин в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ в декабре 2011 г. отмечал, что «законы о медиации, которые приняты, почти не работают, случаи заключения соглашений единичны» [13]. Главную причину такого положения исследователи видят в социокультурных условиях России. История России связана с этическими традициями в деятельности государства, т.е. «властного участия государства и его органов в экономической, политической и, что более важно социальной жизни людей» [8]. Отмечаются также такие обстоятельства как низкий уровень общей и правовой культуры,

доступность гражданского судопроизводства, слабые стороны российского законодательства и другие.

Краткий обзор медиации в мире и России свидетельствует о том, что она активно входит в различные стороны общественной жизни. Анализ её, как было отмечено выше, пока происходит в правовой сфере. Анализируя содержание понятия медиации в праве, А.А. Мансуров делает вывод, что «правовая медиация – это опосредованная правом посредническая деятельность (институт, практика, технология), третьего для сторон правового конфликта лица, не обладающего полномочиями на разрешение спора по существу, направленная на их самостоятельное и добровольное примирение и, на основе этого, разрешение юридического конфликта» [10, с. 63]. Исследователи обращают внимание на то, что алгоритм медиации ориентирован на поиск нетипичных решений. Это создаёт сложности, связанные с юридической квалификацией условий медиативного соглашения. «В процессе медиации, – отмечает С.И. Калашникова, – учитываются как правовые, так и иные основания спора, соответственно, соглашение конструируется с учётом всех возможных аспектов и может включать юридически не значимые, но важные для сторон условия» [6]. Однако, единого мнения по поводу медиации в праве пока не выработано. Исследователями медиация, как правило, ассоциируется с примирением, посредничеством, компромиссом [19, с. 43]. Активное развитие судебной медиации, по верному замечанию В.О. Аболина, таит в себе «опасность полного уничтожения частной медиации» [1, с. 63].

Медиация, имея большой потенциал, в силу своего универсального характера, может выступать эффективным регулятором отношений практически во всех сферах общественной жизни» [15, с. 39]. Советник Президента Российской Федерации В.Ф. Яковлев на интернет-конференции «О примирительной процедуре с участием посредника (медиация)» отметил, что медиация возможна как в рамках арбитражного или гражданского процесса, так и в качестве самостоятельного института, направленного на разрешение конфликта» [20]. Важно, что в медиации речь может идти не только об интересах охраняемых законом. Стороны могут обсуждать не только правовые, но и не охраняемые законом, не поддающиеся правовому регулированию отношения. Вместе с тем, закон обеспечивает регулирование внешней стороны человеческой деятельности, что затрудняет его реализацию. Известный отечественный философ И.А. Ильин отмечал: «Право только тогда осуществит своё назначение, когда правосознание примет его, наполнится его содержанием и позволит новому знанию влиять

на жизнь души, определять его решения и направлять поведение человека. Тогда право станет силой во внутренней жизни человека, а через это и в его внешней жизни» [5, с. 336]. Интересной в этой связи представляется точка зрения А.А. Мансурова о том, что «корни медиации на Востоке» [10, с. 63]. Характеризуя специфику Востока на примере Китая, Рене Давид находит её в том, что там не интересуются тем, какие нормы содержат законы, не обращаются в суд и регулируют межличностные отношения, как подсказывает смысл, следуя не праву, а соглашению и гармонии [3, с. 398].

Ничего удивительного в том, что в настоящее время в мире существуют разнообразные версии, технологии, системы медиации, разное правовое регулирование процессов медиации. Это процесс многоплановый. В зависимости от вкладываемого в него содержания он может рассматриваться и как вид профессиональной деятельности, и как способ защиты права, и как правовой институт и т. п. Закономерно, что понятийный аппарат в этой сфере нуждается в дальнейшем уточнении и редактировании. Этот аспект является предметом следующего авторского исследования. Анализ специальной литературы позволяет авторам на данном этапе предложить к обсуждению следующие положения по основным понятиям. Прежде всего, речь должна идти о центральном понятии исследования – понятии медиации. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что всеми исследователями признаётся, что возникновение, существование и развитие медиации связано с выполнением ею главной функции – урегулирования конфликтных отношений. Это позволяет сделать с точки зрения формальной логики вывод о том, что определение медиации должно носить функциональный характер. Во-вторых, медиация – это процесс, поскольку все авторы анализируют определённые этапы её развития. В-третьих, наряду с конфликтантами обязательным участником процесса медиации является нейтральная, беспристрастная третья сторона посредник, который способствует, помогает, создаёт сторонам условия для того, чтобы они могли найти решение самостоятельно. В-четвёртых, результатом применения процедуры медиации должно быть медиативное соглашение, учитывающее интересы оппонентов и способное обеспечить их партнёрские отношения в дальнейшем. В-пятых, к важным принципам, обеспечивающим успех медиации, исследователи относят: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие.

Эти положения позволяют авторам предложить следующее определение понятия медиация. Медиация – добровольный,

конфиденциальный процесс урегулирования конфликтных отношений оппонентов с привлечением нейтральной, беспристрастной третьей стороны медиатора с целью достижения письменного соглашения, учитывающего интересы сторон конфликта и способного обеспечить их партнёрские отношения в дальнейшем. В основе медиации лежит рационализация позиций оппонентов. Он рассчитан на спокойное и разумное обсуждение проблем. Это трудный внутренний процесс для всех участников. Он предполагает решение спорных вопросов самими оппонентами. Поэтому результат достигнутых договоренностей в нём, в отличие от многих других форм, в том числе и суда, должен быть справедливым для обеих сторон. В этих условиях представляется целесообразным установление особых требований к медиатору, проводящему процедуру. Когда эмоциональная включённость участников в конфликт велика, и они действуют исключительно под влиянием эмоций, то только искусство медиатора может привести переговоры к успеху. Исследователями и законодателями по этому поводу высказывается целый ряд предложений требующих дальнейшего осмысления. На данный момент считаем целесообразным отметить, что это может быть непременно медиатор специалист, осуществляющий деятельность на профессиональной основе.

Медиация – это не просто процесс урегулирования споров. Это, по верному замечанию Б.И.Поспелова, «значительная часть общей культуры любого общества, воплощающая в себе модель качественно иных взаимоотношений людей, основанных на принципах сотрудничества, взаимопонимания и ответственности за достигнутые соглашения» [15, с. 39].

Между гражданами и властью постоянно возникают социальные конфликты в самых разных областях, затрагивающих те или иные сферы жизнедеятельности. В последние годы особенно отчетливо характер конфликтов приобретают вопросы так называемой «местной повестки», неэффективное разрешение которых может привести к серьезному увеличению показателей социальной напряженности в обществе в целом.

В большинстве случаев направление социального конфликта по вопросам местного значения в конструктивное русло, использование релевантных инструментов может оказать положительное воздействие на его участников. Это связано с тем, что при конструктивном обсуждении проблем возникает понимание оптимальных способов решения спорных вопросов, находятся компромиссные варианты. Важно представить, что социальный конфликт нужно обсуждать и решать в цивилизованной форме.

В связи с этим, для обеспечения сбалансированных отношений и эффективного взаимодействия между обществом и государством, необходимо развивать общественные коммуникативные институты, на базе которых могли бы обсуждаться споры и разногласия сторон социального конфликта.

Таковыми в России призваны стать, прежде всего, субъекты общественного контроля, в соответствии с положениями федерального законодательства об основах общественного контроля в Российской Федерации. Субъекты общественного контроля, как правило, представляют все социальные слои населения и обладают значительным медиативным потенциалом.

Со стороны органов государственной власти и местного самоуправления должно быть полное понимание необходимости диалога с населением; даже если очень неудобно, даже если ситуация «социально взрывоопасна» – нужно принимать критику, участвовать во встречах, излагать свою позицию, предлагать конкретные меры по урегулированию проблемы с указанием точных сроков их реализации, работать с гражданским активом в целях распространения своих аргументов среди населения.

При этом со стороны общества должно быть понимание о недопустимости решения социальных конфликтов неправовыми средствами, недопустимости дестабилизации ситуации на отдельно взятой территории. Для достижения согласия между обществом и органами власти всех уровней необходимо привлекать профессиональных медиаторов, способствующих урегулированию социального конфликта и недопущению его дальнейшей эскалации. Усиление роли посредников в решении споров и разногласий, наделение их модераторскими функциями позволит сторонам находить взаимоприемлемые компромиссные решения.

Таким образом, институт медиации (альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника) является одним из наиболее эффективных инструментов, имеющих определяющее значение для взаимоотношений между обществом и органами власти, в том числе как субъектов общественного контроля, а также в отношениях органов местного самоуправления и государственной власти.

Список литературы:

1. Аболин В.О. Коммерческая медиация в России: особый вектор развития. // Закон. – 2012. – № 3. – С. 63.

2. Байгулина А.К., Дячук М.И. Судебная медиация.//Теория и практика современной юриспруденции: материалы международной заочной научно-практической конференции. (13 марта 2013 г.) – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013.
3. Давид Р., Жоффе-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2009. – С. 398.
4. Загайнова С.К., Тарасов Н.Н. Медиация в практике нотариуса. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. // Теория права и государства. Серия «Русское юридическое наследие». М.: Зерцало, 2008. – С. 336.
6. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Информтropic Медиа. 2011 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (дата обращения 20.12.2015).
7. Кожевников Е.А. Международные акты по медиации и их применение в европейских странах (на примере Бельгии)// Государство и право в современных условиях: материалы международной заочной научно-практической конференции. (03 декабря 2012 г.) – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012 – С. 54–61.
8. Кожевников Е.А. Краткий экскурс в историю возникновения института медиации в гражданском праве. // Право и политика. 2012. № 12.
9. Медиация в мире. // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.mediacia.com/medworld.htm> (дата обращения 20.12.2015).
10. Мансуров А.А. Медиация в праве: вопросы определения понятия. // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 63.
11. Николаева Е.В. Международная конференция по международному арбитражу и медиации в странах СНГ и США / Николаева Н.В. // Третейский суд. – 2011. – № 4. – С. 10–19.
12. Парсел Ш. Варианты на выбор. Развитие медиации в США. //Медиация и право. – 2009. – № 3. – С. 42–49.
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 22 декабря 2011 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://kremlin.ru/news/14088> (дата обращения 20.12.2015).
14. Постановление Правительства РФ от 03.12.2010 № 969 «О программе подготовки медиаторов» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (дата обращения 20.12.2015).
15. Поспелов Б.И. Проблемные вопросы развития медиации в России. // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 39.
16. Соловьёв А.В. Альтернативная процедура урегулирования споров с участием посредника: правовой аспект / Соловьёв А.В.// Третейский суд. – 2011. – № 4. – С. 10–19.
17. Тенищев В.В. Правосудие в крестьянском быту. М.: Книжный дом «Либроком», 2001. – С. 63–67.

18. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (дата обращения 20.12.2015).
19. Хидзева З.Х. Понятие медиации в уголовном процессе Российской Федерации. // Российский следователь. – 2008. – № 23. – С. 43.
20. Яковлев В.Ф. Интернет – конференция советника Президента Российской Федерации «О примирительной процедуре с участием посредника (медиация)» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (дата обращения 20.12.2015).
21. Greger R. Gtiterrichter – ein Erfolgsmodell // ZRP. – 2006. – № 3. – С. 229.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВЕДЕНИЯ ДОПРОСА: ПРЕДЕЛЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Хомякова Алевтина Владимировна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики*

*Юридического факультета Южного Федерального Университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону,
E-mail: al263@mail.ru*

Бабаян Валентина Гарегиновна

студент 4 курса 2 группы дневного отделения

*Юридического факультета Южного Федерального Университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону,
E-mail: valentina-babayan@mail.ru*

PSYCHOLOGICAL TECHNIQUES OF INTERROGATION: LIMITS OF THE PSYCHOLOGICAL IMPACT

Alevtina Khomyakova

*candidate of Juridical Sciences, assistant professor
of Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

Valentina Babayan

*student of Law Department of Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Ключевым компонентом успеха при ведении допроса является установление психологического контакта. В каждом случае определяются конкретные методы воздействия на лицо, однако они могут быть систематизированы. При этом любое воздействие имеет вполне объяснимые рамки, которые порой невозможно определить.

ABSTRACT

The key component of success in the conduct of the interrogation is the establishment of psychological contact. In each case, there are determined by the specific methods of influence on the person, but these may be systematized. However, any impact is quite understandable framework that sometimes is impossible to determine.

Ключевые слова: допрос; психология; воздействие; пределы.

Keywords: interrogation; psychology; impact; limits.

Допрос играет огромную роль в расследовании преступлений и является одним из самых распространенных следственных действий. Это связано с тем, что в каждом уголовном деле проводится допрос, который является наиболее информативным средством, служащим путем получения наибольшего количества доказательств. Несомненно, для того, чтобы существовал положительный результат, необходима предварительная осведомленность следователя о фактах дела и наличии иных доказательств. Однако, помимо этого, допрос является контактным следственным действием, что позволяет наиболее полно применять психологические приемы воздействия на лицо с целью побудить допрашиваемого сообщить как можно больше информации [3, с. 4].

С точки зрения психологии допрос представляет собой взаимное психологическое воздействие лица, осуществляющего допрос, и допрашиваемого друг на друга. Причиной такого воздействия является характер получения информации и процесс её получения. Допрашиваемое лицо признается источником информации, а допрашивающий – её получателем.

Необходимым компонентом, который можно назвать ключевой предпосылкой успеха, является установление психологического контакта между лицами, участвующими в допросе. Подтверждением установленного контакта служит проявление готовности допрашиваемого вести беседу, т.е. отвечать на вопросы следователя [5, с. 9–10].

В зависимости от того, как допрашиваемый реагирует на попытки установления психологического контакта, выделяют различные виды ситуаций, а именно:

- Кооперативная ситуация;
- Конфликтная ситуация с нестрогим соперничеством;
- Конфликтная ситуация со строгим соперничеством.

Каждая ситуация характеризуется своими приемами и методами воздействия. Наиболее благоприятной является кооперативная ситуация, так как предполагается, что психологический контакт уже установлен. В связи с этим, суть технических приемов сводится к оказанию помощи допрашиваемому в припоминании забытого и наиболее правильного воспроизведении того, что он помнит. В данном случае, следователь использует приемы известные в психологии памяти, т.е. пытается воздействовать на образные, словесно-логические, эмоциональные и двигательные виды памяти, посредством применения ассоциативных связей и т.д. Тактическими приемами в бесконфликтной ситуации являются смежность (формирование смежных образов, предметов и др.), сходность (актуализация показаний посредством представления предметов, которые могут вызвать в памяти допрашиваемого определенные воспоминания), контрастность (посредством указания на альтернативность восприятия), наглядность (допрашиваемый изображает на бумаге воспоминания).

Конфликтная ситуация с нестрогим соперничеством является более сложной для установления психологического контакта, однако это затруднение возможно преодолеть. К тактическим приемам такой ситуации относятся:

- Беседа, как способ завоевать расположение допрашиваемого;
- Снятие напряжения, т.е. уменьшение волнения допрашиваемого, чувство тревоги. Снятие напряжения возможно достигнуть

путем направления разговора в русло интересов допрашиваемого, т. е. отвлечь его от неприятной для него обстановки;

- Настройка, которая заключается в выявлении общих черт характера и т. д.;
- Пресечение лжи, которое достигается путем предъявления имеющихся доказательств, опровергающих показания лица;
- Выжидание, т. е. предоставление времени допрашиваемому лицу, вызывая к его личному колебанию и признанию лжности или правдивости показаний [2, с. 110–113].

Наиболее сложно получить правдивые показания от лица в конфликтной ситуации со строгим соперничеством. Такая ситуация характеризуется следующими психологическими приемами:

- Допущение легенды. В таких случаях следователь делает вид, что верит ложным показаниям, однако просит допрашиваемого более детально рассказать обо всех моментах, упомянутых им, и в итоге «ловит» допрашиваемого на лжи;
- Вызов, т. е. следователь начинает сам рассказывать все произошедшее, как оно было, специально сообщая ложные факты, допрашиваемое лицо, в свою очередь, начинает реагировать на ложность или оговор в его отношении;
- Внезапность вопроса или предъявления доказательств посредством демонстрации того, на что возможно расследование;
- Создание преувеличенного представления об осведомленности следователя. Этот прием известен из популярного фильма, основанного по книге «Эра милосердия», «Место встречи изменить нельзя». Суть его сводится к тому, что следователь сообщает детальную информацию о совершенном событии или лицах, которые могут быть причастны, а также другие психологические приемы [1, с. 31–35].

Как можно отметить, при допросе лиц во втором и третьем случае наблюдается психологическая борьба между допрашивающим и допрашиваемым. Естественно, следователь (прокурор – в суде) должен попытаться преодолеть этот барьер, используя возможности оказания на допрашиваемого психологического воздействия, не противоречащего требованиям закона.

Под психологическим воздействием понимается преднамеренное, целенаправленное вмешательство в процессы психического отражения действительности другого человека в отличие от психического, которое может происходить и без выраженного желания воздействующего субъекта и даже в его отсутствие.

Воздействие может выражаться в различных формах: в виде эмоционального воздействия, направленного соответственно на эмоциональную сферу, а также в виде логического воздействия, которое вызывает рациональным основам сознания допрашиваемого.

Приемы эмоционального воздействия связаны с использованием допрашивающим нравственных категорий общественного и индивидуального сознания, например, любовь, честь, долг, порядочность, ответственность, добро, достоинство и т. д.

Приемы логического воздействия на допрашиваемого сводятся к выведению из одного высказывания в другое, плавно, путем последовательно предоставления доказательств и т. д. [5, с. 10–11].

Однако применение любого воздействия имеет свои границы. Критериями или пределами такого воздействия можно выделить следующие:

- Правовой, т. е. соответствие нормам процессуального права. Так, Уголовно-процессуальный кодекс запрещает применение наводящих вопросов, а также на уровне Конституции РФ запрещено психическое насилие: угрозы, обман и т. д. [6];
- Познавательный, в соответствии с которым целью допроса является получение показаний по конкретному факту преступления;
- Информационный, выражающийся исключительно в обмене информацией;
- Этический, т. е. уважение чести и достоинства, гарантируемые каждому гражданину;
- Тактический, т. е. следование требованиям криминалистической тактики [4, с. 59–61].

Следовательно, применение психологических приемов при ведении допроса просто необходимо, потому что случаи бесконфликтной ситуации бывают редки, однако обязательным условием является соблюдение установленных рамок, выраженных в различных сферах жизни человека.

Список литературы:

1. Бачиева А.В., Веренич Н.С., Виноградова А.Н., Виноградова О.С., Сотников К.И. Тактика допроса потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых: учебно-практическое пособие. – М.: ЦОКР МВД России, 2010. – 40 с.
2. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. – М.: «Новый Юрист», 1997. – 176 с.
3. Богинский Е.В. Рефлексное управление при допросе: учебное пособие. – Харьков, 1983. – 41 с.

4. Игнатенко Е.А. Критерии психологического воздействия на допрашиваемого в ходе производства допроса подозреваемого (обвиняемого). // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, – 2012. – № 5. – С. 59–61.
5. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса. – СПб: «Питер», 2001. – 135 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 13.07.2015) // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 12.12.2015).

НЕВЕРБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Хомякова Алевтина Владимировна

*канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического факультета Южного Федерального Университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону,
E-mail: al263@mail.ru*

Хантимирян Оксана Олеговна

*студент 4 курса 2 группы дневного отделения
Юридического факультета Южного Федерального Университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону,
E-mail: khantimiryan@mail.ru*

A NONVERBAL INFORMATION DURING THE VERBAL INVESTIGATORY ACTIONS

Alevtina Khomyakova

*candidate of Juridical Sciences,
assistant professor of Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

Oksana Khantimiryan

*student of Law Department of Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Невербальная информация носит существенный характер при проведении следственных действий. Она позволяет следователю установить и сопоставить информацию, полученную вербальным и невербальным путем. Анализируя эти источники информации следователь может использовать ряд тактических приемов, которые помогают ему при производстве следственных действий и установлении истины.

ABSTRACT

The nonverbal information is the significant importance conducting the investigatory actions. With its help the an investigator sets and compares the information received by the verbal and nonverbal means. Analyzing such sources of information the investigator may use a number of tactical maneuvers to help him in the conducting of the investigation and to establish the Truth

Ключевые слова: невербальная информация; следственные действия; подозреваемый; обвиняемый.

Keywords: nonverbal information; investigatory actions; suspect; convict

В психологии, в качестве средств взаимодействия людей, выделяют знаковые системы – вербальные и невербальные. Вербальное взаимодействие осуществляется с помощью речи и ее восприятия людьми на слух. Невербальное – посредством различных незвуковых знаковых систем: взгляда, мимики, жестов, поз, телодвижений, темпа, тембра, дикции, артикуляции, пауз, слов-паразитов. Большое значение в общении имеют и элементы внешнего вида человека, а также подчеркивание или сокрытие своих личностных особенностей [5, с. 149–151]. Совокупность всех невербальных знаковых систем занимает важное место в общении, позволяя более тесно взаимодействовать не только посредством восприятия речи на слух, но и подкрепляя его визуальными характеристиками, ослабляя или усиливая речевое воздействие, а так же создавая больше возможностей для установления намерения участников взаимодействия, их эмоционального состояния.

Предварительное расследование имеет познавательную направленность. Для установления различных обстоятельств, которые имеют значения для уголовного дела необходимо наделение органов дознания и предварительного следствия специальными процессуальными полномочиями. Одним из таких полномочий является

проведение следственных действий, В.В. Кальницкий, отмечал, что ни научная, ни учебная литература не дают исчерпывающего перечня следственных действий; выделяя характерной чертой следственного действия его правовую природу, которая получает свое выражение в том, что следственное действие есть юридический факт, создающий некое правоотношение, в котором в качестве его субъекта участвует следователь при собирании, исследовании и оценке доказательств [4, с. 11, 94].

Под следственными действиями в криминалистической и уголовно-процессуальной теории (Р.С. Белкин, В.А. Образцов, С.А. Шейфер, В.Ю. Шепитько) понимаются закрепленные уголовно-процессуальным законом отдельные комплексы познавательных и удостоверительных операций, направленные на собирание, исследование, использование и оценку доказательств.

Не возникает сомнений об отнесении таких процессуальных действий, как осмотр, обыск, допрос, следственный эксперимент, предъявление для опoznания, назначение экспертизы к следственным действиям.

Криминалисты (С.П. Ефимичев, В.И. Шиканов) отмечают, что УПК РФ закрепляет и иные процессуальные действия следователя, которые так же стоит относить к следственным действиям: эксгумация трупа, получение образцов для сравнительного исследования, задержание подозреваемого, контроль и запись переговоров, наложение ареста на имущество [2, с. 5].

В литературе давно и устойчиво используется деление следственных действий на вербальные и невербальные, при этом, как отмечает А.В. Победкин, не выработано единого подхода к основаниям для данной классификации. Обусловлено это тем, что авторы вкладывают различный смысл в основание для классификации следственных действий [6, с. 86–87]. С.А. Шейфер основным критерием классификации выделяет – расспрос [8, с. 48–49]; А.Б. Соловьев – взаимосвязь следственного действия с обнаружением материальных следов и вещественных доказательств, а так же с получением и проверкой показаний с помощью этого следственного действия [7, с. 35]. Нельзя не согласиться с С.А. Шейфером в том, что основным критерием классификации является расспрос, т.к. посредством расспроса возможно не только установление фактических обстоятельств вербальным путем, но и уточнение и понимание всей обстановки совершенного деяния посредством наблюдения за невербальными поведением обвиняемого или подозреваемого. Наблюдая за движениями, мимикой, жестами, которые использует подозреваемый или

обвиняемый, следователь сопоставляет соответствие данной информации с полученной вербальным способом. Выявление и оценка невербальной информации носит субъективный характер, а ее назначение, в большей степени, – ориентирующее.

К вербальным следственным действиям можно отнести:

- допрос,
- очную ставку,
- предъявление для опознания,
- проверка показаний на месте.

Невербальная информация, получаемая следователем от лиц, участвующих в следственном действии, как уже отмечалось, носит субъективный характер и лишь ориентирующее значение. Ввиду различной психологии лиц и исходных обстоятельств дела, выделить конкретные знаковые системы невербальной информации при проведении следственных действий не представляется возможным. Рассмотрим невербальную информацию, которую следователь может получать при проведении следственных действий. Кроме того, с помощью правильного владения и применения данной информации, возможно установление большего количества необходимых ему сведений

Допрос представляет собой получение и фиксацию в установленной процессуальной форме показаний от допрашиваемого лица о фактах и событиях, которые имеют или могут иметь значение для установления истины в расследуемом деле. Он является одним из сложных следственных действий, требуя от следователя не только профессионализма, соблюдения строгих правил установленных УПК РФ, но и знания психологии, умения применять тактико-криминалистические приемы.

Для того, что бы добиться от допрашиваемого настрой на взаимодействие со следователем, положительного изменения в поведении и эмоциональном состоянии, следователю стоит невербальными действиями создать обстановку открытости, доброжелательности и необходимости в общении, тем самым устанавливая контакт с лицом. Примером, неустановленного контакта между следователем и допрашиваемым служит поза со скрещенными руками и ногами, разворот ног в сторону выхода, взгляды на часы и т. п. В психологии существует понятие техники «подстройки», суть ее заключается в копировании манеры общения собеседника, посредством использования данного приема, копируя тембр, темп и стиль речи, следователь вполне может достичь положительной динамики в раскрепощении допрашиваемого [3, с. 116–119], что позволит ему

в дальнейшем применить прием «невербального ведения допрашиваемого за собой» [1, с. 224], когда лицо бессознательно и непроизвольно копирует невербальные действия собеседника. В итоге устанавливается более тесный невербальный контакт, что располагает допрашиваемого к беседе.

Очная ставка является разновидностью допроса и представляет собой допрос двух и более лиц, если в их показаниях имеются существенные противоречия. При проведении очной ставки от следователя требуется не только оценивать вербальную информацию, предоставляемую допрашиваемыми, но и невербальную. Оценка невербальной информации необходима ввиду того, что при проведении очной ставки возможно оказание сильного психологического воздействия допрашиваемыми друг на друга. Если одно лицо оказывает сильное психологическое воздействие, у другого лица возникает эмоциональная напряженность. В зависимости от того, какими невербальными знаковыми системами допрашиваемые пользуются при проведении очной ставки, и по невербальной реакции допрашиваемых на информацию сообщаемую одним допрашиваемым другому, следователь может определить лицо, сообщавшие ложные сведения.

Предъявление для опознания представляет собой следственное действие, при котором опознающий осуществляет отождествление либо опровержение такого между предъявляемым ему объектом и объектом ранее известным, зафиксированным в его памяти. Невербальная информация при проведении данного следственного действия так же играет немаловажную роль. Ввиду специфики предъявления для опознания потерпевший не всегда способен объективно воспринимать происходящее следственное действие, т. к. он может находиться в состоянии гнева, стыда, злости, паники, а также проявлять иные личностными свойства, не способствующие объективной оценке при проведении опознания. Если говорить, о невербальной информации, то такие знаковые системы, как мимика, жестикация, признаки задумчивости, растерянности и тревоги, могут дать основание полагать, что опознающий имеет некоторую неуверенность, и существует возможность получения следователем недостоверного результата. По совокупности получаемой невербальной информации, следователь может сделать вывод не только о недостоверном результате, но и о том, что опознающий намеренно скрывает факт опознания лица. Причины для этого различны (например, страх). Невербальными признаками в таком случае будет непроизвольный ответ тела на опознаваемого: задержка

взгляда на нем с последующим его отведением, прищуривание, отведение взгляда от опознаваемого и иные.

Проверка показаний на месте необходима для проверки показаний ранее давших проверяемым лицом в месте, связанным с расследуемым событием.

Невербальная информация может носить совершенно различный характер, в частности, могут проявляться признаки, присущие лицам при сообщении ложных сведений: мимика, нервное состояние, замешательство, растерянность и т. п. Одним из примеров оценки следователем невербальной информации и правильного применения тактики может служить случай: при допросе Я., подозреваемого в убийстве жены, от него было получено согласие указать место захоронения ее трупа. О том, что труп еще не найден, Я. известно не было. В ходе проверки показаний Я. уверенно шел по лесу и вывел участников следственного действия прямо к наполовину засыпанной траншее. Остановившись у траншеи, Я. в замешательстве взглянул на следователя: траншея была завалена льдом и снегом, было очевидно, что труп там не искали. Осознав, видимо, что труп его жены не был найден и признался он преждевременно, Я. сумел быстро справиться с волнением. Взяв себя в руки, он двинулся дальше, а через некоторое время, не глядя, ткнув в землю пальцем, сказал: «Вот здесь». Было ясно, что Я. решил указать ложное место захоронения трупа жены, при этом следователь спокойно и уверенно заявил: «Вы говорите неправду. Покажите, где спрятан труп». Я. смутился и, потоптавшись в нерешительности, вернулся назад, указав истинное место, где был закопан труп [1, с. 243].

Правильно и четко оценив такие невербальные признаки, как замешательство, взгляды, поведение при указании на неверное место и поведение лица до осознания того, что труп не найден и после это, очевидно свидетельствовали о намерении лица скрыть реальные обстоятельства дела. Использование невербальной информации при проведении следственных действий является неотъемлемой частью анализа личности и установления необходимых сведений. Для того, что бы правильно трактовать и уметь использовать, а также избирать необходимые тактико-криминалистические приемы следователям необходимо быть не только профессионалами в области права, но и психологии поведения личности.

Список литературы:

1. Аминов И.И. Юридическая психология. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 415 с.
2. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий. Криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. М.: Эксмо, 2010. – 164 с.
3. Ильин Е.П. Психология доверия. – М.: Питер, 2013. – 288 с.
4. Кальницкий В.В. Следственные действия: учеб.-метод. пособие. Омск: Омск. акад. МВД России, – 2001. – 104 с.
5. Панфилова А.П. Психология общения: учебное пособие – М. Академия, – 2013, – 370 с.
6. Победкин А.В. К вопросу о сущности отдельных следственных действий //Следователь. – 2006. – № 3. – С. 38–42.
7. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России: науч.-практ. пособие для следователей. М. : Юрлитинформ, 2002. – 160 с.
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., - 2004. – 115 с.

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
LVI международной научно-практической конференции

№ 12 (51)
Декабрь 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 28.12.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,75. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3